ISSN 1726-3247

Т. 26. № 2. Март 2025 www.ecsoc.hse.ru; ojs.hse.ru/index.php/ecsoc

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL OF ECONOMIC SOCIOLOGY = EKONOMICHESKAYA SOTSIOLOGIYA

Читайте в номере:

Шабанова М. А. Этичное потребление как индикатор и ресурс трансформации гражданского общества в России

Пишняк А. И., Халина Н. В., Назарбаева Е. А. Потребительские стандарты в восприятии населения России: основные характеристики и границы

Грэм М., Феррари Ф. Введение к книге «Цифровая работа на планетарном рынке»

Рогозин Д. М. Позиция Алексея Румянцева: неиспорченный научный некролог

Синявская О. В., Бирюкова С. С., Селезнёва Е. В. Технологии укрепления человека как новый фактор социального неравенства в современном обществе

Экономическая социология
Т. 26. № 2
Март 2025

Электронный журнал
www.ecsoc.hse.ru
ojs.hse.ru/index.php/ecsoc

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Электронный журнал «Экономическая социология» издаётся с 2000 г. Учредителями являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (с 2007 г.) и Вадим Валерьевич Радаев (главный редактор).

Цель журнала — утверждать международные стандарты экономико-социологических исследований в России, представлять современные работы российских и зарубежных авторов в области экономической социологии, информировать профессиональное сообщество о новых актуальных публикациях и исследовательских проектах, а также вовлекать в профессиональное сообщество молодых коллег.

Журнал представляет собой специализированное академическое издание. В нём публикуются материалы, отражающие современное состояние экономической социоло-гии и способствующие развитию данной области в её современном понимании. В числе приоритетных тем: теоретические направления экономической социологии, социологические исследования рынков и организаций, социально-экономические стратегии индивидов и домашних хозяйств, неформальная экономика. Также публикуются тексты из смежных дисциплин — неоинституциональной экономической теории, антропологии, экономической психологии и других областей, которые могут представлять интерес для экономсоциологов.

Журнал публикует пять номеров в год: в январе, марте, мае, сентябре и ноябре. Доступ ко всем номерам журнала постоянный, свободный и бесплатный по адресу: http://www.ecsoc.hse.ru. Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).

Журнал входит в список ВАК России, индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), Emerging Sources Citation Index (ESCI) из Web of Science Core Collection и Scopus (2-й квартиль).

Требования к авторам изложены по адресу: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

В журнале применяется двойное анонимное рецензирование статей. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры.

Плата с авторов журнала не взимается. Ускоренные сроки публикации статей не предусмотрены.

Journal of Economic Sociology
Vol. 26. No 2.
March 2025

Electronic journal
www.ecsoc.hse.ru

ojs.hse.ru/index.php/ecsoc
ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str.,
room 530
101000, Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Journal of Economic Sociology was established in 2000 as one of the first academic e-journals in Russia. It is funded by HSE University.

Journal of Economic Sociology promotes international standards of research in economic sociology, presenting new research carried out by Russian and international scholars, introducing new books and research projects, and attracting young scholars into the field.

Journal of Economic Sociology is a specialized academic journal representing the mainstreams of thinking and research in international and Russian economic sociology. Journal of Economic Sociology provides a framework for discussion of the following key issues: major theoretical paradigms in economic sociology, sociology of markets and organizations, social and economic strategies of households, informal economy. Journal of Economic Sociology also welcomes research papers written within neighboring disciplines — new institutional economics, anthropology, economic psychology and related fields, which can be of interest for economic sociologists.

Journal of Economic Sociology has a wide Russian speaking audience, living both in Russia and abroad. Its main target group comprises research scholars, university professors, policy-makers, post-graduates, undergraduates and others who are interested in economic sociology.

Journal of Economic Sociology is indexed by Emerging Sources Citation Index (ESCI) from Web of Science™ Core Collection and Scopus (Q2).

Journal of Economic Sociology is a bimonthly journal released in five issues (January, March, May, September, and November). Journal of Economic Sociology provides permanent free access to all issues in PDF. Journal of Economic Sociology applies blind peer-review procedures (two referees for each research paper). All papers are subject to editing, proofreading, and professional design layout.

Guidelines for authors: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

Экономическая социология
Т. 26. № 2.
Март 2025

Электронный журнал
www.ecsoc.hse.ru

ojs.hse.ru/index.php/ecsoc

ISSN 1726-3247

Журнал выходит пять раз в год

Учредители:

- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- В. В. Радаев

Издаётся с 2000 года

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Редакция

Главный редактор: Радаев Вадим Валерьевич (НИУ ВШЭ, Россия)
Редактор выпуска: Соколова Татьяна Виленовна (Россия)

Вёрстка: Мишина Мария Евгеньевна (Россия)
Корректор: Андрианова Надежда Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)
Ответственный секретарь: Котельникова Зоя Владиславовна (НИУ ВШЭ, Россия)
Сотрудники редакции: Конрой Наталья Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Редакционный совет

Богомолова Татьяна Юрьевна	НГУ, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Россия)
Веселов Юрий Васильевич	Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)
Волков Вадим Викторович	Европейский университет в Санкт-Петербурге (Россия)
Гимпельсон Владимир Ефимович	НИУ ВШЭ (Россия)
Козырева Полина Михайловна	НИУ ВШЭ (Россия)
Косалс Леонид Янович	Университет Торонто (Канада)
Малева Татьяна Михайловна	Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС (Россия)
Овчарова Лилия Николаевна	НИУ ВШЭ (Россия)
Радаев Вадим Валерьевич (главный редактор)	НИУ ВШЭ (Россия)
Тихонова Наталья Евгеньевна	НИУ ВШЭ (Россия)
Хахулина Людмила Александровна	(Россия)
Чепуренко Александр Юльевич	НИУ ВШЭ (Россия)

Journal of Economic Sociology
Vol. 26. No 2.
March 2025

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru

ojs.hse.ru/index.php/ecsoc

ISSN 1726-3247

Journal of Economic Sociology is a bimonthly journal released in five issues in annual volume

Establishers

- HSE University
- Vadim Radaev

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

Editors

Editor-in-Chief:	Vadim Radaev (HSE University, Russia)
Editor:	Tatyana Sokolova (Russia)
Design and Layout:	Maria Mishina (Russia)
Proofreader:	Nadezda Andrianova (HSE University, Russia)
Managing Editor:	Zoya Kotelnikova (HSE University, Russia)
Editorial Staff:	Natalia Conroy (HSE University, Russia)

Editorial Council

Tatyana Bogomolova	Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)
Alexander Chepurenko	HSE University (Russia)
Vladimir Gimpelson	HSE University (Russia)
Lyudmila Khakhulina	(Russia)
Leonid Kosals	University of Toronto (Canada)
Polina Kozyreva	HSE University (Russia)
Tatyana Maleva	Institute of Social Analysis and Forecasting, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia)
Lilia Ovcharova	HSE University (Russia)
Vadim Radaev (Editor-in-Chief)	HSE University (Russia)
Natalya Tikhonova	HSE University (Russia)
Yuriy Veselov	Saint Petersburg State University (Russia)
Vadim Volkov	European University at Saint Petersburg (Russia)

Содержание

Тексты на русском языке

Вступительное слово главного редактора *(В. В. Радаев)* 7

Памяти Майкла Буравого (1947–2025) (*Н. Е. Покровский*) 11

Новые тексты

М. А. Шабанова
Этичное потребление как индикатор и ресурс
трансформации гражданского общества в России 14

А. И. Пишняк, Н. В. Халина, Е. А. Назарбаева
Потребительские стандарты в восприятии населения России:
основные характеристики и границы 53

Новые переводы

М. Грэм, Ф. Феррари
Введение к книге «Цифровая работа на планетарном рынке» 82

Профессиональные обзоры

Д. М. Рогозин
Позиция Алексея Румянцева: неиспорченный научный некролог. 102

О. В. Синявская, С. С. Бирюкова, Е. В. Селезнёва
Технологии укрепления человека как новый фактор
социального неравенства в современном обществе 121

Новые книги

А. Д. Казун
Почему люди избегают новостей и как (не) надо с этим бороться?
Рецензия на книгу: Toff B., Palmer R., Nielsen R. K. 2023. *Avoiding the News: Reluctant Audiences for Journalism*. New York: Columbia University Press. 288 p. 162

Contents

Texts in Russian

Editor's Foreword (*Vadim Radaev*) 7

In Memoriam: Michael Burawoy (1947–2025) (*Nikita Pokorvsky*)..... 11

New Texts

Marina Shabanova
Ethical Consumption as an Indicator and Resource of
Civil Society Transformation in Russia 14

Alina Pishnyak, Natalia Khalina, Elena Nazarbaeva
The Consumer Standards in Russia: Key Features and the Limits..... 53

New Translations

Mark Graham, Fabian Ferrari
Introduction to *Digital Work in the Planetary Market*..... 82

Professional Reviews

Dmitry Rogozin
The Position of Alexey Rumyantsev: An Unspoiled Scientific Obituary 102

Oxana Sinyavskaya, Svetlana Biryukova, Elena Selezneva
Human Enhancement Technologies as a New Factor of Social Inequality in Modern Society..... 121

New Books

Anastasia Kazun
Why People Avoid the News and How (Not) to Combat It
Book review: Toff B., Palmer R., Nielsen R. K. (2023) *Avoiding the News: Reluctant Audiences for Journalism*, New York: Columbia University Press. 288 p..... 162

VR ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели,

представляем новый номер нашего журнала.

Памяти Майкла Буравого (1947–2025). Номер начинается с воспоминаний о Майкле Буравом, погибшем в начале 2025 г. Майкл был одним из самых известных мировых индустриальных социологов. Проводил исследования, в том числе в России. Возглавлял факультет социологии в Беркли, избирался президентом Международной социологической ассоциации. И был замечательным человеком. О нём пишет близко знавший его профессор Н. Е. Покровский.

В рубрике «**Новые тексты»** предлагается статья д. соц. н. *М. А. Шабановой* (профессора НИУ ВШЭ) «Этичное потребление как индикатор и ресурс трансформации гражданского общества в России». В работе тестируются гипотезы о связи между этичным потреблением как новой сферой гражданского общества и его традиционной сферой (формальные и неформальные структуры вне сферы потребления). По результатам двух репрезентативных исследований 2020 и 2022 гг. впервые представлены данные о включении россиян в широкий спектр практик этичного потребления на разных рынках и стадиях обращения с благами (приобретение, использование, избавление). Установлено, что разные практики востребованы в неодинаковой мере, однако основная часть россиян их уже использует.

Продолжает рубрику статья канд. соц. н. *А. И. Пишняк*, *Н. В. Халиной* и *Е. А. Назарбаевой* (все — сотрудники Центра анализа доходов и уровня жизни НИУ ВШЭ) «Потребительские стандарты в восприятии населения России: основные характеристики и границы». На материалах 50 фокус-групповых дискуссий, проведённых в 2023 г., идентифицируются различные типы стандартов и приводится их подробное описание в контексте отдельных сфер потребления. Четыре выделенных стандарта («Комфорт», «Норма», «Жить можно» и «Очень тяжело») дают представление не только об ориентирах в потреблении, но и о маркерах ухудшения материального положения для различных групп населения.

В рубрике **«Новые переводы»** мы знакомим читателей с коллективной монографией «Цифровая работа на планетарном рынке» («Digital Work in the Planetary Market»), редакторами-составителями которой являются Марк Грэм и Фабиан Феррари (оба из Оксфордского университета). В представляемой книге ведущие учёные и эксперты из разных областей изучают последствия для работы и работников ситуации, когда труд превращается в товар и выходит за пределы локальных рынков. Журнал «Экономическая социология» публикует введение к монографии с разрешения Издательства Института Гайдара, где книга готовится к изданию. Перевод с английского Софьи Щукиной.

В рубрике **«Профессиональные обзоры»** публикуются воспоминания канд. соц. н. *Дмитрия Рогозина* (заведующий лабораторией полевых исследований РАНХиГС), посвящённые *Алексею Матвеевичу Румянцеву* (1905–1993), первому руководителю Института конкретных социологических исследований (ИКСИ) — противоречивой, но, несомненно, выдающейся фигуре в организации молодой советской социологии.

Далее следует материал канд. экон. н. *О. В. Синявской*, канд. экон. н. *С. С. Бирюковой* (обе — сотрудники Центра комплексных исследований социальной политики НИУ ВШЭ), и канд. экон. н. *Е. В. Се-*

лезнёвой (сотрудник Центра исследований благополучия и бюджетов времени населения НИУ ВШЭ) «Технологии укрепления человека как новый фактор социального неравенства в современном обществе». Статья открывается обсуждением концептуальных вопросов взаимосвязей между технологиями укрепления человека, неравенством и социальной исключённостью. Далее на материалах кейсов трёх групп технологий — когнитивного укрепления, вспомогательных репродуктивных технологий и технологий продления жизни (биогенетических и биогеронтологических) — авторы рассматривают, с одной стороны, возможности для повышения благополучия и снижения социальной исключённости, а с другой, риски, которые появляются в связи с развитием технологий укрепления человека.

В рубрике **«Новые книги»** публикуется рецензия на книгу Toff B., Palmer R., Nielsen R. K. 2023. *Avoiding the News: Reluctant Audiences for Journalism*. New York: Columbia University Press. Информационная перегрузка, фрагментация медиасреды, кризис доверия новостям, негативный уклон при освещении событий повестки дня — все эти характеристики современного информационного потока способствовали возникновению массового избегания новостей. Авторы рецензируемой монографии, опираясь на большой объём эмпирических данных, описывают данный феномен. Книга преимущественно сфокусирована на мотивах и факторах избегания новостей. Рецензия подготовлена канд. соц. н. *А. Д. Казун* (ЛЭСИ НИУ ВШЭ).

VR INTRODUCTORY REMARKS

Dear colleagues,

Let us introduce of a new journal issue.

Michael Burawoy (1947–2025) was one of the most eminent world industrial sociologists. He conducted his research in a number of countries including Russia. He was known as a Dean at the Faculty of sociology in Berkeley. Burawoy was elected President of the International Sociological Association (ISA). Prof. *Nikita Pokrovsky* shares his memories of this distinguished scholar and remarkable person.

Professor *Marina Shabanova* (Department of Applied Economics, HSE University) submitted a paper 'Ethical Consumption as an Indicator and Resource of Civil Society Transformation in Russia'. This paper tests hypotheses concerning the relationship between ethical consumption as a new sphere of civil society (CS) and its traditional sphere (formal and informal structures beyond the consumption sphere). For the first time, it presents data on Russians' participation in a wide range of ethical consumption practices in different markets and stages of dealing with benefits (acquisition, utilization and disposal) based on the results of two representative studies (2020 and 2022). It has been established that although different practices are favored differently, Russian citizens, for the most part, have already been using them.

Dr. *Alina Pishnyak*, *Natalia Khalina*, *Elena Nazarbaeva* (all from the Centre for Studies of Income and Living, HSE University) present their study 'The Consumer Standards in Russia: Key Features and the Limits'. Based on materials from 50 focus group discussions conducted in 2023, various types of standards are identified and a detailed description of the capabilities of each is provided in the context of individual consumption spheres. Four standards including "Comfort," "Norm," "Hard, but livable," and "Very bad" provide insights not only into consumption benchmarks but also into markers of deteriorating financial status for different population groups.

We present a Russian translation of *Digital Work in the Planetary Market* (MIT Press, 2022), edited by Mark Graham and Fabian Ferrari (both from Oxford University). The book's contributors, leading scientists and experts from various fields, explore the consequences of such a situation for work and employees, when labor becomes a commodity and goes beyond local markets. We are publishing an Introduction from this book, with kind permission from the Gaidar Institute Publishing House.

Dr. *Dmitry Rogozin* (Field Research Laboratory, RANEPA) presents an article dedicated to the life and scientific work of *Alexei Rumyantsev* (1905–1993), the first head of the Institute of Concrete Sociological Research (ICSIR). The author emphasizes the contradictory nature of Rumyantsev's personality and explicate his enormous impact to the organization of the emerging Soviet sociology.

Dr. *Oxana Sinyavskaya*, Dr. *Svetlana Biryukova* (both from the Centre for Comprehensive Social Policy Studies, HSE University), and Dr. *Elena Selezneva* (Centre for Well-being and Time Use Research, HSE University) prepared an analytical review 'Human Enhancement Technologies as a New Factor of Social Inequality in Modern Society.' The article starts with a discussion on conceptual issues of the relationship between human enhancement technologies, inequality, and social exclusion. Then, using case studies of three groups of technologies, namely cognitive enhancement, assisted reproductive technologies, and life extension technologies (biogenetic and biogerontological), the authors consider, on the one hand, the opportunities for increasing well-being and reducing social exclusion, and, on the other, the risks that arise in connection with the development of human enhancement technologies.

Dr. *Anastasia Kazun* (LSES HSE University) reviews a book: Toff B., Palmer R., Nielsen R. K. (2023). *Avoiding the News: Reluctant Audiences for Journalism*, New York: Columbia University Press. The reviewed monograph addresses the burgeoning phenomenon of news avoidance, a consequence of information overload, media fragmentation, declining trust in news sources, and the pervasive negativity characterizing contemporary news coverage. Drawing on extensive empirical data, the authors offer a comprehensive examination of the motivations and factors underpinning this trend.

ПАМЯТИ

Памяти Майкла Буравого (1947–2025)

Ана Вильяреалл. *Источник:* https://ls.berkeley.edu/news/memoriam-michael-burawoy

Социальные сети мгновенно облетела трагическая информация. Скупые строки в протокольном стиле засвидетельствовали: социолог Майкл Буравой погиб в результате наезда автомобиля в Окленде (США). Инцидент произошёл 3 февраля 2025 г. Так оборвалась жизнь выдающегося учёного, социолога, общественного деятеля XXI века.

Дорожный инцидент с фатальными последствиями. Это событие во многом имеет не только глубоко личный смысл, но и символическое значение для всех социологов наших и грядущих дней, для современной социологии в целом.

Майкл Буравой родился в 1947 г. в Англии в семье эмигрантов, уехавших из России в 1914 году. Получил степень бакалавра по математике в Кембриджском университете. Позднее продолжил образование в Чикагском университете в США, где и стал доктором социологии. (Уже в докторской диссертации Буравого явно прослеживалось влияние марксистской концептуальной социологии, склонность к которой в значительной степени определила его путь на годы вперёд.) В 1976 г. молодой социолог начинает преподавать в Калифорнийском университете в Беркли и через 20 лет возглавит там социологический факультет.

Научная работа Майкла Буравого, принёсшая ему известность, была связана с партисипаторными исследованиями в области индустриальной социологии, погружением в рабочую среду в постсоветской России (на промышленном предприятии в Сыктывкаре), в Венгрии, в Замбии. В ходе этих исследований у Майкла Буравого постепенно формировалась концепция постколониализма и проявился особый интерес к формированию и расцвету государственного социализма и последующему отходу от него.

Со временем, в начале 2000-х, Майкл Буравой всё больше сосредоточивался на аналитической концептуализации интеллектуальной ситуации в современном университетском образовании и словно изнутри этого социального института осмысливал роль социологии как науки, не только изучающей общество, но и создающей программу формирования глобального будущего человечества на фундаменте социальной справедливости и равноправия всех стран и народов. Это потребовало переосмысления исторически сложившейся роли и смысла социологии в современном мире.

Одним ударом бритвы Оккама Майкл Буравой рассекает монолит предмета социологии с его многочисленными напластованиями и вариантами, рассекает на четыре социологии — профессиональную, или академическую (*professional*), критическую (*critical*), прикладную (*policy*) и публичную (*public*). При этом в в*и*дении Майкла Буравого безусловное лидерство должно и будет принадлежать именно публичной социологии, от лица которой он и начинает выступать. Автором этой концепции и её наиболее ярким глашатаем стал сам Майкл Буравой. Это социология, сочетающая глубинное погружение в гущу освободительных социальных движений, исследующая их «лицом к лицу» и одновременно выступающая идейной платформой этих движений, формулирующая задачи и направление движения. Позиция социолога в таком понимании невольно рождала ассоциации с марксизмом. И это открыто признавал Майкл Буравой. Но в большей степени его ролевой моделью был Л. Троцкий.

Наряду с концепцией публичной социологии Майкл Буравой предложил свою оригинальную концепцию глобальной социологии (не путать с теорией глобализации!). Смысл её состоял в установлении полного равноправия и равнозначимости всех «эндогенных» (национальных) социологий развивающихся стран и стран «глобального Севера» (то есть Западной Европы и Северной Америки). При этом достаточно отчётливо у Майкла Буравого звучал хорошо известный нам набатный мотив: «Публичные социологи всех стран, соединяйтесь!». «Освобождая себя и заявляя о себе, социологии развивающихся стран спасают социологию в целом», — можно было и так раскрыть пафос позиции Майкла Буравого.

В 2010 г. Майкла Буравого избрали на четырёхлетний срок 17-м президентом Международной социологической ассоциации (МСА) — International Sociological Association (ISA). Таким образом, он стал фактическим лидером мирового социологического сообщества. Это признание привело и к признанию значимости публичной социологии в научной среде и одновременно — вершиной профессионального и жизненного пути Буравого. На посту президента МСА (а до этого ещё и на посту вице-президента МСА по национальным ассоциациям) Майкл Буравой развернул поистине титаническую работу по мобилизации национальных социологий развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Он посетил с лекциями, семинарами, выступлениями подавляющее большинство стран мира, в которых существовали объединения социологов и где в университетах так или иначе преподавалась социология, что превратилось в небывалый по своим масштабам охват мирового социологического сообщества. В итоге концепция глобальной социологии получила своё наглядное воплощение. И вновь, подчеркнём, лидером этой социологии, нацеленной на борьбу за равноправие и социальную справедливость, стал именно Майкл Буравой.

...В силу моего избрания в правление МСА в 2004–2014 гг. я имел возможность постоянно общаться и взаимодействовать с Майклом Буравым по самому широкому кругу вопросов. Вне всякого сомнения, это был выдающийся человек, обладавший абсолютно харизматичной энергией, убеждённостью,

природным даром магического воздействия на аудиторию. Выступая перед полным многотысячным составом Всемирного социологического конгресса или же читая лекцию в скромной студенческой аудитории, Буравой никогда не занимал место в президиуме, на кафедре, на трибуне. Он выходил на край авансцены и напрямую обращался к аудитории, демонстрируя удивительно выразительные приёмы ораторского искусства. Это было захватывающее событие само по себе. И это был человек, господствовавший в собрании любого уровня и масштаба, буквально повелевавший аудиторией. Лекции Майкла Буравого превращались в завораживающие монологи трибуна, богом одарённого оратора, выступавшего от имени социологии, но при этом охватывающего перспективы развития общества в целом. Он легко и оперативно соглашался выступать в онлайне перед магистрантами программы «Социология публичной сферы и социальных коммуникаций» в НИУ ВШЭ. А позднее Майкл Буравой и лично посетил Высшую школу экономики.

Для Буравого не существовало таких понятий, как занятость, усталость, творческое отдохновение. Он воплощал динамику движения по планете, динамику мысли и динамику действия. Он всегда и при всех обстоятельствах был открыт для общения, как с великими мира сего в науке, так и со студентами, людьми с улицы, случайными попутчиками. Всегда улыбающийся, слушающий собеседника, немедленно реагирующий на его слова.

Могу сказать, что, слушая Майкла, я впервые (несмотря на предшествующие годы университетского изучения советского марксизма) осознал для себя смысл жизнедеятельности Маркса, Ленина, Троцкого. (Эту консонантность в каком-то смысле не отрицал и сам Майкл Буравой.) Более того, сегодня многие полагают, что Буравого можно поставить в ряд этих имён, по крайней мере, по духу, воодушевлению, стилю, направленности мысли.

Это удивительным образом совпало с «полевением» западных университетских и научных кругов. Антикапиталистический и антипостмодернистский настрой Майкла Буравого наложился на постепенно вызревавший на рубеже веков тренд нового постмарксизма. И Буравой возглавил этот тренд. Представляется, что перед нами беспрецедентный феномен в истории социологии — соединение социальной теории и социальной практики. Фигурально выражаясь, это был выход социологии на баррикады общественных трансформаций. В лице Буравого мы отчётливо видим, что на современном этапе капитализм не только создал и укрепил здание своей либерально-рыночной философии, но в своих глубинах породил и антитезу этой философии. И Майкл Буравой стал одним из ярчайших носителей этой антитезы. Полагаю, он вскоре превратится, если уже не превратился, в историческую фигуру новой публичности, опирающейся на социологию.

Внезапный и трагический уход Майкла Буравого окрашивает в драматические краски всю картину современной социальной науки. Пойдёт ли она магистрально по пути, столь отчётливо и ярко предложенном Майклом Буравым (и этому есть немало свидетельств)? Или же её ожидают новые неизведанные и турбулентные трансформации в мире, порождающем одно всеобщее противоречие за другим?

К величайшему сожалению, ответить на эти вопросы Майкл Буравой уже не сможет. Сможем ли это сделать мы?

Н. Е. Покровский

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

М. А. Шабанова

Этичное потребление как индикатор и ресурс трансформации гражданского общества в России[1]

ШАБАНОВА Марина Андриановна — доктор социологических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), ведущий научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: mshabanova@hse.ru

В статье обосновывается теоретическое представление и тестируются гипотезы о связи между этичным потреблением как новой сферой гражданского общества (ГО) и его традиционной сферой (формальные и неформальные структуры вне сферы потребления). По результатам двух репрезентативных исследований (2020 г., 2022 г., декабрь, N = 2000 в каждом) впервые представлены данные о включении россиян в широкий спектр практик этичного потребления на разных рынках и стадиях обращения с благами (приобретение, использование, избавление). Установлено, что разные практики востребованы в неодинаковой мере, однако основная часть россиян их уже использует, так что без учёта этого многоаспектного феномена представление о современном ГО, его функциях и ресурсах перестаёт быть полным. На основе выявления степени пересечения состава участников разных практик обнаружена высокая фрагментарность («рассогласованность») феномена как в рамках отдельных видов, так и между ними. Это ослабляет вклад этичного потребления в продвижение устойчивого развития, в то время как его вклад в развитие ГО в любом случае положителен. Показано, что становление этичного потребления сигнализирует о развитии российского ГО как вглубь (за счёт обретения ещё одной сферы проявления гражданственности теми, кто уже включён в традиционные гражданские структуры — формальные и неформальные), так и вширь (за счёт притока в ГО новых участников, ранее социально пассивных). С помощью регрессионного анализа определены связи между отдельными факторами и вероятностями включения россиян в разные виды этичного потребления, вскрыты слабые звенья в развитии этих последних. Делается вывод о том, что расширенное воспроизводство этичного потребления требует реализации дифференцированных воздействий со стороны ключевых заинтересованных сторон (НКО, власть, бизнес) в отношении разных категорий этичных потребителей, разных стадий и видов этичного потребления, что повысило бы вклад этого феномена в развитие ГО в России.

Ключевые слова: этичное (ответственное, сознательное) потребление; гражданское общество; индивидуализированные коллективные действия; НКО; социальная солидарность; моральная ответственность; устойчивое развитие.

[1] Статья подготовлена на основе результатов исследования, проведённого автором в Центре исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Постановка проблемы

В современном мире под воздействием ряда факторов (цифровизация, экономическое развитие, экологические вызовы, усиление значимости постматериалистических ценностей и проч.) сфера гражданского общества (ГО) сильно меняется, причём не только в экономически развитых странах с сильным ГО, но и в менее развитых странах со слабыми гражданскими структурами. Важнейшим каналом и индикатором этой трансформации оказываются сдвиги в *потреблении*, которое всё чаще становится «средством проявления гражданственности» [Shaw 2007: 142]. В ответ на экологические и социальные вызовы (угрожающее состояние окружающей среды, развитие неприглядных деловых практик, наносящих значительный вред людям, животным, природе) этически настроенные потребители, выбирая те или иные способы обращения с благами, стремятся учитывать, помимо привычных, новые параметры: солидарность, устойчивость, справедливость, сострадание, долг и другие соображения нравственного характера.

Этичное (социально ответственное, сознательное, разумное, моральное) потребление — это покупка (отказ от покупки), использование и избавление от благ исходя не только из соображений личной выгоды (соотношение цены и качества, доступность, привычки, личное удовольствие и проч.), но и из проэкологических и просоциальных ценностных установок, то есть с учётом влияния на благополучие нынешних и будущих поколений условий производства благ и последствий обращения с ними. По сути, этичные потребители расширяют радиус личной моральной ответственности за пределы домохозяйств, стремятся учитывать влияние своих действий в большей мере, чем это «совместимо с максимизацией их собственного богатства и материального выигрыша» [Боулз 2017: 75].

Этичное потребление — весьма неоднородный феномен, включающий целый ряд рыночных и нерыночных практик. В рыночном сегменте потребители «голосуют деньгами за лучший мир», включаясь в *этичные покупки*, дабы поддержать производителей, которые не наносят вреда природе и людям, используют гуманные методы содержания животных и проч., или, напротив, *бойкотируя* продукцию неэтичных компаний [Starr 2009]. Эти последние наносят серьёзный вред окружающей среде, проводят тестирования на животных при наличии альтернативных методов, нарушают условия труда работников, дискриминируют женщин, используют потогонную систему, детский или рабский труд, сотрудничают с репрессивными правительствами тех или иных стран и проч. Этичное потребление охватывает и сферу обращения с бытовыми отходами (БО), будь то добровольное участие в их раздельном сборе (РСБО) или в сокращении образования мусора: меньшее использование одноразовых пластиковых пакетов, отказ от них в пользу долговечных сумок; разные практики «спасения еды», включая *peer-to-peer* фудшеринг; экономия электроэнергии и (или) воды по экологическим соображениям; бесплатная передача ставших ненужными, но не утративших потребительских свойств вещей и предметов другим людям и проч. Важный вид этичного потребления — добровольное сокращение потребления как такового, упрощение потребительских стандартов (отказ от безудержной погони за новинками, проэкологические совместные покупки с последующим совместным потреблением вместо единоличного владения, аренда по экологическим соображениям редко используемых предметов вместо их покупки и др.)

Подобного рода активность, позволяющая индивидам самореализовываться, сочетая личный интерес и общее благо, по сути, отражает то, что М. Микелетти называет индивидуализированными коллективными действиями *(individualized collective actions*) [Micheletti 2003: 25–26]. Индивиды самостоятельно (и вне членства в каких бы то ни было гражданских ассоциациях или партиях) продвигают решение проблемы, которую считают общественно важной. При этом их активизм базируется не на структурных, а на гибких, встроенных в конкретные ситуации (то есть контекстуальных) идентичностях. Озабоченность конкретными экологическими и социальными проблемами (вроде мусорной, тестирования косметики на животных, нарушения прав работников, ущемления местных производителей и др.) ста-

новится основой для коллективных действий потребителей, занимающих разные статусные позиции и имеющих порой противоположные интересы. В отличие от традиционных практик ГО эти действия носят менее ассоциативный характер, не требуют от участников одновременного физического присутствия (как, скажем, митинги, демонстрации или забастовки), асинхронны, более спонтанны и оперативны [Micheletti 2003]. Индивидуализированные коллективные действия этически настроенных потребителей становятся важной сферой современного ГО, не всегда видимой, но устойчиво и расширенно воспроизводящейся в разных странах даже во времена экономических кризисов и пандемии (см., например: [Co-op, Ethical Consumer 2019; 2020; 2021]).

Но как соотносится этичное потребление с гражданским обществом в России, где относительно слабые формальные структуры ГО нередко соседствуют с заметным развитием неформальных? Сигнализирует ли возникновение этичного потребления о развитии ГО вглубь (за счёт обретения ещё одной сферы проявления гражданственности теми, кто уже включён в традиционные гражданские структуры — формальные и неформальные) и (или) вширь (за счёт притока в ГО новых участников, ранее социально пассивных)? Какие практики этичного потребления в наибольшей степени сопряжены с традиционным сегментом ГО, а какие указывают на развитие ГО не столько вглубь, сколько вширь? Насколько новая сфера проявления гражданственности заметна (уровень, динамика) и консистентна (непротиворечива) в российских условиях — словом, какова степень фрагментарности и «зрелости» феномена? Какие виды этичных практик на разных стадиях обращения с благами (покупки, использование, избавление) привлекают российских потребителей в большей степени, а какие в меньшей? И каковы факторы (в первую очередь связанные с ГО) включения россиян в разные виды этичного потребления? Без ответа на эти вопросы представление как об этом феномене, так и о современном ГО в России — его структуре, экономических и социальных функциях, закономерностях и потенциале трансформации — будет усечённым. Цель данной работы — выявить уровень и динамику включения россиян в разные виды этичного потребления, степень пересечения состава их участников, а также факторы на стороне ГО (формального и неформального), в наибольшей степени связанные с вероятностью вхождения в эти практики, и на этой основе оценить потенциал развития этичного потребления в России как «средства проявления гражданственности» [Shaw 2007: 142], индикатора и инструмента развития ГО.

Этичное потребление и гражданское общество: теоретическое представление о взаимосвязи и гипотезы

Судя по базовым признакам этичного потребления, его познание предполагает интеграцию усилий представителей разных наук — социологии, социальной психологии, экономической науки (см. подробнее: [Шабанова 2024b]). Большая часть исследований феномена, первоначально инициированных социологами и социальными психологами, ставит во главу угла модель индивидуализированного выбора этически настроенного потребителя, рассматривающего морализацию потребления как важную сторону своей идентичности. И хотя обнаруженная проблема разрыва между установками и намерениями этически настроенных потребителей, с одной стороны, и их реальными практиками, с другой, (см., например: [Carrington, Neville, Whitwell 2010; Hassan, Shiu, Shaw 2016; Nguyen, Nguyen, Hoang 2019]) подтолкнула к включению в поле зрения не только морально-культурные, но и эгоистические стремления и контекстуальные факторы [Memery, Megicks, Williams 2005; Cotte, Trudel 2009; Deloitte, Grocery Manufacturers Association 2009; Black, Cherrier 2010; Nguyen, Nguyen, Hoang 2019; Шабанова 2023], а вместе с ними — учёт вклада в «междисциплинарный котёл» построений экономсоциологов, экономистов и социоэкономистов [Altman 2005; 2020; Etzioni 1988; 2003], обязательность наличия проэкологических (просоциальных) стремлений, бесспорно, остаётся ключевым признаком «распознавания» этичного потребителя, его отличия от других «нестандартных» видов потребления [Радаев 2024] и отнесения феномена к пространству ГО.

Поскольку феномен ГО обычно связывается с добровольным объединением усилий граждан для достижения общественного благополучия (в том числе для защиты интересов уязвимых групп) или продвижения общих частных целей без диктата со стороны внешних сил, то возникает резонный вопрос: о какой самоорганизации идёт речь в случае *индивидуализированных* коллективных действий? В действительности за индивидуальной по форме активностью могут скрываться разные виды солидаристических социальных взаимодействий и идентификации с различными сообществами — реальными, виртуальными, воображаемыми и др., объединяющими граждан вокруг общих целей и ценностей. В самом деле, этичные потребительские практики могут быть непосредственно сопряжены с *групповой* самоорганизацией (например, онлайн-сообщества этичных потребителей в разных сферах, офлайн-сообщества по месту жительства в сфере РСБО или соседской передачи ставших ненужными вещей или книг через «добрые полки» в подъездах), а могут представлять собой действия *в одиночку*, вне формального или неформального членства в каких-либо сообществах. В этом последнем случае индивиды, обеспокоенные теми или иными социальными или экологическими проблемами, самостоятельно и добровольно вносят коррективы в привычные модели потребления и образа жизни, то есть находят ресурсы, выделяют время, словом, проявляют индивидуальную гражданскую активность и ответственность, широкую солидарность с незнакомыми другими. Эта индивидуальная самоорганизация может быть сопряжена с идентификацией не только с реальными, но и воображаемыми, невидимыми сообществами, частью которых эти потребители себя ощущают [Webb 2007], сообществами «коллективного МЫ, выступающего против несправедливости» [Shaw 2007: 135]. Некоторые авторы называют такие сообщества *квази*организованными [Webb 2007: 73], то есть вроде бы какими-то ненастоящими, мнимыми или недоразвитыми. Между тем идентификация с неким воображаемым сообществом может быть такой же реальной по своим последствиям и эффектам, как и идентификация с видимыми сообществами (онлайн- или офлайн-). Следовательно, важен не столько вид идентификации (реальные или воображаемые сообщества), сколько её характер (проэкологический и (или) просоциальный), находящий отклик в реальном поведении (проэкологическом и (или) просоциальном).

В принципе, границы воображаемых сообществ, с которыми идентифицируют себя граждане-потребители, могут быть сильно размытыми, а сами сообщества весьма широкими как в пространстве, так и во времени, вплоть до распространения на человечество в целом, нынешние и будущие поколения, за чьё благополучие индивиды чувствуют себя ответственными исходя из своих ценностей и моральных принципов (сохранение природы, справедливость, межпоколенческая солидарность и др.). Не находя в данный момент единомышленников в офлайн- или онлайн-среде, тех, с кем можно было бы объединить усилия, индивиды начинают действовать в одиночку, проявляя личное нежелание быть причастными к обострению той или иной проблемы. По сути, они по своей инициативе, добровольно и без оглядки на индифферентное в данный момент социальное окружение делают то, что, по их мнению, должны были бы делать все. Их личная озабоченность конкретной экологической или социальной проблемой, желание своими действиями — потреблением — её ослабить становится индивидуальной «нишевой инновацией» [Geels 2002; Karimzadeh, Boström 2022], которая впоследствии (в случае обретения сторонников) превращается в групповую и даже массовую. Есть основания полагать, что этичное потребление как *индивидуализированное* коллективное действие и пространство ГО сопряжено не только с групповой, но и с индивидуальной самоорганизацией граждан.

Весьма ярким недавним примером стремительной трансформации индивидуальной самоорганизации в групповую стал плоггинг — экологическое движение, сочетающее бег трусцой со сбором мусора по маршруту пробежки. Когда в 2016 г. Э. Альстрём (Швеция), сторонник активного отдыха и бережного отношения к окружающей среде, впервые во время пробежки по Стокгольму начал собирать мусор, у него не было единомышленников[2]. Находясь в зоне «нишевой инновации», Альстрём самоорганизо-

[2] См. подробнее: Румак Н. 2023. В погоне за чистотой. Как горожане ведут здоровый образ жизни в борьбе за экологию. *Ведомости*. 10 января. URL: https://www.vedomosti.ru/gorod/culturalcity/articles/v-pogone-za-chistotoi-kak-gorozhane-vedut-zdorovii-obraz-zhizni-v-borbe-za-ekologiyu; Бабаева В. 2023. Бег с мешками: в столице набирает популярность

вался, задействовав только личные ресурсы — материальные (перчатки, плотный мешок) и психологические (быть «белой вороной» труднее, чем действовать в группе единомышленников). Однако последующее распространение инициативы в социальных сетях легло на благодатную почву и всколыхнуло немало людей, озабоченных экологической проблемой, готовых действовать в данном направлении, сочетая заботу о своём здоровье с заботой о благополучии других людей и природы. Отдельная инициатива быстро переросла в экологическое движение: уже в 2022 г. плоггинг вошёл в список главных фитнес-трендов года, набирает силу проект «Чистые игры», в настоящее время насчитывающий более чем 135 тыс. последователей из 30 стран[3]. Когда в 2019 г. житель подмосковного Менделеева в одиночку во время утренних пробежек начал собирать мусор[4], у него уже была информация об этом движении и могла возникнуть идентификация с неким воображаемым или виртуальным сообществом, но в своём населённом пункте он находился в зоне «нишевой инновации» и индивидуальной самоорганизации: он никого ни к чему не призывал, а просто хотел внести личный вклад в сохранение природы, получая удовлетворение от того, что с каждым днём маршрут его ежедневной пробежки становится чище. Спору нет, параллельно возникшая в России *групповая* самоорганизация граждан — проекты «Культурный плоггинг» (сбор мусора во время пробежек в парках и усадьбах); плоггинги «Мосприроды» или команды Running Heroes Russia (эта последняя сочетает бег по бездорожью со сбором мусора)[5], не говоря уже о соревнованиях «Чистые игры» (≥ 100 городов-участников) — это более заметные и значимые гражданские активности. Но и атрибут сугубо индивидуальной самоорганизации, думается, не даёт оснований исключать добровольные проэкологические и (или) просоциальные действия из пространства ГО: они делают его более плотным и динамичным, нередко выступая «точками роста» для последующих групповых самоорганизаций и социальных инноваций.

Итак, для отнесения той или иной активности к сфере ГО реализация гражданами-потребителями проэкологических и просоциальных ценностных установок (ориентация на благополучие других, соответствующие действия, пусть и в одиночку) важнее двух других (тоже, безусловно, значимых) признаков — объединения усилий с другими людьми и идентификации с какими бы то ни было сообществами (реальными, виртуальными, воображаемыми). Этот последний признак по разным причинам может и не увенчаться соответствующей гражданской активностью, групповой или индивидуальной.

Обязательность наличия проэкологических (просоциальных) стремлений — основополагающий признак этичного потребления, отделяющий его от так называемых квазиэтичных практик, которые этичны только по форме или по непреднамеренным результатам. К таким практикам можно отнести, скажем, покупки этических товаров как обычных, то есть предпринятые из соображений узко понимаемой личной выгоды, или вынужденное включение в РСБО из-за угрозы штрафов, введённых в ряде стран (см. подробнее: [Шабанова 2024b]). В принципе и этичные, и квазиэтичные практики, продвигая цели устойчивого развития, могут быть отнесены к *устойчивому* потреблению. В этом смысле этичное и устойчивое потребление соотносятся как «часть — целое». Но только *этичные* потребительские прак-

загадочный плоггинг. *Московский комсомолец*. 3 июня. URL: https://www.mk.ru/moscow/2023/06/03/beg-s-meshkami-v-stolice-nabiraet-populyarnost-zagadochnyy-plogging.html

3 См. о проекте портал Добро.РФ (URL: https://dobro.ru/organizations/270/info).

4 См. канал Zelenograd.ru — Новости Зеленограда, публикация от 1 апреля 2019 г. (URL: https://www.zelenograd.ru/news/46611/?ysclid=m7bvcaaqzc509398648).

5 См. Музей-заповедник «Царицыно». 2023. *Культурный плоггинг. Забеги со сбором мусора*. Сезон 2023. URL: https://tsaritsyno-museum.ru/park/sport/kulturnyj-plogging-2023/; Гоппен Т. 2024. Ч*то такое плоггинг и откуда он взялся. 31 января*. URL: https://www.sportmaster.ru/media/articles/chto-takoe-plogging-i-otkuda-on-vzyalsya/; Пугач О. 2021. *Интервью с идеологом и вдохновителем плоггингов «Мосприроды» Осипом Тунинским*. 30 ноября. URL: https://yandex.ru/q/plogging/8328747522/; Пугач О. 2021. *«Просто делаем дело». Интервью с основателем команды Running Heroes Russia Михаилом Долгим*. 7 декабря. URL: https://yandex.ru/q/plogging/8369265154/; Румак Н. 2023. В погоне за чистотой. Как горожане ведут здоровый образ жизни в борьбе за экологию. *Ведомости*. 10 января. URL: https://www.vedomosti.ru/gorod/culturalcity/articles/v-pogone-za-chistotoi-kak-gorozhane-vedut-zdorovii-obraz-zhizni-v-borbe-za-ekologiyu

тики относятся к сфере ГО, а *квазиэтичные* не относятся. Фрагментарное и неравномерное включение в разные практики и сферы (стадии) этичного потребления может ослаблять конечный вклад индивидов в продвижение целей *устойчивого* развития. Однако в отношении развития *гражданского общества* эффект в любом случае видится сугубо положительным: какими бы противоречивыми ни были практики потребителей на разных стадиях и в разных сферах, все они расширяют радиус личной моральной ответственности и гражданского участия. Иными словами, «гражданский эффект» этичного потребления, как правило, превосходит его совокупный вклад в устойчивое развитие (см. подробнее: [Шабанова 2024b]).

Поскольку наличие проэкологических и (или) просоциальных ценностных установок — необходимый атрибут всех видов этичного потребления, по-разному измеряемые проэкологические и (или) просоциальные стремления неизменно присутствуют, по сути, во всех исследованиях этичных потребителей (см., например: [Liu X. et al. 2012; Chatterjee, Sreen, Sadarangani 2021; Araújo, Marques, Candeias, Vieira 2022; Panico, Caracciolo, Furno 2022]), причём подчёркивается не только обеспокоенность проблемами защиты окружающей среды, расширенная моральная ответственность за благополучие природы и других людей, но и воспринимаемая потребительская эффективность предпринимаемых действий (см., например: [Klein, Smith, John 2004; Nguyen, Nguyen, Hoang 2019; Jung, Oh, Kim 2021]).

В ряде зарубежных исследований этичной утилизации бытовых отходов как заключительной стадии этичного потребления используется так называемый зелёный моральный индекс (см., например: [Berglund 2006: 564]), хорошо зарекомендовавший себя в адаптированном и слегка упрощённом виде и в России в исследованиях не только РСБО, но и этичных покупок и бойкотов [Шабанова 2019a; 2021; 2023]. Индекс включает четыре основания: (1) желание индивида ощущать себя ответственным человеком; (2) желание вносить вклад в улучшение экологии, благополучие нынешних и будущих поколений; (3) уверенность в том, что это экономически выгодно для общества в целом, а также (4) стремление делать то, что, по мнению индивида, должны делать все. Ниже мы расширим сферу использования этого индекса за счёт включения в поле зрения разнообразных практик, связанных не только с этичными покупками и РСБО, но и с сокращением *количества* образуемых отходов. Среди практик по сокращению количества образуемых отходов следующие: меньшее использование одноразовых пластиковых пакетов, отказ от них в пользу долговечных сумок; покупка товаров в перерабатываемой и (или) разлагаемой упаковке, с минимальной упаковкой или вообще без неё; покупка в том числе по экологическим соображениям ровно такого количества продуктов питания, которое нужно, чтобы не выбрасывать лишнего; экономия электроэнергии и (или) воды по экологическим соображениям; бесплатная передача ставших ненужными, но не утративших потребительских свойств вещей и предметов другим людям; отказ из соображений заботы о природе от покупки не особо нужных вещей, хотя материальное положение позволяет покупать больше.

Судя по содержанию этих практик, они в неодинаковой мере затрагивают сложившийся образ жизни потребителей, по-разному вмешиваются в «моральные режимы» их *повседневной* жизни, входя (или не входя) в противоречия с другими актуальными социальными ролями и идентичностями. В частности, роль хорошей хозяйки ставит во главу угла полезное, разнообразное и свежее питание, заботу о здоровье близких; хорошие родители не принуждают детей доедать, когда они того не хотят, а в гостеприимном доме на случай прихода гостей прицельно готовят излишки еды [Evans 2012; Hebrok, Boks 2017; Barone, Grappi, Romani 2019; Geffen et al. 2020]. Кроме того, практики выбрасывания еды в сравнении с другими практиками (покупками или участием в РСБО) чаще носят непреднамеренный и ситуативный характер из-за напряжённого ритма жизни, усталости, непредсказуемых событий, вносящих коррективы в повседневные планы потребителей. Как следствие, вопреки в целом отрицательному отношению к выбрасыванию продуктов питания, почти половина россиян в настоящее время делают это [Шабанова 2022]. Чем сильнее подобные вмешательства и проблема поиска компромиссов, тем, видимо, слабее

и ситуативнее связь между проэкологическими и просоциальными установками, с одной стороны, и вероятностью включения в соответствующие практики, с другой. С учётом сказанного сформулируем первую группу гипотез:

> **Гипотезы 1a, b, c (H 1a, b, c):** *Чем сильнее потребители мотивированы проэкологически и просоциально (то есть чем выше у них «зелёный моральный индекс»), тем выше вероятность их включения во все практики этичного потребления* **(H 1a)**. *По силе своего влияния этот фактор значимо и повсеместно превосходит сугубо частные выгоды* **(H 1b)**, *однако он неодинаково ассоциирован с вероятностью включения в разные практики* **(H 1c)**.

Поскольку этичное потребление, обретая дополнительный (этический) атрибут, по сути своей остаётся потреблением, то выбор этически настроенных индивидов не является безусловным, а учитывает те или иные соображения сугубо частной выгоды или целесообразности. Как справедливо отмечает А. Этциони, «не ценности управляют поведением, а постоянный конфликт и напряжение между, с одной стороны, личным интересом и принципом удовольствия, и с другой — силой моральных обязательств» [Etzioni 2003: 113]. Учитывая значимую связь включения в этичное потребление с соображениями частной выгоды — будь то соотношение «цена — качество», приемлемость цены, забота о своём здоровье, модность, эстетика (см., например: [Memery, Megicks, Williams 2005; Cotte, Trudel 2009; Deloitte, Grocery Manufacturers Association 2009; Black, Cherrier 2010; Nguyen, Nguyen, Hoang 2019; Шабанова 2023]) или органичность вплетения в «моральные режимы» повседневного образа жизни и комплекс других значимых социальных ролей (гостеприимная хозяйка, заботливая жена или мать и др. [Evans 2012; Hebrok, Boks 2017; Barone, Grappi, Romani 2019; Geffen et al. 2020]), — можно ожидать, что эта связь будет особенно сильной при *покупке* (*отказе от покупки*) тех или иных благ, включая приобретение ровно такого количества продуктов питания, какое нужно, чтобы не выбрасывать лишнего. А вот в случае бесплатной передачи ненужных вещей (предметов) или участия в РСБО при наличии контейнеров вблизи домов частные или эгоистические соображения, вероятно, уходят на дальний план. Следующая группа гипотез такова:

> **Гипотезы 2a, b (H 2a, b):** *Соображения сугубо частной выгоды положительно ассоциированы с включением в этичные практики прежде всего рыночного сегмента* **(H 2a)**, *но и там их связь с вероятностью включения в разные практики не одинакова* **(H 2b)**.

Этичное потребление порой критикуется за то, что оно, будучи индивидуализированным действием, будто бы отвлекает граждан от традиционных и более действенных форм политического участия (подписывание воззваний, демонстрации, забастовки) [Littler 2013: 27], однако не меньше оснований ожидать, что в него, напротив, активнее будут включаться индивиды с более высоким уровнем гражданского участия — «социального отклика» — в каких-то других, в том числе не связанных с потреблением сферах ГО, формальных и неформальных. Не случайно в ряде исследований установлена положительная связь между этичным потреблением и гражданской активностью индивидов (участие в митингах, акциях протеста, флэшмобах) [Witkowski, Reddy 2010], а также вовлечённостью в те или иные *гражданские структуры*, в том числе партии [Starr 2009]. В отношении некоторых видов этичного потребления установлена и положительная связь с включением в традиционные виды социально-экономической солидарности вне сферы потребления (денежные пожертвования, добровольческий труд и др.) [Шабанова 2015; 2019; 2021; 2023]. Рядом исследований обнаружена положительная связь включения в этичное потребление с социальным участием, социальным доверием и взаимностью (как компонентами социального капитала) (см. например: [Fei., Zeng, Jin 2022]). Что касается членства или участия в деятельности НКО, можно полагать, что обретаемый опыт сотрудничества с незнакомыми людьми повышает доверие к ним и облегчает взаимодействия и идентификацию с некими воображаемыми сообществами, содействует дальнейшему расширению радиуса личной моральной ответ-

ственности индивидов. Всё это, в свою очередь, усиливает уровень «социального отклика» индивидов, облегчая их оперативное и ситуативное включение в самонаправляемое просоциальное поведение в разных сферах. По этой причине для противопоставления этичного потребления, с одной стороны, и гражданского участия в формальных и неформальных структурах, с другой, пока нет оснований, а наша следующая группа гипотез такова:

> **Гипотезы 3a, b, c (H 3a, b, c):** *Включение в традиционные структуры ГО — формальные* **(H 3a)** *и неформальные* **(H 3b)** *— положительно ассоциировано с вероятностью включения во все практики этичного потребления, причём связь с формальными структурами сильнее, чем с неформальными* **(H 3c)**.

В условиях развития быстрой моды и перенасыщенности современных рынков следование этичным принципам на стадии приобретения и даже избавления от ставших ненужными вещей (предметов), хотя и ослабляет экологическую проблему, но не избавляет окружающую среду и сообщества от неблагоприятных последствий. Более кардинальные последствия имеет, наряду с переходом на технологии замкнутого цикла, *упрощение моделей потребительского поведения*: добровольный отказ от быстрой моды, от безудержной погони за новинками, добровольное сокращение потребления, включая погружение в разные практики продления срока службы вещей и их совместного использования. В этом смысле добровольное упрощение потребительских стандартов — едва ли не самый продвинутый (последовательный, радикальный) вид этичного потребления. Коль скоро это так, то именно в нем логично ожидать наибольшего приближения к идеальному типу индивидуализированных коллективных действий с его оторванностью от структурных характеристик индивидов. И хотя явная недостаточность социально-демографических и статусных характеристик фиксируется в отношении объяснения и других практик этичного потребления (см., например: [Papaoikonomou, Ryan, Valverde 2011; Verain et al. 2012]) — в первую очередь, этичных покупок и бойкотов, а также РСБО как наиболее изученных видов этичного потребления, — результаты эмпирических исследований этих связей сильно расходятся. Есть подтверждения более активного участия *женщин* (см., например: [Diamantopoulos et al. 2003; Lee 2009; Starr 2009; Papaoikonomou, Ryan, Valverde 2011; Shao et al. 2022; Шабанова 2015; 2017a; 2017b]), как и незначимой или меняющейся со временем связи с гендером [Шабанова 2023]. *Молодёжь* более активно участвует в этичных покупках, но в то же время более активно выбрасывает ставшие ненужными (но не утратившие потребительских свойств) вещи, а также продукты питания [Шабанова 2022; 2023; 2024a]. С ростом *доходов* увеличиваются как спрос на нематериальные блага (в нашем случае — на экологические и социальные атрибуты предпочитаемых товаров), так и возможности его удовлетворения; так что чем выше доход, тем выше вероятность этичных покупок (см., например: [Do Paço, Raposo 2009; Starr 2009; Welsch, Kühling 2009; Shao et al. 2022; Шабанова 2017b, 2023]). В отношении РСБО значимой связи с экономическим статусом обычно нет, хотя есть исследования, где фиксируется более активное участие представителей более низкодоходных социальных групп [Iyer, Kashyap 2007]. В связи с этим ещё одна группа гипотез такова:

> **Гипотезы 4a, b (H 4a, b):** *Связь социально-демографических и статусных характеристик с вероятностями включения в разные виды этичного потребления неодинакова (как по силе, так и по направлению влияния)* **(H 4a)**, *однако добровольное упрощение потребительских стандартов, будучи наиболее продвинутым видом этичного потребления, ни с какими из этих характеристик потребителей значимо не связано, приближаясь к идеальному конструкту индивидуализированных коллективных действий* **(H 4b)**.

Наконец, учитывая обозначенную специфику факторов включения в разные виды этичного потребления разных групп, на разных рынках и стадиях обращения с благами, а также относительно недавнее появление большинства практик в России, есть основание ожидать их высокую фрагментарность

(«рассогласованность»). В то же время наличие общих факторов включения (в первую очередь проэкологических и просоциальных ценностных установок) свидетельствует в пользу положительной связи между вхождением потребителей в разные практики. В этом смысле, начиная с определённого момента, сфера этичного потребления, по сути, способна обретать внутренние силы для своего «саморазвития» и трансформации ГО, и наша последняя группа гипотез такова:

> **Гипотезы 5a, b, c (H 5a, b, c):** *Несмотря на вероятную высокую фрагментарность современного пространства этичного потребления в России* **(H 5a)**, *участники одних его практик активнее включаются и в другие, как того же вида, так и иных видов* **(H 5b)**, *причём в первые — в большей степени* **(H 5c)**.

Данные и методы

Исследование базируется на данных двух всероссийских репрезентативных опросов (декабрь 2022 г., ноябрь 2020 г., по 2000 чел. в каждом)[6]. Наряду с дескриптивным анализом, направленным на выявление уровня распространения разных практик, степени пересечения состава их участников (в рамках отдельных видов, между разными видами, а также с традиционными структурами ГО, формальными и неформальными), для оценки связей между факторами на стороне ГО и вхождением индивидов в разные практики этичного потребления использовался аппарат *бинарной* логит-регрессии. Зависимая переменная принимала два возможных значения: 1 — участник той или иной практики; 0 — остальные индивиды.

Этичное потребление как новая сфера гражданского общества в России: внутривидовая и межвидовая фрагментарность практик

Современное этичное потребление объединяет широкий спектр практик, привлекающих россиян в неодинаковой степени. Сегодня оно, как правило, сильно фрагментировано, не согласовано как в рамках отдельных видов, так и между разными видами. Рассмотрим уровень вовлечённости россиян в разные виды практик, а также области пересечения состава их участников с тем, чтобы на этой основе определить степень зрелости (то есть непротиворечивости, консистентности) феномена.

Начнём с одного из массовых сегментов — с *этичных покупок и бойкотов*, которыми без достаточных оснований нередко ограничивается сфера этичного потребления. Заметная часть россиян (42%), покупая товары, более-менее регулярно учитывает хотя бы один из шести включённых в исследование этических атрибутов. Чаще других встречается покупка продукции компаний с бережным отношением к окружающей среде, отказ от покупки товаров компаний, сильно загрязняющих воздух, реки и др. (20% в конце 2020 г.[7] при росте на 14 п. п. по сравнению с аналогичным периодом 2017 г.). Заметно усилились позиции практик, связанных с защитой прав животных: отказ от одежды и (или) обуви из натурального меха и (или) кожи (15%, рост на 9 п. п.) и от покупки косметики, которая тестировалась на животных (дезодоранты, шампуни, кремы, лосьоны, духи) (11%, рост на 7 п. п.). В общей сложности хотя бы один атрибут, связанный с правами животных, учитывает 21% россиян. Реже российские

[6] Выборка многоступенчатая стратифицированная территориальная случайная. Метод опроса — формализованное интервью (*face to face*). Основные характеристики выборочных совокупностей: доля женщин — 55% (декабрь 2022 г.), 54,9% (2020 г.); доля лиц с высшим и незаконченным высшим образованием —30% (2022 г.), 30% (2020 г.); возраст (полных лет) — средний (ст. откл.) и медиана: 45,56 (15,76) и 45 лет (2022 г.), 44,9 (15,3) и 45 лет (2020 г.). Полевые исследования проводились Аналитическим центром НАФИ по заказу Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ и по блоку вопросов, предложенных автором статьи.

[7] По этому виду практик приводятся данные по состоянию на конец 2020 г., данных за декабрь 2022 г. (в отличие от всех остальных видов этичного потребления) нет.

потребители отказываются от покупки товаров, если известно, что при их производстве нарушались права работников, часты несчастные случаи (8%, рост на 5 п. п.) или, напротив, поддерживают покупками компании, которые участвуют в благотворительности, социальных проектах (7%, рост на 2 п. п., межвременные различия статистически незначимы). Ещё 6% из соображений заботы о природе отдают предпочтение товарам, сделанным из вторичного сырья. Примечательно, что основная часть участников сегмента «этичные покупки и бойкоты» (86%) принимает во внимание один-два этических атрибута, причём с большим отрывом лидирует учёт какого-нибудь одного (62%).

В целом в настоящее время этот сегмент сильно фрагментирован (см. табл. 1) и воспроизводится в значительной степени за счёт обеспокоенности потребителей проблемами защиты окружающей среды и прав животных. Эти практики чаще других выступают как «самодостаточные»: 40–52% их участников ими и ограничиваются, не откликаясь на другие этические атрибуты (см. табл. 1). А вот в отношении покупок товаров, сделанных из вторичного сырья («вторсырьё»), таких оказалось лишь 25%. Однако в целом учёт одних этических атрибутов подталкивает к более активному отклику и на другие: различия между участниками и неучастниками одних практик по вовлечённости во все другие повсеместно статистически значимы (см. табл. 1). И, как показывает мониторинг, включение россиян в этичные покупки и бойкоты постепенно становится всё более многообразным, распространяясь на новые этические атрибуты (см. подробнее: [Шабанова 2023]).

Таблица 1

Степень пересечения состава участников разных практик в сегменте этичных покупок и бойкотов (% по столбцу)

Атрибуты	Экология		Права животных						Права работников		Социальные проекты		Вторсырьё		Всего
			Всего		Косметика		Кожа								
	1		2		3		4		5		6		7		8
	Есть	Нет	Есть	Нет	Есть	Нет	Есть	Нет	Есть	Нет	Есть	Нет	Есть	Нет	
1	X	X	32	17	42	18	29	19	35	19	*31*	*19*	39	19	20
2	33,5	18	X	X	100	12	100	8	36	20	42	19	45	20	21
3	22	8	50	0	X	X	28	8	20	10	20	10	26	10	11
4	21	13	69	0	39	12	X	X	*23*	*14*	33	13	35	13	15
5	14	6,5	13,5	6,5	15	7	*13*	*7*	X	X	*15*	*7*	23	7	8
6	11	6	15	5	14	7	17	6	14	7	X	X	21	7	7
7	11	4	12	4	13	4,5	13	4	16	5	16	5	X	X	6
Сумма используемых практик															
0	0	73	0	73	0	65	0	68	0	63	0	62	0	61	58
1	52	19	41	22	26	26	40	23	35	25	35	25	25	26	26
2	26	7	36	4	40	7	33	7	36	8	32	9	34	9	11
3	16	1	16	1	21	2	17	2	18	3	22	3	20	3	4
4+	6	0	7	0	13	0	10	0	11	1	11	1	21	<1	1–2

Примечание. N_{2020} = 2000 чел. Уровень значимости критерия χ2 Пирсона $p < 0{,}001$ во всех случаях, за исключением выделенных курсивом, где $p < 0{,}01$.

Ещё один массовый сегмент этичного обращения с благами — *сортировка и раздельный сбор бытовых отходов* (РСБО). Хотя бы в одной из трёх практик в этой сфере (см. табл. 2) по состоянию на декабрь 2022 г. участвовали 44% россиян (примерно столько же, как и в 2020 г.). Основная часть (31% всех россиян и 70% занимающихся РСБО) включена в какую-нибудь одну практику (см. табл. 2). Чаще других ограничиваются одной практикой лица, сортирующие и относящие бытовые отходы в специально

установленные раздельные контейнеры вблизи их домов («РСБО во дворе»). Две другие практики — относят отслужившие батарейки в пункты приёма в магазинах, храмах и проч. («сдача батареек»); сортируют и сдают отдельные виды отходов (макулатура, пластик, стекло, металл и проч.) в специальные пункты приёма («БО в пункты») — чаще пересекаются с практикой «РСБО во дворе», чем она с ними (см. табл. 2). По-видимому, лица, уже приобщившиеся к этичному обращению с БО через специальные пункты их сбора, как и через участие в сдаче батареек, легче включаются в РСБО в случае размещения контейнеров вблизи домов. Во всяком случае, в этом сегменте, как и в рыночном, участники одних практик по сравнению с неучастниками активнее включаются во все другие практики (см. табл. 2). С точки зрения потенциала расширения ГО, первостепенного внимания, думается, заслуживает практика «РСБО во дворе». Сегодня в России она, будучи проэкологической, носит сугубо добровольный характер, не сопряжена ни с поощрениями, ни с санкциями, словом, безусловно, относится к сфере ГО. Две другие практики («сдача батареек» и «БО в пункты») могут продвигаться не только проэкологическими, но и эгоистическими соображениями (стремлением к личному материальному выигрышу), причём у части россиян такие соображения могут играть первостепенную роль или быть единственными. Поэтому, хотя все три практики продвигают цели устойчивого развития, однако доля этичных потребителей в этой сфере колеблется в интервале 26–44%, не достигая максимального значения. Для сравнения сопряжённости разных практик этичного потребления с ГО ограничимся самой заметной и проэкологической — сортировкой и отнесением бытовых отходов в специально установленные раздельные контейнеры вблизи домов[8].

Таблица 2

Степень пересечения состава участников разных практик в сфере обращения с бытовыми отходами (% по столбцу)

Практики	РСБО во дворе		Сдача батареек		БО в пункты		Всего
	Есть	Нет	Есть	Нет	Есть	Нет	
РСБО во дворе	X	X	42	22	42	23,5	26
Сдача батареек	33	16	X	X	43,5	17	21
Сдача отдельных БО в пункты приёма	22,5	11	29	10	X	X	14
Сумма разных практик в сфере обращения с БО							
0	0	76	0	71	0	65	56
1	58	21	47	26	41	29	31
2	27	3	35	3	32	6	9
3	14	0	18	0	27	0	4

Примечание. N_{2022} = 2002 чел. Уровень значимости критерия χ2 Пирсона $p < 0{,}001$ во всех случаях.

Следующая группа объединяет практики, прямо направленные или косвенно связанные с сокращением *количества* образуемых бытовых отходов. Самую массовую из них — *бесплатную передачу ставших ненужными вещей или предметов в хорошем состоянии другим людям (не родственникам)* — выделим в отдельный вид: она имеет не только экологический эффект (отказ от выбрасывания на свалку, продление срока службы вещей или предметов, сдерживание новых владельцев от лишних покупок), но и просоциальный (помощь нуждающимся, рост социальной солидарности и субъективного благополучия). Чаще всего ставшие ненужными вещи или предметы в хорошем состоянии передаются в

[8] Есть основания полагать, что группа участников практики «БО в пункты» весьма неоднородна и включает не только материалистически настроенных потребителей, но и энтузиастов-первопроходцев, которые по проэкологическим соображениям отвозят рассортированные БО в специальные пункты, если не находят контейнеры для ряда БО в своих дворах или не уверены в том, что с этими БО обойдутся правильно. Поскольку эта группа относительно невелика и заметная ее часть (42%) одновременно включена и в практику «РСБО во дворе», то на данном этапе ограничимся этой последней как более массовой и перспективной.

ближнем кругу — друзьям, знакомым, соседям (41%), но и передача незнакомым людям по разным каналам также весьма распространена (24%) (см. табл. 3). В целом хотя бы в одну из этих практик включены более половины россиян (53 против 46% в 2020 г.).

Таблица 3

Степень пересечения состава участников разных практик в сфере бесплатной передачи ставших ненужными вещей в хорошем состоянии (% по столбцу)

Практики	Ближний круг		Дальний круг		Всего
	Есть	Нет	Есть	Нет	
Предлагают друзьям, знакомым, соседям	X	X	48	39	41
Бесплатно передают незнакомым людям (через храмы, фонды, благотворительные магазины, пункты социальной помощи, интернет-площадки и др.)	27,5	21	X	X	24
Сумма практик в ближнем и дальнем кругах					
0	0	79	0	61	47
1	72,5	21	52	39	42
2	27,5	0	48	0	11

Примечание. N_{2022} = 2002 чел. Уровень значимости критерия χ2 Пирсона $p < 0{,}001$ во всех случаях.

Примечательно, что основная часть участников солидарных взаимодействий в ближнем кругу (72,5%) им и ограничивается. Остальные (27,5%) выходят в дальний круг, передавая, скорее, те вещи и предметы, которые не нашли адресатов в ближнем кругу. Среди жертвующих вещи незнакомым людям (дальний круг) почти половина (48%) передаёт их и в ближнем кругу (см. табл. 3). Таким образом, частое сочетание ближних и дальних взаимодействий в сфере обращения со ставшими ненужными вещами и предметами сигнализирует о вполне оправданной сортировке этих последних перед выходом в дальний круг. Усиление же ближних взаимодействий в этой сфере в условиях санкций, вероятно, сказывается на ныне отмечаемой благотворительными фондами проблеме — ухудшении качества передаваемой им одежды. Тем не менее обе практики избавления от ненужных вещей («передача вещей») носят безвозмездный характер, продвигаются просоциальными и проэкологическими стремлениями, имеют положительные проэкологические и просоциальные эффекты, а потому, бесспорно, относятся к пространству ГО.

Этичное обращение с благами на разных стадиях, способствующее существенному сокращению количества образуемого мусора, олицетворяют следующие три практики. Первая из них — *этичное обращение с одноразовыми пакетами и упаковками.* По оценке Российского экологического оператора (РЭО), доля упаковки составляет до 50% от общего объёма твёрдых коммунальных отходов[9]. Полные или частичные законодательные запреты на использование одноразовых пластиковых пакетов уже введены в десятках стран, однако в России потребители пока сами решают, включать или не включать этот вопрос в зону своей моральной ответственности. Поэтому сегодня данные практики распространены слабо: из соображений заботы о природе стремятся меньше использовать одноразовые пластиковые пакеты, отказываются от них в пользу долговечных сумок 12,5% россиян, а покупают товары в перерабатываемой или разлагаемой упаковке, с минимальной упаковкой или вообще без неё 8,5%. В общей сложности хотя бы в одной из двух практик («пакеты—упаковки») ныне участвует 18% россиян. Хотя участие в одной практике активизирует участие в другой, пока они пересекаются весьма умеренно (см. табл. 4).

[9] См. подробнее: Куратор отрасли отходов оценил в 50% долю упаковки в общей массе мусора. 2021. Интерфакс. 10 августа. URL: https://www.interfax.ru/russia/783456

Таблица 4

Обращение с одноразовыми пакетами и упаковками (% по столбцу)

Практики	Пакеты		Упаковки		Всего
	Есть	Нет	Есть	Нет	
Из соображений заботы о природе стремятся меньше использовать одноразовые пластиковые пакеты; отказываются от них в пользу долговечных сумок	X	X	38	10	12,5
Покупают товары в перерабатываемой или разлагаемой упаковке, с минимальной упаковкой или вообще без неё	26	6	X	X	8,5
Сумма пакетно-упаковочных практик					
0	0	94	0	90	82
1	74	6	62	10	15
2	26	0	38	0	3

Примечание. N_{2022} = 2002 чел. Уровень значимости критерия χ2 Пирсона $p < 0{,}0001$ во всех случаях

Вторая практика, способствующая сокращению количества образуемых отходов, *этичное обращение с продуктами питания.* Пищевые отходы — заметная часть твёрдых коммунальных отходов: по данным РЭО, в среднем их доля составляет 30–40% в зависимости от региона (южный, северный) и сезонных колебаний[10]. Пищевые отходы, разлагаясь, наносят вред окружающей среде (отравление воздуха, проникновение в почву и грунтовые воды), а, соприкасаясь с другими видами БО, делают их непригодными для использования в качестве вторичного сырья. Один из способов снижения пищевых отходов — покупать ровно такое количество продуктов питания, которое нужно, чтобы не выбрасывать лишнего («продуктов ровно»). В России так поступает более-менее регулярно каждый четвёртый потребитель. Однако, если учитывать только тех, кто при этом разделяет, наряду с экономическими и социокультурными, экологические соображения («Выбрасывая еду, люди наносят вред окружающей среде: напрасный расход воды и энергии на производство продуктов, вредные газы при разложении пищевых отходов на свалках»), эта доля сокращается до 20%).

Стоит отметить, что, реализуя этические стремления на стадии приобретения продуктов питания, респонденты по тем или иным причинам отходят от них на последующих стадиях — использования и избавления. Так, не выбрасывают продукты питания с оглядкой на экологические последствия только 41% из числа тех, кто с учётом подобных соображений приобретал ровно такое количество продуктов питания, которое нужно, чтобы не выбрасывать лишнего. Иными словами, большинство (59%) этических покупателей продуктов питания впоследствии их всё же выбрасывают, причём 21% — весьма активно (7% делают это раз в неделю; 14% — 2–3 раза в месяц). И хотя доля активного выбрасывания среди этичных покупателей продуктов питания ниже, чем среди традиционных (21 против 31%), она всё же велика и указывает на значимую роль обстоятельств, не всегда подконтрольных индивидам (напряжённый ритм жизни, усталость, конфликт с другими семейными ролями и идентичностями, нарушение условий хранения продуктов питания в магазинах и др.). Именно по этой причине этическое обращение с продуктами питания далее ограничим стадией их приобретения как наиболее отражающей исходные проэкологические стремления покупателей как акторов ГО.

Третья практика — *экономия электроэнергии и воды* — не только способствует сбережению денежных ресурсов домохозяйств за счёт сокращения коммунальных платежей, но и имеет важные проэкологические эффекты — уменьшает выбросы парниковых газов, сохраняет природные ресурсы. В настоящее время используют энергосберегающую бытовую технику, энергосберегающие лампочки, выклю-

[10] Парфененкова М.2023. Сезон гниющих отходов. *Ведомости.* 27 сентября. URL: https://www.vedomosti.ru/ecology/esg/articles/2023/09/27/997346-sezon-gniyuschih-othodov

чают свет в пустом помещении и др. 27% россиян; стараются экономить воду, следят, чтобы во время умывания, стирки вода не текла напрасно, 31%. Хотя бы в одной из двух практик участвуют 39% респондентов. Такое поведение отвечает целям устойчивого развития, даже если сами индивиды не догадываются об этом или не учитывают подобные соображения в своих действиях. С учётом же лиц, которые руководствуются экологическими соображениями (сугубо или в равной степени с экономическими), степень соприкосновения экономящих энергию и (или) воду со сферой этичного потребления снижается до 11% (далее — переменная «экономия энергии, воды»).

В целом хотя бы в одной из трёх практик («пакеты—упаковки», «продуктов ровно», «экономия энергии, воды»), способствующих сокращению количества образуемых бытовых отходов, участвуют 36% россиян. Как правило, это какая-нибудь одна практика (24%), реже две или три (9 и 2% соответственно). Чаще ограничиваются одной практикой из этого сегмента лица, стремящиеся сократить использование одноразовых пакетов и (или) упаковок и покупающие продуктов ровно столько, сколько нужно, чтобы не выбрасывать лишнего (см. табл. 5). А вот лица, экономящие энергию и воду по экологическим соображениям, заметно чаще включены и в другие практики, способствующие сокращению количества образуемых БО. Однако в целом в этом сегменте, как и в ранее рассмотренных, действует следующая закономерность: участники каждой практики по сравнению с неучастниками активнее включаются во все остальные практики сегмента (см. табл. 5).

Таблица 5

Степень пересечения состава участников разных практик в сфере сокращения бытовых отходов (% по столбцу)

Практики	Пакеты—Упаковки		«Продуктов ровно»		Экономия энергии, воды		Всего
	Есть	Нет	Есть	Нет	Есть	Нет	
Сокращение пакетов, упаковок	X	X	30	15	36	15	18
«Продуктов ровно»	34	17	X	X	47	16	20
Экономия энергии, воды по экологическим причинам	23	9	27	7,5	X	X	11
Сумма разных практик							
0	0	78	0	80	0	73	64
1	55	18	53	17	35	23	24
2	33	4	36	3	47	4	9
3	12	0	11	0	18	0	2

Примечание. N_{2022} = 2002 чел. Уровень значимости критерия χ2 Пирсона $p < 0{,}001$ во всех случаях.

Наконец, ещё одна группа практик связана *с добровольным отказом от излишнего потребления и упрощением потребительских стандартов.* Как отмечалось, она свойственна наиболее последовательным сторонникам этичного потребления, так как следование этичным принципам на стадии приобретения и даже избавления от ставших ненужными вещей и предметов не избавляет окружающую среду и сообщества от неблагоприятных последствий, особенно в условиях перенасыщенности современных рынков. Между тем в России это самый малораспространённый сегмент устойчивого (не говоря уже об этичном) потреблении. Так, из соображений заботы о природе более-менее регулярно отказываются от покупок не особо нужных вещей, хотя материальное положение позволяет покупать больше, 4,6% респондентов; примерно столько же (5%) покупают подержанные вещи или предметы в хорошем состоянии в комиссионных магазинах, секонд-хендах, на интернет-площадках и др.; ещё 3% не покупают редко используемые вещи или предметы, а берут их в аренду, а 1,5% объединяются с друзьями, знакомыми, соседями для покупки вещей и других предметов для совместного потребления (дрель и другие инструменты, палатки, лыжи, камеры, компьютеры и проч.). В общей сложности хотя бы в

одну из упомянутых практик включены 12% россиян. О соприкосновении устойчивого потребления с этичным в этой сфере имеющиеся данные позволяют судить лишь в отношении двух (хотя и самых распространённых) практик[11] — добровольного отказа от излишних покупок и приобретения подержанных вещей. В итоге в добровольный отказ от покупок не особо нужных вещей по экологическим соображениям и (или) покупки на рынке подержанных вещей (предметов) по тем же соображениям включены 5,4% россиян (далее — переменная «упрощение потребления»).

* * *

В целом около 78% россиян в настоящее время включены хотя бы в один из обозначенных выше укрупнённых видов этичного потребления, то есть в той или иной мере используют потребление на разных стадиях обращения с благами как инструмент проявления гражданственности[12]. Не только внутри таких видов потребления, но и между разными видами наблюдается заметная фрагментарность (см. табл. 6; гипотеза 5a не отвергается). Так, только чуть более трети этичных покупателей участвуют в РСБО вблизи их домов и лишь 6% добровольно упрощают потребительские стандарты. Только каждый третий участник РСБО включён в те или иные практики по сокращению количества образуемых отходов, причём между этими видами этичного потребления вообще нет значимой связи. Чаще ассоциируется с другими видами этичного потребления бесплатная передача ставших ненужными вещей или предметов в хорошем состоянии. Однако по степени соприкосновения с другими видами этичного потребления ожидаемо лидирует его самый «продвинутый» вид — добровольное упрощение потребительских стандартов по экологическим соображениям (правда, если оставить за скобками его «напряжённые» отношения с РСБО). Таким образом, внутривидовые и межвидовые «ассоциации» между практиками этичного потребления имеют как общие, так и специфические черты. Повсеместно включение в одни практики, как правило, подталкивает к включению в другие. Однако в случае *межвидовых* перемещений эта связь обычно более слабая (гипотезы 5b и 5c не отвергаются) и, по-видимому, более контекстно зависимая: её усиление упирается в развитие соответствующей способствующей среды (просвещение, информирование, инфраструктура, институты, социально-экономические меры и др.) и порой требует серьёзной корректировки повседневного образа жизни.

[11] Покупка подержанных вещей или других предметов в значительной степени продвигается экономическими стремлениями: 54% представителей группы указали, что хотели сэкономить деньги на другие цели; 40% хотели на одну и ту же сумму купить больше вещей или чаще их менять; 32% подтолкнуло к выходу на рынок секонд-хенда ухудшившееся материальное положение. В общей сложности хотя бы на один из трёх экономических мотивов сослались 88% покупателей секонд-хенда, в то время как на экологический (стремление вносить вклад в сокращение отходов, сбережение природы, окружающей среды) лишь 21% (причём 18% в сочетании с экономическими соображениями).

[12] Поскольку в массиве 2022 г. не было данных об этичных покупках и бойкотах (а это важный сегмент этичного потребления), то в целях получения более-менее целостного представления о фрагментарности феномена мы исходили из того, что число участников этого сегмента в 2022 г. по сравнению с 2020 г. не изменилось, как и степень их сочетания с другими видами этичного потребления.

Таблица 6

Степень пересечения состава участников разных видов этичного потребления (% по столбцу)

Виды этичного потребления	Покупки и бойкоты		РСБО во дворе		Передача вещей		Сокращение БО		Упрощение потребления		Всего
	Есть	Нет	Есть	Нет	Есть	Нет	Есть	Нет	Есть	Нет	
Покупки, бойкоты	X	X	56	37	52	35	—	—	72	41	42
РСБО во дворе	36	20	X	X	30	22	*25*	*27*	*25*	*26*	26
Передача вещей	51	34	61	51	X	X	64	48	*67*	*53*	53
Сокращение БО	—	—	*33*	*36*	42	28	X	X	76	33	36
Упрощение потребления	6	2	*5,5*	*5*	*7*	*4*	12	2	X	X	5

Примечание. Данные по покупкам и бойкотам и их пересечению с другими практиками приведены по состоянию на конец 2020 г. (N_{2020} = 2000 чел.), а по остальным практикам и их пересечению друг с другом — по состоянию на декабрь 2022 г. (N_{2022} = 2002 чел.). Уровень значимости критерия χ2 Пирсона $p < 0{,}001$ во всех случаях за исключением выделенных (a) курсивом, где $p < 0{,}01$ и (b) курсивом с подчёркиванием, где различия статистически незначимы.

В целом в какой-то один вид практик включены 28% россиян, столько же практикуют два вида, 13% — три, а 9% используют четыре-пять видов. «Рассогласованная» включённость в этичные практики на разных стадиях ослабляет конечный вклад этичных потребителей в продвижение принципов устойчивого развития. Однако с точки зрения интересующего нас вклада этичного потребления в трансформацию гражданского общества эффект в любом случае положительный.

Итак, констатируем следующее:

— рассмотрение этичного потребления как сферы ГО, как правило, снижает (по ряду практик существенно) реальное число «этичных» потребителей за счёт исключения квазиэтичных;

— расширение числа учитываемых сфер этичного потребления (не только приобретение этических благ, но и их использование и утилизация), напротив, расширяет число этичных потребителей, одновременно обостряя проблему межвидовой фрагментарности (рассогласованности) феномена, по крайней мере, на начальных этапах его развития;

— наблюдаемая фрагментарность этичного потребления (как межвидовая, так и внутривидовая) снижает конечный вклад этичных потребителей в устойчивое развитие, но одновременно, расширяя радиус личной моральной ответственности потребителей, имеет в любом случае положительный гражданский эффект. Кроме того, включение в одни практики (виды) повсеместно подталкивает к включению в другие, что создаёт дополнительные импульсы для «саморазвития» этичного потребления и расширения его вклада в трансформацию ГО.

Этичные практики и традиционная сфера гражданского общества

Как же соотносится этичное потребление в качестве новой сферы ГО с его традиционной сферой (формальной и неформальной)? Основная часть россиян (76%) не является членами каких бы то ни было общественных объединений и других некоммерческих организаций (НКО), не участвует через эти структуры ни в каких общественных инициативах, 16% соприкасается с одной НКО и только 8% — с двумя и более. При этом доля сотрудничающих с относительно близкими к сфере этичного потребления НКО крайне низка (2,2%)[13]. Тем не менее участвующие в деятельности *любых* НКО активнее

[13] Так, 0,8% россиян являются членами и (или) принимают участие в деятельности экологических организаций (защита природы, борьба с мусорными свалками, содействие формированию РСБО и проч.), ещё 1,8% участвуют в благотвори-

включаются во все практики этичного потребления (см. табл. 7). Степень погружения в формальные гражданские структуры различается порой весьма сильно, но в целом можно констатировать следующее: гипотеза **Н3** о том, что участие в работе каких бы то ни было НКО содействует более активному включению во все виды этичного потребления (то есть в индивидуализированные коллективные действия), не лишена оснований в отношении всех без исключения этичных потребительских практик.

Таблица 7

Этичные потребительские практики и участие в деятельности НКО в любых сферах

Участие или неучастие	Покупки, бойкоты	РСБО	Передача вещей	Пакеты—Упаковки	«Продуктов ровно»	Вода, энергия	Потребление
Включение в деятельность НКО среди участников и неучастников разных этичных практик (% по столбцу)							
Ни в одной	*60* / 82	*65* / 80	*68* / 84	*63* / 79	*71* / 77	*60* / 78	*57* / 77
В одну	*24* / 13	*21* / 14	*20* / 12	*25* / 14	*16* / 11	*19* / 16	*21* / 16
В двух и более	*16* / 5	*14* / 6	*12* / 4	*12* / 7	*13* / 7	*21* / 6	*22* / 7
Доля участников разных практик в группах с разной включённостью в деятельность НКО (% по строке)							
Ни в одной	34,5	22	48	15	18,5	9	4
В одной	57	34	65	27	20	14	7
В двух и более	72	47	79	28,5	32	30	15
Значение статистики и уровень значимости критерия χ2 Пирсона, *df* = 2							
	139***	58***	76***	41***	16***	67***	36***

Примечание. N_{2022} = 2002 чел. (покупки и бойкоты N_{2020} = 2000 чел.),*** $p < 0{,}001$.

Однако, как известно, большая часть солидарной активности россиян осуществляется вне формальных структур ГО. Так, по нашим данным (декабрь 2022 г.), из 54% россиян — участников *денежных пожертвований* за последний год, только 17% делали это по формальным каналам[14]; гораздо чаще использовались неформальные каналы (23%)[15] и (или) милостыня (26%). В *добровольческом труде* участвовали 21% россиян, но и там доля формальных структур не превышает 7%, в то время как личная инициатива и (или) неформальная самоорганизация составляют 17%. Поскольку этичное потребление относится к новому пространству социально-экономических солидарностей, то логично ожидать, что его подхватят в первую очередь лица с высоким уровнем социального отклика в традиционном сегменте этих солидарностей. Так, денежные жертвователи значимо превосходят тех, кто в последний год денежных пожертвований не делал, по доле участников почти всех практик (за исключением добровольного упрощения потребительских стандартов). Особенно велик этот разрыв в практиках покупок и бойкотов, РСБО и передачи вещей — как в целом, так и сугубо по неформальным каналам (см. табл. 8). В результате, за редким исключением, повышенная доля денежных жертвователей среди участников этичного потребления — важная отличительная черта этих последних как акторов ГО (см. табл. 8).

тельных инициативах и (или) акциях (сбор денег и (или) вещей бездомным, детским домам, пострадавшим, нуждающимся и т. п.).

14 *Формальные каналы* — это сбор средств организациями по месту жительства, учёбы, работы, через ящик сбора средств, через государственные учреждения, местные или иностранные благотворительные организации, фонды, крупные компании, бизнесменов, церковные организации, приходские общины.

15 *Неформальные каналы* — это передача средств нуждающимся лично в руки (кроме милостыни), через родных и близких нуждающегося, сбор средств друзьями, знакомыми; инициативные гражданские группы, движения, объединения людей, имеющих личный, семейный опыт подобных проблем.

Таблица 8

Этичные потребительские практики и денежные пожертвования за последний год

Участие или неучастие	Покупки, бойкоты	РСБО	Передача вещей	Пакеты— Упаковки	«Продуктов ровно»	Вода, энергия	Упрощение потребления
Доля денежных жертвователей по формальным и неформальным каналам среди участников и неучастников этичных практик (% по столбцу)							
Участники	**70**	**64**	**63**	**64**	**61**	**67**	**55**
Неучастники	46	50	43	51	52	52	54
Доля участников разных практик среди делавших и не делавших денежные пожертвования (формально и неформально) (% по строке)							
Делали	52,5	31	63	21	22,5	14	6
Не делали	29	20,5	42	14	16,5	8	5
Значение статистики и уровень значимости критерия χ2 Пирсона, *df* = 1							
	113***	29***	85***	19***	11***	17***	0,1
Доля денежных жертвователей по неформальным каналам среди участников и неучастников этичных практик (% по столбцу)							
Участники	**33**	**32**	**29**	**31**	**27**	**35,5**	**24**
Неучастники	20	20	16	21	22	21	23
Доля участников разных практик среди делавших и не делавших денежные пожертвования по неформальным каналам (% по строке)							
Делали	55	36	67	24	23	18	6
Не делали	38	23	49,5	16	19	9,5	5
Значение статистики и уровень значимости критерия χ2 Пирсона, *df* = 1							
	46***	30***	42***	16***	3,6*	23***	0,05

Примечание. N_{2022} = 2002 чел. (покупки, бойкоты N_{2020} = 2000 чел.), *p < 0,05; ***p < 0,001.

Аналогичные закономерности проявляются и в связи этичного потребления с *добровольческим трудом*[16] (см. табл. 9). По доле этичных потребителей лица, включавшиеся в добровольческий труд (в том числе и неформально), как правило, значимо превосходят тех, кто волонтёрством в последний год не занимался, причём с теми же практиками-лидерами — покупки и бойкоты, передача вещей, РСБО. Так что участников этичных практик от неучастников отличает и более высокая доля занимавшихся добровольческим трудом, хотя по сравнению с денежными жертвователями она повсеместно намного ниже (см. табл. 9).

[16] Как следует из преамбулы к соответствующему вопросу в инструментарии, речь идёт «о добровольческом, волонтёрском труде, то есть об участии в каком-либо общественно полезном деле без принуждения и вознаграждения и не для помощи членам семьи или близким родственникам». Вопрос звучит так: «За последний год Вам приходилось или не приходилось заниматься таким трудом?»

Таблица 9

Этичные потребительские практики и добровольческий труд за последний год

Участие и неучастие	Покупки, бойкоты	РСБО	Передача вещей	Пакеты—Упаковки	«Продуктов ровно»	Вода, энергия	Упрощение потребления
Доля занимавшихся добровольческим трудом по формальным и неформальным каналам среди участников и неучастников этичных практик (% по столбцу)							
Участники	33	30	28	29	25	33	31
Неучастники	15	18	13	19,5	20	20	20,5
Доля участников разных практик в группах включённых и не включённых в добровольческий труд (формально и неформально) (% по строке)							
Включены	61	37	72	24	23	18	8
Не включены	36,5	23	48,5	16	19	10	5
Значение статистики и уровень значимости критерия χ2 Пирсона, *df* = 1							
	86^{***}	35^{***}	73^{***}	14^{***}	$3{,}5^{+}$	21^{***}	7^{**}
Доля занимавшихся добровольческим трудом по неформальным каналам среди участников и неучастников этичных практик (% по столбцу)							
Участники	26	24	23,5	23,5	20	25	23
Неучастники	13	14,5	9,5	16	16	16	17
Доля участников разных практик в группах включённых и не включённых в добровольческий труд на неформальной основе (% по строке)							
Включены	59	37	74	25	23	17	7
Не включены	38	24	49	16	19	10	5
Значение статистики и уровень значимости критерия χ2 Пирсона, *df* = 1							
	52^{***}	24^{***}	68^{***}	13^{***}	$3{,}2^{*}$	13^{***}	$2{,}9^{*}$

Примечание. N_{2022} = 2002 чел. (покупки, бойкоты N_{2020} = 2000 чел.), $+p < 0{,}1$, $*p < 0{,}05$; $**p < 0{,}01$; $***p < 0{,}001$.

Более активное участие в разных видах этичного потребления индивидов, уже включённых в деятельность НКО, как и в традиционные социально-экономические солидарности (формальные и неформальные), свидетельствует в пользу гипотезы о том, что благодаря этичному потреблению ГО развивается вглубь. Однако этичное потребление, как мы видим, развивает ГО и вширь — за счёт включения в проэкологическую и просоциальную активность новых акторов, ранее социально пассивных. В самом деле, 57–71% участников разных этичных практик не являются членами никаких НКО и не включены в их деятельность; от 30% этичных покупателей до 45% добровольно упростивших свои потребительские стандарты за последний год не делали денежных пожертвований (формально и неформально), а 67–75% не занимались добровольческим трудом по формальным и неформальным каналам (см. табл. 7, 8, 9). В целом, весьма заметная часть участников разных практик этичного потребления (20–32%) никак не соприкасается с традиционным пространством ГО (ни по формальным, ни по неформальным каналам). Больше всего эта группа среди включённых в добровольное упрощение потребительских стандартов (32%), а меньше — среди участников этичных покупок и бойкотов (20%). Для этой части ранее пассивных в гражданском отношении россиян привлёкший их вид этичного потребления стал инструментом проявления гражданственности, расширения радиуса личной моральной ответственности, словом, каналом вхождения в сферу ГО.

Ценностные установки в отношении этичных практик

Чтобы потребление стало средством проявления гражданственности, наряду с условиями на стороне внешней среды, на которых мы здесь останавливаться не будем, сославшись на другие наши работы (см.: [Шабанова 2019а; 2021; 2023]), у потребителей должны наличествовать гражданские (проэко-

логические и (или) просоциальные) ценностные установки в отношении включения в те или иные практики этичного потребления. Проэкологические и (или) просоциальные стремления с большим перевесом преобладают над личными и (или) эгоистическими[17], однако в разных практиках в неодинаковой степени (см. табл. 10). Наибольший разрыв ожидаемо выше в РСБО (65,5 п. п.) из-за отсутствия личной экономической выгоды (поощрения, санкции) от включения в эту практику в современной российской институциональной среде; наименьший (30 п. п.) — в этичных покупках и бойкотах, напротив, из-за высокой значимости стремлений личного характера, в том числе связанных с заботой о здоровье (своём и близких), сильно влияющих на потребительский выбор товаров с этическими атрибутами.

Таблица 10

Мотивы включения или готовности включиться в этичное потребление участников и неучастников разных практик (% по столбцу)

Мотивы: участники / неучастники	Покупки и бойкоты	РСБО	Передача вещей	Пакеты—Упаковки	«Продуктов ровно»	Вода, энергия	Упрощение
	a	b	c	d	e	f	g
1.Хочу ощущать себя ответственным человеком	**48** / 19	**34,5** / 20	**22** / 17	**29** / 17,5	**23** / 19	**26** / 19	**28** / 19
2.Хочу вносить вклад в улучшение экологии, благопо-лучие нынешних и будущих поколений	**29** / 14	**48** / 30	**36** / 22	**44** / 26	**39,5** / 27	**50** / 27	**58** / 28
3.Считаю, что это экономически выгодно для общества в целом	**11** / 18	**10** / 10	**13** / 7	**18** / 8	**21** / 7,5	**16** / 9	**19** / 10
4.Стараюсь делать то, что, по моему мнению, должны делать все	**39** / 21	**29** / 17,5	**21** / 15	**31** / 15	**25** / 16	**26** / 17	**29** / 17
5.Итого просоциальные и проэкологические мотивы: хотя бы один из 4-х	**82** / 46	**85** / 58	**68** / 50,5	**80** / *56*	**69** / 58	**75** / 58	**86** / 58
6.Это экономически выгодно лично для меня (моей семьи)	**17** / 10	**6,5** / 6	**10** / 6	**10** / 8	**15** / 7	**14** / 8	**16** / 8
7.Хочу, чтобы другие люди считали меня ответственным человеком	**12** / 5	**9** / 5	**5** / 7	**8** / 5,5	**9** / 5	**10,5** / 5	**10** / 6
8.Получаю от этих действий особое удовлетворение, мне приятна причастность к этому делу	**10,5** / 4	**7** / 3,5	**4** / 3	**7** / 3	**8** / 3	**8** / 3	**9** / 3
9.Забочусь о своём здоровье и здоровье близких*	**29** / 21	X	X	X	X	X	X
10. Итого личные или эгоистические мотивы: хотя бы 1 из 3–4-х	**50** / 34	**19,5** / 13	**17** / 15	**22** / 15	**26** / 14	**27** / 15	**27,5** / 15,5

[17] Ответы на вопросы: «Назовите, пожалуйста, основные причины, по которым Вы покупаете или готовы начать покупать товары производителей, бережно относящихся к природе, животным, работникам» (столбец a, табл. 10); «Назовите основные причины, по которым Вы уже участвуете или готовы начать участвовать в раздельном сборе бытовых отходов (столбец b, табл. 10); «А в сокращении количества образуемых отходов?» (столбцы c–g, табл. 10).

Таблица 10. Окончание

Мотивы: участники неучастники	Покупки и бойкоты	РСБО	Передача вещей	Пакеты— Упаковки	«Продуктов ровно»	Вода, энергия	Упро-щение
	a	b	c	d	e	f	g
11.Верю, что мои усилия не напрасны, и я могу влиять на решение важной проблемы	**13** 6	**9** 9	**12** 8	**19** 8	**20** 7,5	**23** 8	**16** 10
12.Не покупаю и не собираюсь покупать этичные товары / уча-ствовать в РСБО / сокра-щать количество БО	**2** 24	**5** 25	**13** **25**	**3** 22	**10** 21	**4** 20,5	**3** 20

Примечание. N_{2022} = 2002 чел. (покупки, бойкоты N_{2020} = 2000 чел.). Ответы объединены в группы. Адаптированный и дополненный вопрос см.: [Berglund 2006: 564]. N_{2022} = 2002. Приводится значение статистики и уровень значимости критерия χ2 Пирсона, $^{+}p < 0{,}1$, $^{*}p < 0{,}05$; $^{**}p < 0{,}01$; $^{***}p < 0{,}001$; **(a)** $\chi^2_1 = 191^{***}$; $\chi^2_2 = 68^{***}$; $\chi^2_3 = 7^{**}$; $\chi^2_4 = 80^{***}$; $\chi^2_5 = 257^{***}$; $\chi^2_6 = 18^{***}$; $\chi^2_7 = 35{,}5^{***}$; $\chi^2_8 = 28^{***}$; $\chi^2_9 = 19^{***}$; $\chi^2_{10} = 54^{***}$; $\chi^2_{11} = 33^{***}$; $\chi^2_{12} = 73{,}5^{***}$; **(b)** $\chi^2_1 = 43{,}5^{***}$; $\chi^2_2 = 57^{***}$; $\chi^2_3 = 0{,}0$; $\chi^2_4 = 32^{***}$; $\chi^2_5 = 121^{***}$; $\chi^2_6 = 0{,}1$; $\chi^2_7 = 13^{***}$; $\chi^2_8 = 9,^{**}$; $\chi^2_{10} = 13^{***}$; $\chi^2_{11} = 0{,}0$; $\chi^2_{12} = 94^{***}$; **(c)** $\chi^2_1 = 6^{*}$; $\chi^2_2 = 43^{***}$; $\chi^2_3 = 17^{***}$; $\chi^2_4 = 11{,}5^{***}$; $\chi^2_5 = 64^{***}$; $\chi^2_6 = 12^{***}$; $\chi^2_7 = 21$; $\chi^2_8 = 1{,}345$; $\chi^2_{10} = 2{,}27$; $\chi^2_{11} = 6{,}98^{**}$; $\chi^2_{12} = 47{,}4^{***}$; **(d)** $\chi^2_1 = 24^{***}$; $\chi^2_2 = 48^{***}$; $\chi^2_3 = 27^{***}$; $\chi^2_4 = 46^{***}$; $\chi^2_5 = 72^{***}$; $\chi^2_6 = 2$; $\chi^2_7 = 5^{**}$; $\chi^2_8 = 15^{***}$; $\chi^2_{10} = 9^{**}$; $\chi^2_{11} = 43^{***}$; $\chi^2_{12} = 72^{***}$; **(e)** $\chi^2_1 = 4^{+}$; $\chi^2_2 = 24^{***}$; $\chi^2_3 = 62^{***}$; $\chi^2_4 = 15^{***}$; $\chi^2_5 = 16^{***}$; $\chi^2_6 = 29^{***}$; $\chi^2_7 = 10^{**}$; $\chi^2_8 = 20^{***}$; $\chi^2_{10} = 36^{***}$; $\chi^2_{11} = 53^{***}$; $\chi^2_{12} = 28^{**}$; **(f)** $\chi^2_1 = 7^{*}$; $\chi^2_2 = 50^{***}$; $\chi^2_3 = 11^{**}$; $\chi^2_4 = 12^{***}$; $\chi^2_5 = 26^{***}$; $\chi^2_6 = 10^{**}$; $\chi^2_7 = 9^{**}$; $\chi^2_8 = 15^{***}$; $\chi^2_{10} = 21^{***}$; $\chi^2_{11} = 48^{***}$; $\chi^2_{12} = 35^{***}$; **(g)** $\chi^2_1 = 6^{*}$; $\chi^2_2 = 44{,}5^{***}$; $\chi^2_3 = 11^{**}$; $\chi^2_4 = 10^{**}$; $\chi^2_5 = 33^{***}$; $\chi^2_6 = 8^{*}$; $\chi^2_7 = 3^{+}$; $\chi^2_8 = 9^{**}$; $\chi^2_{10} = 11^{**}$; $\chi^2_{11} = 4^{*}$; $\chi^2_{12}=19^{***}$.

Проблематична низкая уверенность участников всех практик в ненапрасности прилагаемых усилий и способности влиять на решение важной проблемы. В разных практиках показатель колеблется и составляет 9–23%. Причём более низкие значения наблюдаются в самых массовых практиках — РСБО (9%), передача вещей (12%), этичные покупки и бойкоты (13%) (см. табл. 10), что со временем может неблагоприятно сказаться на расширенном воспроизводстве этих практик и феномена в целом.

Структура «зелёного морального индекса» (см. табл. 10) в разных практиках также неодинакова, но со временем она меняется даже в рамках одной практики (см. подробнее: [Шабанова 2021; 2023]) под влиянием изменений в информированности населения, инфраструктуре, институтах и др. Выявление структуры и сдвигов в этом индексе представляет интерес преимущественно для обнаружения и ликвидации информационно-коммуникационных сбоев. Однако для определения факторов на стороне ГО ключевое значение имеет не столько структура, сколько величина этого индекса, которая сильно колеблется у участников разных практик (см. табл. 11).

Таблица 11

«Зелёный моральный индекс» участников и неучастников разных практик этичного потребления (% по столбцу)

Индекс (баллы)		Покупки— бойкоты	РСБО	Передача Вещей	Пакеты— Упаковки	Продуктов ровно	Вода, энергия	Упро-щение
0	Участники	**18**	**15**	**32**	**20**	**31**	**25**	**14**
	Неучастники	54	42	49,5	44	**42**	42	**42**
1	Участники	**49**	**59**	**49**	**49**	**40**	**44**	**51**
	Неучастники	35	43	42,5	46	48	47	46
2–4	Участники	**33**	**26**	**19**	**31**	**29**	**31**	**35**
	Неучастники	11	15	8	10	**10**	11	**12**
Значение статистики и уровень значимости критерия χ2 Пирсона, *df = 2*								
		$286{,}5^{***}$	126^{***}	84^{***}	134^{***}	100^{***}	76^{***}	58^{***}

Примечание. N_{2022} = 2002 чел. (покупки, бойкоты N_{2020} = 2000 чел.), $^{***}p < 0{,}001$.

Наконец, участники и неучастники разных практик нередко значимо различаются в социально-демографическом и статусном отношениях (см. табл. 12). Исключение — практика упрощения потребительских стандартов, что указывает на обоснованность гипотезы о её близости к идеальному конструкту индивидуализированных коллективных действий, оторванных от статусных позиций индивидов (H 4b).

Таблица 12

Социально-демографические и статусные характеристики участников и неучастников разных практик

Характеристики: участники / неучастники	Покупки и бойкоты	РСБО	Передача вещей	Пакеты—Упаковки	«Продуктов ровно»	Вода энергия	Упрощение	Всего
Пол: женщины, %	**58** / 53	**59** / 53	**59** / 50	**64** / 53	**62** / 53	**62** / 54	**67** / 54	55
χ2 Пирсона	*5***	*5**	*19****	*16****	*10****	*5**	*7***	
Возраст (полных лет), %								
18–24	**11** / 7	**7** / 9	**7** / 10	**10** / 8	**7** / 9	**11** / 8	**10** / 8	8
25–34	**23** / 18	**17** / 22	**19** / 22	**23** / 20	**16** / 21	**21** / 20	**14** / 21	20
35–44	**18,5** / 19	**18** / 19	**19** / 18	**21** / 18	**18** / 19	**18** / 19	**17** / 19	19
45–59	**24,5** / 26	**29** / 24	**28** / 23	**22** / 26	**28** / 25	**25** / 26	**25** / 26	26
60+	**23** / 29	**28** / 26	**27** / 26	**23** / 27	**31** / 26	**25** / 27	**34** / 26	27
χ2 Пирсона	*16***	*9**	*12**	*7*	*10**	*2*	*5*	
Образование, %								
Среднее общее и ниже	**29** / 29	**25** / 30	**27** / 31	**21** / 31	**25** / 30	**24** / 29	**27** / 29	29
ПТУ, техникум	**41** / 41	**41** / 41	**42** / 40	**42** / 41	**41** / 41	**38** / 42	**40** / 41	41
Высшее или незаконченное высшее	**30** / 30	**34** / 28	**31** / 29	**37** / 28	**34** / 29	**38** / 29	**33** / 30	30
χ2 Пирсона	*0*	*9**	*3*	*15****	*7**	*9***	*0,7*	
Материальный статус семьи—денег не хватает на:								
питание или одежду, обувь	**16** / 21	**15** / 17	**14** / 20	**12** / 18	**18** / 17	**8** / 18	**17** / 17	17
крупную бытовую технику	**33** / 44	**34** / 39	**40** / 36	**37** / 38	**39** / 38	**41** / 38	**42** / 38	38
автомобиль / квартиру или дом / или на всё хватает	**47** / 31	**46** / 37	**41** / 37	**48** / 37	**40** / 39	**47** / 38	**39** / 39	39
затруднились с ответом или отказ от ответа	**4**5	**5**7	**5**7	**3**7	**3**7	**4**6	**1**6	6
χ2 Пирсона	*56****	*15***	*20****	*24,5****	*7*+*	*17****	*5,7*	
Тип населённого пункта, %								

Таблица 12. Окончание

Характеристики: участники неучастники	Покупки и бойкоты	РСБО	Передача вещей	Пакеты—Упаковки	«Продуктов ровно»	Вода энергия	Упрощение	Всего
Города с населением (чел.):								
1 млн. и более	**22** 26	**29** 21	**23** 22	**31** 21	**31** 21	**34** 21	**26** 22	23
от 500 тыс. до 1 млн.	**12** 13	**7** 10	**11** 7	**9** 9	**10** 9	**9** 9	**12** 9	9
100–500 тыс.	**22** 18	**25** 17	**18** 21	**20** 19	**15** 21	**16** 20	**21** 19	19,5
менее 100 тыс., посёлок городского типа	**23** 23	**20** 24	**23** 23	**20** 24	**22** 23	**23** 23	**19** 23	23
Село	**21** 20	**19** 28	**24** 27	**20** 27	**22** 26	**18** 27	**21** 26	25,5
χ2 Пирсона	*8*$^{+}$	*45****	*11**	*19****	*23****	*21****	*3,5*	

Примечание. N_{2022} = 2002 чел. (покупки, бойкоты N_{2020} = 2000 чел.), +p < 0,1, *p < 0,05; **p < 0,01; ***p < 0,001.

Этичное потребление и гражданское общество: регрессионный анализ

Для оценки связей между факторами, лежащими на стороне ГО, и попаданием индивидов в разные практики этичного потребления воспользуемся аппаратом бинарной логит-регрессии. В таблице 13 приведены средние предельные эффекты для шести разных практик этичного потребления, показывающие, на сколько процентных пунктов (п. п.) в среднем меняется вероятность соответствующего исхода при единичном изменении той или иной независимой переменной при условии, что все остальные независимые переменные остаются неизменными.

Таблица 13

Средние предельные эффекты выбора разных практик этичного потребления для моделей бинарной логистической регрессии

Независимые переменные	Покупки и бойкоты	РСБО	Пакеты—Упаковки	Передача вещей	«Продуктов ровно»	Вода, энергия	Упрощение
«Зелёный моральный индекс»: 0 – база							
1	**0,267***** *(0,023)*	**0,181***** *(0,020)*	**0,103***** *(0,017)*	**0,101***** *(0,024)*	**0,042**** *(0,019)*	**0,036**** *(0,015)*	**0,045***** *(0,010)*
2–4	**0,318***** *(0,032)*	**0,190***** *(0,030)*	**0,229***** *(0,032)*	**0,214***** *(0,035)*	**0,186***** *(0,031)*	**0,105***** *(0,026)*	**0,091***** *(0,020)*
Частные или эгоистические мотивы							
	0,089*** *(0,020)*	**0,043** *(0,027)*	**0,044*** *(0,022)*	**0,015** *(0,030)*	**0,091***** *(0,022)*	**0,049***** *(0,017)*	**0,028**** *(0,012)*
Вера, что индивидуальные усилия не напрасны и могут влиять на решение важных проблем							
	0,044 *(0,034)*	**–0,015** *(0,035)*	**0,120***** *(0,026)*	**0,059** *(0,037)*	**0,151***** *(0,025)*	**0,091***** *(0,020)*	**0,015** *(0,015)*
Степень озабоченности мусорной проблемой							
Сильная	**0,092***** *(0,020)*	**0,099***** *(0,019)*	**0,012** *(0,018)*	**0,004** *(0,024)*	**–0,062***** *(0,020)*	**0,026*** *(0,015)*	**–0,012** *(0,011)*
Членство в НКО или участие в их деятельности: база — не участвуют							
В одной	**0,125***** *(0,027)*	**0,045*** *(0,026)*	**0,053**** *(0,024)*	**0,087***** *(0,031)*	**–0,031** *(0,022)*	**0,004** *(0,018)*	**0,019** *(0,014)*
В двух и более	**0,208***** *(0,038)*	**0,098**** *(0,039)*	**0,011** *(0,030)*	**0,183***** *(0,044)*	**0,045** *(0,034)*	**0,101***** *(0,030)*	**0,071***** *(0,025)*

Таблица 13. Окончание

Независимые переменные	Покупки и бойкоты	РСБО	Пакеты—Упаковки	Передача вещей	«Продуктов ровно»	Вода, энергия	Упрощение
Участие в традиционных видах солидарной активности на неформальной основе							
Денежные пожертвования	**0,056**** *(0,023)*	**0,059***** *(0,022)*	**0,014** *(0,020)*	**0,078***** *(0,027)*	**0,008** *(0,022)*	**0,032**** *(0,016)*	**–0,020** *(0,013)*
Добровольческий труд	**0,044*** *(0,026)*	**0,028** *(0,025)*	**0,029** *(0,022)*	**0,164***** *(0,032)*	**0,009** *(0,024)*	**0,011** *(0,017)*	**0,000** *(0,013)*
Пользование Интернетом каждый день**:**							
	0,006 *(0,027)*	0,008 *(0,026)*	0,010 *(0,025)*	0,111***** *(0,030)*	–0,042*** *(0,024)*	0,022 *(0,021)*	–0,013 *(0,015)*
Социально-демографические и статусные характеристики							
Пол: женщины	**0,024** *(0,020)*	**0,012** *(0,019)*	**0,054***** *(0,017)*	**0,060***** *(0,021)*	**0,039**** *(0,017)*	**0,015** *(0,014)*	**0,019*** *(0,011)*
Возраст (полных лет)*:* база — 60+:							
18–24 лет	**0,120***** *(0,035)*	**–0,067*** *(0,036)*	**0,045** *(0,036)*	**–0,184***** *(0,044)*	**–0,049** *(0,034)*	**0,015** *(0,029)*	**0,004** *(0,023)*
25–34	**0,028** *(0,034)*	**–0,057*** *(0,029)*	**0,050*** *(0,028)*	**–0,081**** *(0,034)*	**–0,044** *(0,028)*	**0,002** *(0,023)*	**–0,016** *(0,017)*
35–44	**0,007** *(0,033)*	**–0,033** *(0,030)*	**0,034** *(0,027)*	**–0,062*** *(0,034)*	**–0,031** *(0,028)*	**–0,019** *(0,021)*	**–0,009** *(0,016)*
Материальный статус семьи*:* база — низкий («Денег не хватает даже на питание» или «На питание денег хватает, но одежду, обувь купить не можем»)							
Средний	**–0,037** *(0,029)*	**0,002** *(0,027)*	**0,037** *(0,024)*	**0,128***** *(0,031)*	**0,016** *(0,025)*	**0,063***** *(0,019)*	**–0,001** *(0,016)*
Выше среднего	**0,056*** *(0,031)*	**0,029** *(0,028)*	**0,047*** *(0,024)*	**0,057*** *(0,033)*	**–0,000** *(0,026)*	**0,048***** *(0,018)*	**–0,009** *(0,016)*
Образование*:* база — среднее общее и ниже							
ПТУ, техникум	**–0,030** *(0,024)*	**–0,001** *(0,023)*	**0,037*** *(0,020)*	**0,012** *(0,026)*	**0,028** *(0,020)*	**0,005** *(0,017)*	**0,001** *(0,013)*
ВУЗ	**–0,041** *(0,026)*	**0,001** *(0,027)*	**0,038*** *(0,022)*	**–0,023** *(0,029)*	**0,030** *(0,023)*	**0,021** *(0,019)*	**–0,000** *(0,014)*
Тип населённого пункта*:* база — село							
Город ≥ 1млн чел.	**–0,092***** *(0,031)*	**0,091***** *(0,029)*	**0,050*** *(0,026)*	**0,002** *(0,032)*	**0,071***** *(0,027)*	**0,058**** *(0,022)*	**0,002** *(0,015)*
500 тыс.–1 млн чел.	**–0,048** *(0,036)*	**–0,023** *(0,033)*	**0,009** *(0,031)*	**0,082**** *(0,041)*	**0,050** *(0,035)*	**0,009** *(0,025)*	**0,025** *(0,023)*
100–500 тыс. чел.	**–0,031** *(0,031)*	**0,131**** *(0,030)*	**0,017** *(0,025)*	**–0,028** *(0,032)*	**–0,040*** *(0,023)*	**–0,007** *(0,019)*	**0,004** *(0,016)*
Число наблюдений	2000	2002	2002	2002	2002	2002	2002
Вероятность > $\chi 2$ =	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000	0,0000
Pseudo R^2	0,1988	0,1281	0,1168	0,1109	0,1193	0,1333	0,1228

Примечания. Регионы (восемь федеральных округов) контролируются. *** $p < 0{,}01$; ** $p < 0{,}05$; *$p < 0{,}1$.
В скобках приведены робастные стандартные ошибки. В таблице не приведены переменные, которые оказались незначимыми во всех моделях: возраст 45–59 лет; тип населённого пункта — города с населением менее 100 тыс. чел. и посёлок городского типа (ПГТ).

Ведущую роль во включении во все практики этичного потребления играют проэкологические и просоциальные ценностные установки индивидов, отражённые в «зелёном моральном индексе». Чем выше значение этого последнего, тем повсеместно выше вероятность участия в этичном потреблении (гипотеза **H1a** не отвергается). В наибольшей степени ассоциированы с величиной «зелёного морального

индекса» этичные покупки и бойкоты: по сравнению с базовой группой (нулевой индекс) вероятность «голосования рублём за лучший мир» при прочих равных повышается на 26,7 п. п. в случае единичного индекса и на 31,8 п. п., если он равен 2–4 баллам. Менее сильная связь — в практиках экономии электроэнергии и воды по экологическим соображениям и упрощении потребительских стандартов по тем же причинам. Это может быть обусловлено самыми разными обстоятельствами — более сложным (многообразным) мотивационным комплексом участников этих практик, более тесным их соприкосновением с повседневным образом жизни потребителей вплоть до особенностей конструирования индекса (в отношении этого вида практик он строился на основе вопроса о причинах включения (готовности включиться) в сокращение количества образуемых отходов и, возможно, не улавливает во всей полноте проэкологические ценностные установки индивидов[18]). В целом высокие значения «зелёного морального индекса» неодинаково ассоциированы с вероятностью включения в разные практики, повышая её в весьма широком диапазоне — от 9,1 до 31,8 п. п. (гипотеза **H1c** не отвергается).

Не отвергается и гипотеза **H1b** о том, что по силе влияния проэкологические и просоциальные стремления значимо и повсеместно превосходят стремления, связанные с сугубо частной выгодой. Однако эта последняя все же значима (хотя и неодинаково) в ряде практик, преимущественно рыночного сегмента (например, покупки и бойкоты, «продуктов ровно», экономия воды, энергии) (гипотезы **H2a** и **H2b** не отвергаются). Это связано либо с важностью для покупателей, наряду с этичными, функциональных атрибутов товаров, коль скоро эти последние придётся потреблять именно им и (или) их родным (практика покупок и бойкотов), либо с сильной сопряжённостью этичной практики с «моральными режимами» повседневного потребления (практика «продуктов ровно»), либо с уже ранее отмечаемым доминированием подкрепления проэкологической мотивации эгоистическими соображениями экономического характера у группы россиян, экономящих электроэнергию и воду по экологическим соображениям («экономия энергии и (или) воды»). В ряде практик (РСБО, бесплатная передача ненужных вещей и предметов, сокращение или отказ от одноразовых пакетов и упаковок) частные или эгоистические соображения ожидаемо незначимы, ибо в современных российских условиях они не сулят участникам ощутимых личных выгод (экономия усилий, денег, социальные поощрения и др.).

Регрессионный анализ вскрывает по крайней мере две проблемы, связанные с реализацией проэкологических и (или) просоциальных стремлений этичных потребителей в России. Первая связана с ролью озабоченности индивидов остротой мусорной проблемы, а вторая — с верой в ненапрасность прилагаемых усилий. Сильная озабоченность мусорной проблемой значимо ассоциирована с вероятностью включения только в две практики из шести (этичные покупки и бойкоты, РСБО), повышая её на 9,2 и 9,9 п. п. А вот с практиками, прямо или косвенно содействующими сокращению образования мусора, значимой связи либо нет, либо она даже отрицательная (см. табл. 13). Последняя наблюдается в практике избегания покупки лишних продуктов питания, чтобы впоследствии не выбрасывать лишнего, причём по экологическим соображениям. По-видимому, в общественном мнении выбрасывание продуктов питания часто не связывается с мусорной проблемой из-за весьма распространённого представления о том, что «всё равно всё разлагается» на фоне игнорирования других каналов вклада выбрасываемых продуктов в обострение мусорной проблемы. Другая практика — бесплатная передача вещей значимо не ассоциирована с озабоченностью мусорной проблемой, вероятно, в силу преобладания в мотивах жертвователей соображений не столько экологического, сколько солидарного, помогающего характера. Что же касается пакетно-упаковочных практик, то неожиданное отсутствие связи с озабоченностью остротой мусорной проблемой, по-видимому, нельзя целиком списать на сбои в просвещении потребителей. В данном случае гораздо большее значение имеет налаживание обратной связи с потребителями, поскольку вера в ненапрасность прилагаемых усилий и способность влиять на решение важной

[18] Не случайно вероятность включения в эти практики значимо не связана с сильной озабоченностью мусорной проблемой в России (см. табл. 13).

проблемы повышает вероятность включения в практику на 12 п. п. По силе связи этот фактор уступает лишь «зелёному моральному индексу» (см. табл. 13). Аналогична ситуация и в практике избегания покупок излишних продуктов питания по экологическим соображениям (см. табл. 13).

Вторая проблема сопряжена с дифференцированным значением веры в ненапрасность (результативность) прилагаемых усилий в разных практиках этичного потребления. Значимая связь наблюдается лишь в относительно малочисленных практиках и, вероятно, сопряжена с сильной уверенностью в своих силах энтузиастов-первопроходцев. Ни в одной из более распространённых практик, будь то этичные покупки и бойкоты (42%), бесплатная передача вещей и предметов (53%) или участие в РСБО во дворах (26%), значимой связи с верой в ненапрасность прилагаемых усилий и способностью внести личный вклад в ослабление важной проблемы в настоящее время нет. Это указывает на наличие информационно-коммуникационных сбоев и недостаточном развитии способствующей среды для воспроизводства этих практик.

С точки зрения взаимодействия этичного потребления как новой сферы ГО с его традиционной сферой (формальные и неформальные структуры ГО вне сферы потребления) важно отметить несколько обстоятельств. Первое связано с неоднозначным характером связи разных практик с широтой участия в формальных структурах ГО. В одной группе практик с расширением участия в разных НКО вероятность включения в этичное потребление повышается (этичные покупки и бойкоты, РСБО, бесплатная передача вещей и предметов); в другой незначимая связь обращается в значимую (экономия воды и (или) электроэнергии по экологическим соображениям, упрощение потребительских стандартов по тем же причинам); в третьей же остаётся (становится) незначимой («продуктов ровно», «пакеты—упаковки»). Таким образом, гипотеза **H3a** не отвергается в отношении большинства практик, но не всех. По сравнению с теми, кто не участвует в деятельности ни одной НКО, те, кто участвует хотя бы в одной, включаются в этичные покупки и бойкоты с вероятностью большей на 12,5 п. п.; в бесплатную передачу вещей — на 8,7 п. п.; в РСБО — на 4,5 п. п. В случае же более широкого погружения в формальные структуры ГО (не менее двух НКО) вероятность по сравнению с базовой группой повышается ещё больше — на 20,8 п. п., 18,3 п. п. и 9,8 п. п. соответственно. По-видимому, обретаемый в НКО опыт сотрудничества с незнакомыми людьми повышает доверие к ним, содействует расширению радиуса личной моральной ответственности и уверенности индивидов в своих силах как акторов социальных изменений.

Что касается связи этичного потребления с традиционными *неформальными* структурами ГО в социально-экономической сфере (денежные пожертвования, добровольческий труд), то, по сравнению с формальными структурами, она, как и предполагалось, слабее (гипотеза **H3c** не отвергается). Вероятно, люди, уже неформально сделавшие что-то просоциальное в традиционной социально-экономической сфере, до поры до времени полагают, что теперь могут «почивать на лаврах» и менее активно участвовать в новых практиках (известный эффект «морального лицензирования» или «этики вклада» [Thogersen, Crompton 2009; Truelove et al. 2014]), либо, не чувствуя поддержки со стороны неформального сообщества, занимают выжидательную позицию. Связь с включённостью в неформальные солидарные практики значима не во всех практиках, а в четырёх из шести (гипотеза **H3b** не отвергается частично), причём с неформальными денежными пожертвованиями значимая связь проявляется чаще, чем с добровольческим трудом на неформальной основе (см. табл. 13). Такой труд обычно предполагает заметные затраты времени и усилий со стороны индивидов, а потому, как можно ожидать, с эффектом морального лицензирования сопряжён чаще, что сдерживает индивидов от оперативного и ситуационного включения в новые просоциальные практики социально-экономического характера.

Наконец, не отвергается и гипотеза **H4a** о неодинаковой (как по силе, так и по направлению влияния) связи вероятности включения в разные практики с социально-демографическими и статусными

характеристиками индивидов. В ряд практик с большей вероятностью включаются женщины (передача вещей, «пакеты—упаковки», «продуктов ровно»), лица с более высоким материальным статусом (передача вещей, экономия энергии, воды по экологическим соображениям), жители городов-миллионников (РСБО, «продуктов ровно», экономия энергии и (или) воды по экологическим соображениям), крупных и больших городов (передача вещей, РСБО) (см. табл. 13). Неодинакова и привлекательность разных практик для тех или иных возрастных групп: в частности, по сравнению с базовой группой (60+) молодёжь с большей вероятностью (на 12 п. п.) включается в этичные покупки и бойкоты, но с меньшей (на 18,4 п. п.) — в бесплатные передачи ненужных вещей и предметов в хорошем состоянии или в РСБО (на 6,7 п. п.). Это свидетельствует о необходимости реализации не только комплексных, но и дифференцированных стратегий продвижения этичного потребления в отношении разных категорий граждан, по крайней мере, в обозримой перспективе. Значимо не связана практически ни с какими социально-демографическими и статусными характеристиками потребителей лишь одна практика — добровольное упрощение потребительских стандартов (см. табл. 13) (гипотеза **H4b** не отвергается). Будучи наиболее современным видом этичного потребления, она ближе других практик к идеальному конструкту индивидуализированных коллективных действий, оторванного от статусных позиций индивидов.

Выводы и заключительные соображения

Как показало исследование, этичное потребление в разных ипостасях (от покупок и бойкотов до утилизации бытовых отходов и сокращения их образования) становится заметным пространством российского гражданского общества, сигнализируя о его трансформации за счёт усиления *неформального* сегмента. В условиях слабого присутствия российских НКО в сфере устойчивого развития (особенно в защите окружающей среды, прав работников и животных, продвижении мусорной реформы и проч.), а также недоверия заметной части рядовых граждан к НКО как таковым разные виды этичного потребления становятся доступным и прозрачным каналом проявления гражданственности. Эта индивидуальная самоорганизация граждан-потребителей, повышая уровень их самореализации и субъективной удовлетворённости от соучастия в решении актуальных мезо- и макропроблем, воспроизводит своеобразный островок стабильности в весьма непростых турбулентных условиях, сдерживает формирование комплекса социальной слабости и неуверенности в своих силах как агентов перемен. Для других заинтересованных сторон (власть, бизнес, НКО) этичные потребительские практики — сигнал готовности со стороны большой части рядовых граждан продвигать принципы устойчивого развития, повышать радиус личной моральной ответственности за благополучие настоящих и будущих поколений.

Социальную базу для расширенного воспроизводства этичного потребления образуют индивиды с проэкологическими и (или) просоциальными ценностными установками. Результаты регрессионного анализа показывают, что чем сильнее потребители мотивированы проэкологически и просоциально, тем выше при прочих равных вероятность их включения во все практики этичного потребления (правда, в неодинаковой мере). По силе связи этот фактор ключевой, он значимо и повсеместно превосходит сугубо частные выгоды, но в ряде практик эти последние также ожидаемо значимы (покупки и бойкоты, «продуктов ровно», экономия энергии и (или) воды, упрощение потребительских стандартов). Так что за проэкологическим и просоциальным «фасадом» скрывается необходимость поиска компромиссов между этическими и традиционными атрибутами товаров (качество, цена, доступность, престиж, модность, эстетика и др.), а также между этическими практиками и «моральными режимами» *повседневной* жизни, актуальным комплексом социальных ролей, выполняемых индивидами. Это свидетельствует о важной роли акторов мезо- и макроуровня в создании способствующей среды для развития этичного потребления, но в то же время и о том, что их возможности небезграничны. Расширение радиуса моральной ответственности потребителей — весьма длительный и противоречивый процесс, осложняемый сильной укоренённостью моделей потребления в образе жизни людей, гиб-

костью и ситуативностью выбора. Этичный потребитель предстаёт весьма гибким, противоречивым и с незавершённым образованием (*work in progress*; см.: [Szmigin, Carrigan, McEachern 2009]) и, по-видимому, будет оставаться таковым, по крайней мере, в обозримой перспективе [Шабанова 2024b]). Тем не менее для осмысления сопряжённости этичного потребления с гражданским обществом продвигаемая проэкологическими и (или) просоциальными ценностными установками активность потребителей (в том числе и в одиночку) видится более приоритетным признаком по сравнению с двумя другими — объединением усилий граждан (групповой самоорганизацией) и (или) с их идентификацией с какими-либо сообществами (онлайн либо офлайн, реальными либо воображаемыми).

Самая актуальная социальная база для расширенного воспроизводства этичного потребления находится внутри феномена: повсеместно активнее включаются в те или иные этичные потребительские практики лица, уже участвующие в каких-то других практиках. Прежде всего это относится к этичным потребительским практикам такого же вида. Сопряжённость между *разными видами* практик слабее и для своего усиления требует развития способствующей среды (просвещение, информирование, инфраструктура, институты и др.).

В целом современное пространство этичного потребления в России пока остаётся весьма фрагментированным, разрозненным, нескоординированным. Степень пересечения состава участников разных практик сильно колеблется, но, за редким исключением, не достигает и половины от включившихся в них. Особо проблематично непоследовательное включение индивидов в этичное потребление на разных стадиях обращения с благами. В частности, лишь чуть более трети участников этичных покупок и бойкотов занимается и РСБО, и только треть участников РСБО включена в те или иные практики по сокращению количества образуемых БО. Между двумя этими последними видами практик вообще не обнаружено значимой связи. При выработке управленческих воздействий в этой сфере важно учитывать также неодинаковый уровень рассогласования между разными видами практик у различных категорий этичных потребителей. Так, молодёжь более активно включается в этичные покупки и бойкоты, в то время как в отношении РСБО и бесплатной передачи вещей и предметов, напротив, значимо уступает старшей группе.

Рассогласованность между практиками разных видов и на разных стадиях ослабляет вклад каждой из них в продвижение целей *устойчивого* развития. Однако с точки зрения повышения гражданской активности (развития *гражданского общества*) эффект в любом случае видится положительным. Выбирая приемлемый для себя и доступный в данных условиях и обстоятельствах канал гражданского участия через этичное потребление, индивиды в любом случае расширяют радиус личной моральной ответственности за пределы своих домохозяйств, проявляют солидарность с незнакомыми другими, настоящими и будущими поколениями. Сегодня одно из слабых звеньев в этом взаимодействии — неотлаженная обратная связь между предпринятыми действиями и их результативностью, вследствие чего этически настроенные потребители слабо мотивированы верой в ненапрасность прилагаемых усилий и способностью влиять на ослабление важных экологических и социальных проблем. Тревожит тот факт, что особо остро эта проблема стоит в самых массовых практиках (этичные покупки и бойкоты, бесплатная передача вещей, РСБО), создавая риски их расширенному воспроизводству. О важности налаживания коммуникаций в этой сфере свидетельствует ещё одно обстоятельство: результативное участие в одних практиках и сферах со временем может активизировать гражданское участие в других, стать «точками роста» гражданской активности, в том числе и не связанной с потреблением.

Самостоятельная проэкологическая и просоциальная активность потребителей вне членства в профильных гражданских ассоциациях, продвигаемая их озабоченностью важными общественными проблемами, не означает, что эти менее ассоциативные, асинхронные и спонтанные действия приходят на смену традиционным (нередко более действенным) практикам ГО, как порой утверждается (см. под-

робнее: [Littler 2013: 27]). Как показало исследование, этичное потребление развивает ГО как *вглубь*, так и *вширь*. В первом случае речь идёт о появлении у индивидов, уже включённых в те или иные виды традиционной гражданской активности (как формальные, так и неформальные), новой сферы и новых ресурсов для проявления своей гражданственности. Как показал регрессионный анализ, члены (или участвующие в деятельности) НКО в каких бы то ни было сферах с большей вероятностью включаются в основную часть этичных практик, в том числе во все самые массовые (этичные покупки и бойкоты, бесплатная передача вещей и предметов, РСБО). Обретаемый в НКО успешный опыт сотрудничества с незнакомыми людьми, вероятно, содействует росту уверенности индивидов в своих силах как акторов социальных изменений. Связь с участием в традиционных *неформальных* структурах ГО в социально-экономической сфере (денежные пожертвования, добровольческий труд) слабее, чем с формальными, и тоже значима не во всех практиках, причём чаще наблюдается в случае денежных пожертвований, чем добровольческого труда. Закономерности этих связей заслуживают специального исследования, в том числе в разрезе разных практик.

Этичное потребление развивает ГО и *вширь* за счёт включения в проэкологическую и просоциальную активность новых лиц, которые не соприкасаются с традиционным пространством ГО (формальным и неформальным). Для этой части ранее пассивных в гражданском отношении россиян привлёкший их вид этичного потребления становится инструментом проявления гражданственности, расширения радиуса личной моральной ответственности, словом, каналом вхождения в сферу ГО. В разных практиках доля лиц, не соприкасающихся с *традиционным* пространством ГО, неодинакова и также заслуживает отдельного исследования (быть может, не столько количественного, сколько качественного характера), особенно если учесть незначимую связь между участием в неформальных солидарных практиках (денежные пожертвования, добровольческий труд) и вероятностью включения в продвинутый вид этичного потребления — добровольное сокращение потребления и упрощение потребительских стандартов (см. табл. 13). Вообще добровольное сокращение потребления и упрощение потребительских стандартов, как оказалось, ни с какими социально-демографическими и статусными характеристиками значимо не связаны, приближаясь к идеальному конструкту индивидуализированных коллективных действий, оторванному от структурных позиций индивидов. Однако в современных российских реалиях добровольное сокращение потребления и упрощение потребительских стандартов — самый слабо наполненный вид этичного потребления и будет оставаться таковым, по крайне мере, в обозримой перспективе.

Расширенное воспроизводство этичного потребления требует реализации *дифференцированных* воздействий со стороны ключевых заинтересованных сторон (НКО, власть, бизнес) в отношении разных категорий этичных потребителей, разных стадий и видов этичного потребления, направленных на повышение вклада этого феномена в развитие ГО в России. Но уже сегодня представление о современном ГО, его функциях и ресурсах без учета этого многоаспектного феномена нельзя назвать полным.

Литература

Боулз С. 2017. *Моральная экономика*. Почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан (перев. с англ. Д. Шестакова). М.: Изд-во Института Гайдара.

Радаев В. В. 2024. Нестандартные формы потребления: сравнительный анализ. *Вопросы экономики*. 3: 43–72.

Шабанова М. А. 2015. Этичное потребление в России: профили, факторы, потенциал развития. *Вопросы экономики*. 5: 78–102.

Шабанова М. А. 2017a. Социально ответственное потребление в России: факторы и потенциал развития рыночных и нерыночных практик. *Общественные науки и современность.* 3: 69–86.

Шабанова М. А. 2017b. Традиционные и новые солидарности в пространстве потребительских благ и ресурсов. *Социологические исследования*. 8: 32–45.

Шабанова М. А. 2019. Раздельный сбор бытовых отходов в России: уровень, факторы и потенциал включения населения. *Мир России*. 3: 88–112.

Шабанова М. А. 2021. Раздельный сбор бытовых отходов как добровольная практика россиян: динамика, факторы, потенциал. *Социологические исследования*. 8: 103–117.

Шабанова М. А. 2022. Выбрасывание продуктов и практики по «спасению еды» в России (микроуровень анализа). *Экономическая социология*. 23 (1): 11–38. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2022/06/06/1758802216/ecsoc_t23_n1.pdf#page=11

Шабанова М. А. 2023. Этичное потребление как сфера гражданского общества в России: факторы и потенциал развития рыночных практик. *Экономическая социология*. 24 (1): 13–54. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2023/01/30/2042991445/ecsoc_t24_n1.pdf#page=13

Шабанова М. А. 2024a. Ненужные вещи, мусорная проблема и солидарные практики российских потребителей. *Экономическая социология*. 25 (2): 11–42. URL: https://ecsoc.hse.ru/2024-25-2/annot.html#doc_909811192

Шабанова М. А. 2024b. Этичное потребление: теоретическое представление и вклад в дискуссию. *Вопросы экономики*. 7: 53–80.

Altman M. 2005. The Ethical Economy and Competitive Markets: Reconciling Altruistic, Moralistic, and Ethical Behavior with the Rational Economic Agent and Competitive Markets. *Journal of Economic Psychology.* 26 (5): 732–757.

Altman M. 2020. *Why Ethical Behaviour is Good for the Economy*. Cheltenham: Edward Elgar.

Araújo A. F. de et al. 2022. Willingness to Pay for Sustainable Destinations: A Structural Approach. *Sustainability (Switzerland).* 14 (5): 2548. URL: https://www.mdpi.com/2071-1050/14/5/2548

Barone A. M., Grappi S., Romani S. 2019. “The Road to Food Waste is Paved with Good Intentions”: When Consumers’ Goals Inhibit the Minimization of Household Food Waste. *Resources, Conservation and Recycling.* 149: 97–105.

Berglund C. 2006. The Assessment of Households’ Recycling Costs: The Role of Personal Motives. *Ecological Economics.* 56 (4): 560–569.

Black I. R., Cherrier H. 2010. Anti-Consumption as Part of Living a Sustainable Lifestyle: Daily Practices, Contextual Motivations and Subjective Values. *Journal of Consumer Behaviour.* 9 (6): 437–453.

Carrington M. J., Neville B. A., Whitwell G. J. 2010. Why Ethical Consumers Don’t Walk Their Talk: Towards a Framework for Understanding the Gap Between the Ethical Purchase Intentions and Actual Buying Behaviour of Ethically Minded Consumers. *Journal of Business Ethics.* 97 (1): 139–158.

Chatterjee S., Sreen N., Sadarangani P. 2021. An Exploratory Study Identifying Motives and Barriers to Ethical Consumption for Young Indian Consumers. *International Journal of Economics and Business Research.* 22 (2–3): 127–148.

Co-op, Ethical Consumer. 2019. *Twenty Years of Ethical Consumerism*. Manchester: The Co-operative Group.

Co-op, Ethical Consumer. 2020. *Ethical Consumerism in the Pandemic*. Manchester: The Co-operative Group.

Co-op, Ethical Consumer. 2021. *Ethical Consumerism Report 2021: Can We Consume Back Better*? Manchester: The Co-operative Group.

Cotte J., Trudel R. 2009. Socially Conscious Consumerism. A Systematic Review of the Body of Knowledge. *Network for Business Sustainability.* URL: https://nbs.net/wp-content/uploads/2022/02/NBS_Consumerism_SR_Researcher-zl3t.pdf

Deloitte, Grocery Manufacturers Association. 2009. *Finding the Green in Today's Shoppers. Sustainability Trends and New Shopper Insights*. Washington, DC: Grocery Manufacturers Association (GMA); Deloitte Development LLC.

Diamantopoulos A. et al. 2003. Can Socio-Demographics Still Play a Role in Profiling Green Consumers? A Review of the Evidence and an Empirical Investigation. *Journal of Business Research.* 56 (6): 465–480.

Do Paço A., Raposo M. 2009. "Green" Segmentation: An Application to the Portuguese Consumer Market. *Market Intelligence and Planning.* 27 (3): 364–379.

Etzioni A. 1988. *The Moral Dimension: Toward a New Economics.* New York: Free Press.

Etzioni A. 2003. Toward a New Socio-Economic Paradigm. *Socio-Economic Review*. 1 (1): 105–118.

Evans D. 2012. Beyond the Throwaway Society: Ordinary Domestic Practice and a Sociological Approach to Household Food Waste. *Sociology.* 46 (1): 41–56.

Fei S., Zeng J.-Y., Jin C.-H. 2022. The Role of Consumer' Social Capital on Ethical Consumption and Consumer Happiness. *SAGE Open*. 12 (2). URL: https://doi.org/10.1177/21582440221095026

Geels F. W. 2002. Technological Transitions as Evolutionary Reconfiguration Processes: A Multi-Level Perspective and a Case-Study. *Research Policy.* 31 (8–9): 1257–1274.

Geffen L. van et al. 2020. Food Waste as the Consequence of Competing Motivations, Lack of Opportunities, and Insufficient Abilities. *Resources, Conservation & Recycling: X*. 5: 100026. URL: https://doi.org/10.1016/j.rcrx.2019.100026

Hassan L. M., Shiu E., Shaw D. 2016. Who Says there is an Intention–Behaviour Gap? Assessing the Empirical Evidence of an Intention–Behaviour Gap in Ethical Consumption. *Journal of Business Ethics.* 136 (2): 219–236.

Hebrok M., Boks C. 2017. Household Food Waste: Drivers and Potential Intervention Points for Design — An Extensive Review. *Journal of Cleaner Production.* 151: 380–392.

Iyer E. S., Kashyap R. K. 2007. Consumer Recycling: Role of Incentives, Information, and Social Class. *Journal of Consumer Behavior.* 6 (1): 32–47.

Jung H. J., Oh K. W., Kim H. M. 2021. Country Differences in Determinants of Behavioral Intention Towards Sustainable Apparel Products. *Sustainability (Switzerland)*. 13 (2): 558. URL: https://www.mdpi.com/2071-1050/13/2/558

Karimzadeh S., Boström M. 2022. Ethical Consumption: Why should We Understand It as a Social Practice within a Multilevel Framework? *Open Research Europe.* 2: 109. URL: https://open-research-europe.ec.europa.eu/articles/2-109/v2 https://doi.org/10.12688/openreseurope.15069.2

Klein J. G., Smith N. C., John A. 2004. Why We Boycott: Consumer Motivations For Boycott Participation. *Journal of Marketing*. 68 (3): 92–109.

Lee K. 2009. Gender Differences in Hong Kong Adolescent Consumers' Green Purchasing Behavior. *Journal of Consumer Marketing.* 26 (2): 87–96.

Littler J. 2013. What's Wrong with Ethical Consumption? In: Lewis T., Potter E. (eds). *Ethical Consumption: A Critical Introduction.* London: Routledge; 27–37.

Liu X., Wang C., Shishime T., Fujitsuka T. 2012. Sustainable Consumption: Green Purchasing Behaviours of Urban Residents in China. *Sustainable Development.* 20 (4): 293–308.

Memery J., Megicks P., Williams J. 2005. Ethical and Social Responsibility Issues in Grocery Shopping: A Preliminary Typology. *Qualitative Market Research: An International Journal.* 8: 399–412.

Micheletti M. 2003. *Political Virtue and Shopping. Individuals, Consumerism, and Collective Action.* New-York: Palgrave Macmillan.

Nguyen H. V., Nguyen C. H., Hoang T. T .B. 2019. Green Consumption: Closing the Intention—Behavior Gap. *Sustainable Development.* 27 (1): 118–129.

Panico T., Caracciolo F., Furno M. 2022. Analysing The Consumer Purchasing Behaviour for Certified Wood Products in Italy. *Forest Policy and Economics*.136: 102670. URL: https://doi.org/10.1016/j.forpol.2021.102670

Papaoikonomou E., Ryan G., Valverde M. 2011. Mapping Ethical Consumer Behavior: Integrating the Empirical Research and Identifying Future Directions. *Ethics and Behavior.* 21 (3): 197–221.

Shao J. et al. 2022. Facilitating Mechanism of Green Products Purchasing with a Premium Price—Moderating by Sustainability-Related Information. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management.* 29 (3): 686–700.

Shaw D. 2007 Consumer Voters in Imagined Communities. *International Journal of Sociology and Social Policy.* 27 (3/4): 135–150.

Starr M. A. 2009. The Social Economics of Ethical Consumption: Theoretical Considerations and Empirical Evidence. *Journal of Socio-Economics.* 38 (6): 916–925.

Szmigin I., Carrigan M., McEachern M. G. 2009. The Conscious Consumer: Taking a Flexible Approach to Ethical Behaviour. *International Journal of Consumer Studies.* 33 (2): 224–231.

Thogersen J., Crompton T. (2009) Simple and Painless? The Limitations of Spillover in Environmental Campaigning. J*ournal of Consumer Policy.* 32: 141–163.

Truelove H. B. et al. 2014. Positive and Negative Spillover of Pro-Environmental Behavior: An Integrative Review and Theoretical Framework. *Global Environmental Change.* 29: 127–138.

Verain M. C. D. et al. 2012. Segments of Sustainable Food Consumers: A Literature Review. *International Journal of Consumer Studies.* 36 (2): 123–132.

Webb J. 2007. Seduced or Sceptical Consumers? Organised Action and the Case of Fair Trade coffee. *Sociological Research Online*. 12 (3): 73–85.

Welsch H., Kühling J. 2009. Determinants of Pro-Environmental Consumption: The Role of Reference Groups and Routine Behavior. *Ecological Economics.* 69 (1): 166–176.

Witkowski T. H., Reddy S. 2010. Antecedents of Ethical Consumption Activities in Germany and the United States. *Australian Marketing Journal.* 18 (1): 8–14.

NEW TEXTS

Marina A. Shabanova

Ethical Consumption as an Indicator and Resource of Civil Society Transformation in Russia

SHABANOVA, Marina A. — Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Department of Applied Economics, Leading Research Fellow, Center for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: mshabanova@hse.ru

Abstract

This paper substantiates a theoretical concept and tests hypotheses concerning the relationship between ethical consumption as a new sphere of civil society (CS) and its traditional sphere (formal and informal structures beyond the consumption sphere). This paper, for the first time, presents data on Russians' participation in a wide range of ethical consumption practices in different markets and stages of dealing with benefits (acquisition, utilization and disposal), based on the results of two representative studies conducted in 2020 and December 2022 (N = 2,000 for each study).

It has been established that, although different practices are favored differently, Russian citizens, for the most part, have already been using them. Without due regard to this multifaceted phenomenon, the notion of modern CS,—its functions and resources—remains deficient. Based on an analysis of the extent of overlapping participants in different practices, considerable fragmentation (disconnect) within this phenomenon was revealed, both within specific types and among them. This fragmentation reduces the contribution of ethical consumption to advancing sustainable development, although its contribution to the development of CS remains positive in any case. The emergence of ethical consumption has been shown to signal the development of Russian CS both in depth (owing to acquisition of a new sphere for demonstrating civic consciousness by those who have already been involved in traditional civic structures—formal and informal) and in breadth (owing to the inflow of new participants who were socially passive before). Using regression analysis, the relationship between specific factors and the probability of Russians' involvement in different types of ethical consumption was established and weaknesses in the development of the latter were revealed. It was concluded that an expanded reproduction of ethical consumption requires a variety of effects to be exerted by key stakeholders (NGOs, authorities, businesses) to make an impact on different categories of ethical consumers, different stages and kinds of ethical consumption, which would increase the contribution of this phenomenon to the development of CS in Russia.

Keywords: ethical (responsible, conscious) consumption; civil society; individualized collective actions; NGOs; social solidarity; moral responsibility; sustainable development.

Acknowledgements

The article is based on the results of a study conducted by the author at the Centre for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector of the National Research University Higher School of Economics (HSE) as part of the HSE Basic Research Program.

References

Altman M. (2005) The Ethical Economy and Competitive Markets: Reconciling Altruistic, Moralistic, and Ethical Behavior with the Rational Economic Agent and Competitive Markets. *Journal of Economic Psychology*, vol. 26, no 5, pp. 732–757.

Altman M. (2020) *Why Ethical Behaviour is Good for the Economy*, Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing.

Araújo A. F. de, Marques M. I. A., Candeias M. T. R., Vieira A. L. (2022) Willingness to Pay for Sustainable Destinations: A Structural Approach. *Sustainability (Switzerland)*, vol. 14, no 5, art. 2548. Available at: https://doi.org/10.3390/su14052548 (accessed 24 February 2025).

Barone A. M., Grappi S., Romani S. (2019) "The Road to Food Waste is Paved with Good Intentions": When Consumers' Goals Inhibit the Minimization of Household Food Waste. *Resources, Conservation and Recycling,* vol. 149, pp. 97–105.

Berglund C. (2006) The Assessment of Households' Recycling Costs: The Role of Personal Motives. *Ecological Economics*, vol. 56, no 4, pp. 560–569.

Black I. R., Cherrier H. (2010) Anti-Consumption as Part of Living a Sustainable Lifestyle: Daily Practices, Contextual Motivations and Subjective Values. *Journal of Consumer Behaviour*, vol. 9, no 6, pp. 437– 453.

Bowles S. (2017) *Moralnaya ekonomika. Pochemu khoroshie stimuly ne zamenyat khoroshikh grazhdan* [The Moral Economy. Why Good Incentives Are No Substitute for Good Citizens], Moscow: Gaidar Institute Press (in Russian).

Carrington M. J., Neville B. A., Whitwell G. J. (2010) Why Ethical Consumers don't Walk Their Talk: Towards a Framework for Understanding the Gap between the Ethical Purchase Intentions and Actual Buying Behaviour of Ethically Minded Consumers. *Journal of Business Ethics*, vol. 97, no 1, pp. 139–158.

Chatterjee S., Sreen N., Sadarangani P. (2021) An Exploratory Study Identifying Motives and Barriers to Ethical Consumption for Young Indian Consumers. *International Journal of Economics and Business Research*, vol. 22, no 2–3, pp. 127–148.

The Co-op, Ethical Consumer (2019) *Twenty Years of Ethical Consumerism*, Manchester: The Co-op, in partnership with Ethical Consumer.

The Co-op, Ethical Consumer (2020) *Ethical Consumerism in the Pandemic*, Manchester: The Co-operative Group, in partnership with Ethical Consumer.

The Co-op, Ethical Consumer (2021) *Ethical Consumerism Report 2021*. Can We Consume Back Better? Manchester: The Co-op, in partnership with Ethical Consumer.

Cotte J., Trudel R. (2009) Socially Conscious Consumerism. A Systematic Review of the Body of Knowledge. *Network for Business Sustainability.* Available at: https://nbs.net/wp-content/uploads/2022/02/NBS_Consumerism_SR_Researcher-zl3t.pdf (accessed 24 February 2025).

Deloitte, Grocery Manufacturers Association (2009) *Finding the Green in Today's Shoppers. Sustainability Trends and New Shopper Insights*, Washington, DC: Grocery Manufacturers Association (GMA); Deloitte Development LLC.

Diamantopoulos A., Schlegelmilch B., Sinkovics R., Bohlen G. (2003) Can Socio-Demographics Still Play a Role in Profiling Green Consumers? A Review of the Evidence and an Empirical Investigation. *Journal of Business Research*, vol. 56, no 6, pp. 465–480.

Do Paço A., Raposo M. (2009) "Green" Segmentation: An Application to the Portuguese Consumer Market. *Market Intelligence and Planning*, vol. 27, no 3, pp. 364–379.

Etzioni A. (1988) *The Moral Dimension: Toward a New Economics*, New York: Free Press.

Etzioni A. (2003) Toward a New Socio-Economic Paradigm. *Socio-Economic Review*, vol. 1, no 1, pp. 105–118.

Evans D. (2012) Beyond the Throwaway Society: Ordinary Domestic Practice and a Sociological Approach to Household Food Waste, *Sociology*, vol. 46, no 1, pp. 41–56.

Fei S., Zeng J.-Y., Jin C.-H. (2022) The Role of Consumer' Social Capital on Ethical Consumption and Consumer Happiness. *SAGE Open*, vol. 12, no 2. Available at: https://doi.org/10.1177/21582440221095026 (accessed 24 February 2025).

Geels F. W. (2002) Technological Transitions as Evolutionary Reconfiguration Processes: A Multi-Level Perspective and a Case-Study. *Research Policy*, vol. 31, no 8–9, pp. 1257–1274.

Geffen L. van, Herpen E. van, Sijtsema S., Trijp H. van (2020) Food Waste as the Consequence of Competing Motivations, Lack of Opportunities, and Insufficient Abilities. *Resourcs, Conservation & Recycling: X*, vol. *5*, art. 100026. Available at: https://doi.org/10.1016/j.rcrx.2019.100026 (accessed 24 February 2025).

Hassan L. M., Shiu E., Shaw D. (2016) Who Says there is an Intention–Behaviour Gap? Assessing the Empirical Evidence of an Intention–Behaviour Gap in Ethical Consumption. *Journal of Business Ethics*, vol. 136, no 2, pp. 219–236.

Hebrok M., Boks C. (2017) Household Food Waste: Drivers and Potential Intervention Points for Design — An Extensive Review. *Journal of Cleaner Production*, vol. 151, pp. 380–392.

Iyer E. S., Kashyap R. K. (2007) Consumer recycling: Role of Incentives, Information, and Social Class. *Journal of Consumer Behavior,* vol. 6, no 1, pp. 32–47.

Jung H. J., Oh K.W., Kim H. M. (2021) Country Differences in Determinants of Behavioral Intention towards Sustainable Apparel Products. *Sustainability* (Switzerland), vol. 13, no 2, art. 558. Available at: https://www.mdpi.com/2071-1050/13/2/558 (accessed 24 February 2025).

Karimzadeh S., Boström M. (2022) Ethical Consumption: Why should We Understand It as a Social Practice within a Multilevel Framework? *Open Research Europe*, vol. *2*, art.109. Available at: https://doi.org/10.12688/openreseurope.15069.2 (accessed 24 February 2025).

Klein J. G., Smith N. C., John A. (2004) Why We Boycott: Consumer Motivations For Boycott Participation. *Journal of Marketing*, vol. 68, no 3, pp. 92–109.

Lee K. (2009) Gender Differences in Hong Kong Adolescent Consumers' Green Purchasing Behavior. *Journal of Consumer Marketing*, vol. 26, no 2, pp. 87–96.

Littler J. (2013) What's Wrong with Ethical Consumption? *Ethical Consumption: A Critical Introduction* (eds. T. Lewis, E. Potter), London, New York: Routledge, pp. 27–37.

Liu X., Wang C., Shishime T., Fujitsuka T. (2012) Sustainable Consumption: Green Purchasing Behaviours of Urban Residents in China. *Sustainable Development*, vol. 20, no 4, pp. 293–308.

Memery J., Megicks P., Williams J. (2005) Ethical and Social Responsibility Issues in Grocery Shopping: A Preliminary Typology. *Qualitative Market Research: An International Journal*, vol. 8, pp. 399–412.

Micheletti M. (2003) *Political Virtue and Shopping. Individuals, Consumerism, and Collective Action*, New York: Palgrave Macmillan.

Nguyen H. V., Nguyen C. H., Hoang T. T. B. (2019) Green Consumption: Closing the Intention—Behavior Gap. *Sustainable Development*, vol. 27, no 1, pp. 118–129.

Panico T., Caracciolo F., Furno M. (2022) Analysing the Consumer Purchasing Behaviour for Certified Wood Products in Italy. *Forest Policy and Economics*, vol. 136, art. 102670. Available at: https://doi.org/10.1016/j.forpol.2021.102670 (accessed 24 February 2025).

Papaoikonomou E., Ryan G., Valverde M. (2011) Mapping Ethical Consumer Behavior: Integrating the Empirical Research and Identifying Future Directions. *Ethics and Behavior*, vol. 21, no 3, pp. 197–221.

Radaev V. V. (2024) Nestandartnye phormy potrebleniya: sravnitelnyy analiz [Nonstandard Consumption Forms: A Comparative Analysis]. *Voprosy Ekonomiki*, no 3, pp. 43–72 (in Russian).

Shabanova M. A. (2015) Etichnoe potreblenie v Rossii: prophili, phaktory, potentsial razvitiya [Ethical Consumption in Russia: Profiles, Factors, and Perspectives]. *Voprosy Ekonomiki*, no 5, pp. 78–102 (in Russian).

Shabanova M. A. (2017a) Sotsialno otvetstvennoe potreblenie v Rossii: phaktory i potentsial razvitiya rynochnykh i nerynochnykh praktik [Socially Responsible Consumption in Russia: Factors and Development Potential of Market-oriented and Non-Market Practices]. *Social Sciences and Contemporary World = Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 3, pp. 69–86 (in Russian).

Shabanova M. A. (2017b) Traditsionnye i novye solidarnosti v prostranstve potrebitelskikh blag i resursov [Traditional and New Solidarity Practices in the Universe of Consumer Goods and Resources] *Sociological Studies = Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 8, pp. 32–45 (in Russian).

Shabanova M. A. (2019) Razdelnyy sbor bytovykh otkhodov v Rossii: uroven, phaktory i potentsial vklyucheniya naseleniya [Separate Waste Collection in Russia: The Level, Factors and Potential for Citizen Engagement]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, no 3, pp. 88–112 (in Russian).

Shabanova M. A. (2021) Razdelnyy sbor bytovykh otkhodov kak dobrovolnaya praktika rossiyan: dinamika, phaktory, potentsial [Separate Waste Collection as Russians' Voluntary Practice: The Dynamics, Factors and Potential]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no 8, pp. 103–117 (in Russian).

Shabanova M. A. (2022) Vybrasyvanie produktov i praktiki po "spaseniyu edy" v Rossii (mikrouroven analiza) [Throwing Food Away and Food Rescue Practices in Russia (Microlevel Analysis)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 23, no 1, pp. 11–38. doi: 10.17323/1726-3247-2022-1-11-38 (in Russian).

Shabanova M. (2023) Etichnoe potreblenie kak sphera grazhdanskogo obshchestva v Rossii: phaktory i potentsial razvitiya rynochnykh praktik [Ethical Consumption as a Sphere of Russian Civil Society: Factors and the Development Potential of Market Practices]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 24, no 1, pp. 13–54. doi: 10.17323/1726-3247-2023-1-13-54 (in Russian).

Shabanova M. A. (2024a) Nenuzhnye veshchi, musornaya problema i solidarnye praktiki rossiyskikh potrebiteley [Unnecessary Items, Waste Issue and Solidarity Practices Among Russian Consumers]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 2, pp. 11–42. doi: 10.17323/1726-3247-2024-2-11-42 (in Russian).

Shabanova M. A. (2024b) Etichnoe potreblenie: teoreticheskoe predstavlenie i vklad v diskussiyu [Ethical Consumption: Theoretical Concepts and a Contribution to the Debate]. *Voprosy Ekonomiki*, no 7, pp. 53–80 (in Russian).

Shao J., Li W., Aneye C., Fang W. (2022) Facilitating Mechanism of Green Products Purchasing with a Premium Price—Moderating by Sustainability-Related Information. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, vol. 29, no 3, pp. 686–700.

Shaw D. (2007) Consumer Voters in Imagined Communities. *International Journal of Sociology and Social Policy*, vol. 27, no 3/4, pp. 135–150.

Starr M. A. (2009) The Social Economics of Ethical Consumption: Theoretical Considerations and Empirical Evidence. *Journal of Socio-Economics*, vol. 38, no 6, pp. 916–925.

Szmigin I., Carrigan M., McEachern M. G. (2009) the Conscious Consumer: Taking A Flexible Approach to Ethical Behaviour. *International Journal of Consumer Studies*, vol. 33, no 2, pp. 224–231.

Thogersen J., Crompton T. (2009) Simple and Painless? The Limitations of Spillover in Environmental Campaigning. *Journal of Consumer Policy*, vol. 32, pp. 141–163.

Truelove H. B., Carrico A. R., Weber E. U., Raimi K. T., Vandenbergh M. P. (2014). Positive and Negative Spillover of Pro-Environmental Behavior: An Integrative Review and Theoretical Framework. *Global Environmental Change*, vol. 29, pp. 127–138.

Verain M. C. D., Bartels J., Dagevos H., Sijtsema S. J., Onwezen M. C., Antonides G. (2012) Segments of Sustainable Food Consumers: A Literature Review. *International Journal of Consumer Studies*, vol. 36, no 2, pp. 123–132.

Webb J. (2007) Seduced or Sceptical Consumers? Organised Action and The Case Of Fair Trade Coffee. *Sociological Research Online*, vol. 12, no 3, pp. 73–85.

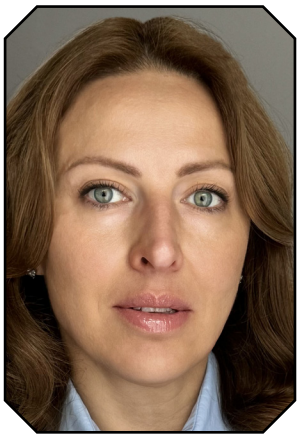
Welsch H., Kühling J. (2009) Determinants of Pro-Environmental Consumption: The Role of Reference Groups and Routine Behavior. *Ecological Economics,* vol. 69, no 1, pp. 166–176.

Witkowski T. H., Reddy S. (2010) Antecedents of Ethical Consumption Activities in Germany and the United States. *Australian Marketing Journal*, vol. 18, no 1, pp. 8–14.

Received: November 6, 2024
Citation: Shabanova M. (2025) Etichnoe potreblenie kak indikator i resurs transphormatsii grazhdanskogo obshchestva v Rossii [Ethical Consumption as an Indicator and Resource of Civil Society Transformation in Russia]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 26, no 3, pp. 14–52. doi: 10.17323/1726-3247-2025-2-14-52 (in Russian).

А. И. Пишняк, Н. В. Халина, Е. А. Назарбаева

Потребительские стандарты в восприятии населения России: основные характеристики и границы[1]



ПИШНЯК Алина Игоревна — кандидат социологических наук, заведующая Центром анализа доходов и уровня жизни, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: apishniak@hse.ru

В статье предлагается обратить внимание на потребительские стандарты как на сложившиеся в сознании городского населения представления о наличии разных пакетов возможностей и повседневных практик у разных групп россиян. На материалах 50 фокус-групповых дискуссий, проведённых в 2023 г., идентифицируются различные типы стандартов и приводится подробное описание возможностей каждого из них в контексте отдельных сфер потребления (от покупки продуктов питания до оплаты услуг медицины и образования). Четыре стандарта («Комфорт», «Норма», «Жить можно» и «Очень тяжело») иллюстрируют дифференциацию общества и дают представление не только об ориентирах в потреблении, но и о маркерах ухудшения материального положения для различных групп населения. Представления о потребительских стандартах отстраиваются в сознании населения главным образом исходя из доходных возможностей, и итоговая модель является иерархической композицией, в которой перемещение от одного стандарта к другому происходит при изменении доходов. Однако не отрицается, что потребительские ограничения могут быть и следствием собственного выбора человека или семьи. Последовательный переход от стандарта «Комфорт» к стандарту «Очень тяжело» сопровождается усилением ограничений выбора: чем ниже уровень в иерархии стандартов, тем сильнее люди руководствуются поиском низких цен и экономией и тем меньше их доступ к ассортименту. При этом можно говорить о сохранении в сознании населения стандартов доковидной нормальности и постепенном принятии реальности последних лет. Это свидетельствует о ригидности представлений о потребительских стандартах: они меняются со временем (в том числе из-за появления новых товаров и услуг, развития технологий и т. д.), но происходит это не одномоментно.

Ключевые слова: потребление; потребительские стандарты; благосостояние; уровень жизни; качество жизни; субъективные оценки; доходы; расходы.

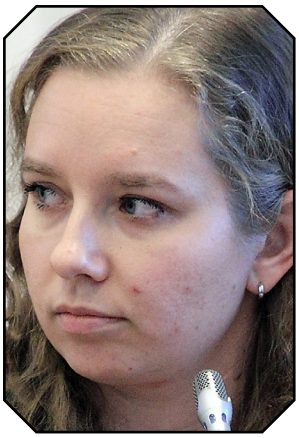
Введение

В последние годы происходили серьёзные экономические трансформации, связанные с ограничительными мерами и санкционным давлением, влияние которых в экспертном сообществе обсуждалось в том числе в плоскости потребительских возможностей [Зубаревич 2022, Радаев 2023]. Оценки

[1] Работа выполнена в рамках проекта «Потребление и экономическое поведение домашних хозяйств в России, 2025–2027 гг.» при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

ХАЛИНА Наталья Вячеславовна — научный сотрудник Центра анализа доходов и уровня жизни, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: nkhalina@hse.ru



НАЗАРБАЕВА Елена Алексеевна — научный сотрудник Центра анализа доходов и уровня жизни, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: enazarbaeva@hse.ru

с позиции макроэкономики и статистики дополнялись социологическими замерами и демонстрировали различные мнения в отношении происходящего. Вместе с тем рассматривать вопрос изменения потребления только в свете этих событий представляется существенным упрощением, поскольку он вписан и в более широкую рамку, поскольку находится под влиянием глобальных тенденций, связанных с цифровизацией, распространением новых культурных и этических идей в отношении потребления [Mondejar et al. 2021], то есть процессов, стартовавших уже не одно десятилетие назад.

Исследования качества и уровня жизни показывают, что с начала 2000-х гг. в России значительно поменялись возможности разных слоёв населения: бедность и достаток образца конца 1990-х или начала 2020-х не похожи друг на друга [Овчарова et al. 2014]. Понимание этого обстоятельства мотивирует расширять рамки конвенциональных монетарных подходов к определению различных групп населения и обращаться к комплексным многомерным показателям, учитывающим не только доходную компоненту. Характеристики потребления представляются одной из таких компонент и уже сегодня вписаны в композицию различных индексов, измеряющих уровень жизни населения [Корчагина, Прокофьева, Тер-Акопов 2019; Белопашенцева 2022].

В поле российских исследований социальной политики уже давно выдвинут тезис о переходе страны от стандарта выживания к более высокому уровню [Овчарова, Попова 2013; Овчарова et al. 2013]. Однако, оценивая положение дел, важно знать, как рефлексируется ситуация населением: что понимается под нормой, какие стороны потребления при этом берутся в расчёт и где проходят красные линии. Это необходимо, с одной стороны, для определения того, какие из изменений являются для россиян компромиссными, а какие выступают индикатором существенного проседания. С другой — для формирования представлений о благах, которые особенно важны разным категориям потребителей: спрос на такие товары и услуги будет наименее эластичным, а расширение и (или) модификация линейки предложений может побудить тратить больше.

В данной статье представлена карта потребительских стандартов, которая строится на основании материалов фокус-групповых дискуссий: определяются сами стандарты, их основные характеристики и составляющие, ключевые маркеры выхода за пределы каждого из стандартов. Показано, какой потребительский пакет является нормой в восприятии населения, какой видится россиянам дифференциация общества через призму потребления.

Обзор опыта исследования темы: понятийный хаос или потребительский стандарт *vs* уровень жизни?

Интерес к дифференциации потребления возникает в рамках многих дисциплин и широкого круга задач. Во-первых, это разговор о различении групп, что более характерно для социологов и представлено, например, корпусом работ про стили и образ жизни [Веблен 1984; Зиммель 1996; Бурдьё 2005]. Во-вторых, изучение потребностей и предпочтений населения в отношении товаров и услуг происходит с целью успешной разработки и продвижения продуктов, что соответствует, скорее, экономике и маркетингу. В-третьих,

для формирования нормативных стандартов и предотвращения социальной напряжённости изучается лежащее в плоскости интересов политики, в том числе социальной, желание определить набор, который гарантирует человеку достойное существование в современном обществе. Это лишь некоторые примеры. Современные исследования зачастую оказываются конвергентными, сочетают подходы различных дисциплин и отвечают нескольким задачам одновременно. В силу востребованности темы в разных областях науки сформировалось широкое поле понятий, связанных с дифференциацией потребления и определением границ и характеристик различных потребительских возможностей.

Тема стандартов привлекла внимание исследователей в конце XIX — начале XX века. Вместе с этим возникла серьёзная терминологическая путаница, связанная с использованием понятия «стандарт жизни» (*standard of living*): оно применялось как в качестве обозначения некоего эталонного уровня потребления, так и для описания того, что фактически доступно человеку (эта последняя трактовка была более распространённой) [Hoffer 1929].

В 1930-х гг. в США была издана коллективная монография, посвящённая оценке стандартов и уровня жизни, авторы которой подчёркивали важность различения стандартов жизни (*standards of living*) и уровня жизни (*plane of liv*ing): «Грубо говоря, уровень жизни — это то, что мы получаем; стандарт жизни — это то, что мы хотим» [Eliot 1931: 2]. Представления о стандартах жизни являются весьма изменчивыми и варьируют от группы к группе, существуют на уровне индивида, семьи, социальных классов и сообществ. Зачастую потребители не способны осознать собственную привязанность к тем или иным стандартам, пока не лишатся возможности поддерживать привычный уровень потребления. Границы весьма размыты, поскольку ориентация на определённый стандарт может быть обусловлена не только экономическими факторами, но и неэкономическими решениями (такими как заключение брака, рождение детей и проч.) [Eliot 1931].

Терминологическая дискуссия на этом не завершается, более того, возникают ещё два довольно близких термина — «потребительский стандарт» (*consumption standard*) и «уровень потребления» (*consumption level*) [Davis 1941]. Семантически они разделяются обращением всё к тому же желаемому и возможному, но теперь дополнительно требуется определить разницу и между стандартом жизни и потребительским стандартом. Конвенционально это делается следующим образом: потребительский стандарт отражает только товары и услуги, а стандарт жизни — ещё и другие стороны экономического поведения (например, сбережения).

Смешение понятий — «стандарт жизни» и «уровень жизни» — критикуют более поздние работы. Стандарт жизни трактуется в них как некий инструмент (мерная шкала), оценивающий, насколько хорош достигнутый уровень жизни. Стандарты жизни описываются как более ригидное явление, чем уровень жизни. В дополнение, обозначая стандарт жизни как некий эталон, к которому стремятся, можно сказать, что поддержание определённого уровня жизни в текущем периоде служит инструментом для достижения выбранного стандарта жизни в будущем (например, молодая семья делает выбор в пользу стеснённых жилищных условий сегодня, чтобы накопить на собственный дом через несколько лет) [Tuttle 1960].

В более поздних работах стандарт жизни преимущественно описывается как отражение текущих возможностей [Sen 1984], тогда как понимание стандарта в значении потребительского ориентира фактически не фигурирует в исследованиях. Однако исключения есть: например, работы, посвящённые оценке разрывов между желаемым и фактическим материальным положением семей [Danes 1991; Антонов, Карпова, Ляликова 2021]. Но внимания терминам в таких работах не уделяется, и они не обогащают представление о расхождении стандартов и уровней.

В то же время активно возникают новые термины для обозначения очень похожих исследовательских предметов. Фигурируют, например, такие понятия, как «паттерны потребления» (*consumption patterns*) [Zhu 2018; Sergeant 2014; Oliveira, Vidal, Ferraz 2020], «материальные ожидания» (*material aspirations*) [Lohmann 2015]. Предпринимаются попытки выработать понятие «приемлемый жизненный стандарт» (*decent living standard*) для отображения количественной и качественной оценки возможностей в различных сферах жизни, которые должны быть доступны человеку сегодня [Rao, Min 2018]. В данном случае речь идёт не о стандарте физиологического выживания, а о минимальных возможностях для участия в жизни общества [Pribytkova 2016], которые определяются с опорой на экспертные оценки и нормативные документы. Исследователи работают и с темой минимальных жизненных стандартов (*minimum standards of living*), различая стандарт выживания (*low cost*) и низкий, но достаточный стандарт (*modest but adequate*). Этот последний, как и представленный выше подход, предполагает не просто удовлетворение базовых потребностей, но способность вести полноценную жизнь в обществе. В отдельное направление выделяется работа с минимальными стандартами дохода (*minimum income standards*), где внимание направлено на культурно обусловленные представления населения о стандартах, определённых на основе фокус-групп [Deeming 2011].

Сюжеты, связанные с потребительскими стандартами, поднимаются в разговоре не только о малоимущих слоях и линии бедности. Они фигурируют и в контексте темы изучения обеспеченных категорий, в том числе среднего класса, который рассматривается как агент, формирующий ориентиры для общества в целом (и покупателей, и производителей и (или) поставщиков разного рода товаров и услуг) [Hastings, Matthews 2015]. Потребительские стандарты используются в этом случае синонимично потребительским практикам в различных сферах [Мареева 2008]. При этом одни эксперты полагают, что представители группы могут быть приверженцами разных стандартов [Лежнина 2006; Чикирева 2007], а другие рассматривают определённый потребительский стандарт как критерий принадлежности к группе [Выжутович 2019].

Таким образом, погружаясь в тему потребительских стандартов, исследователь сталкивается с множественностью подходов к самому определению данного предмета и наличием большого числа родственных понятий.

Методология и эмпирическая база исследования

Данная работа опирается на материалы онлайн-работы с фокус-группами в июне — июле 2023 г. Выбор качественного метода обусловлен стремлением получить представления о различных потребительских стандартах, не определяя заранее перечень сфер потребления для обсуждения и конечное число стандартов, но действуя в парадигме синергии респондента и исследователя, максимально непредвзято подходя к теме.

Дизайн фокус-групп определялся целым набором характеристик респондентов: были отдельные дискуссии с жителями различных географических точек России (Москва, Екатеринбург, Ярославль, микс-группа других городов с численностью населения от 250 тыс. чел. до 1 млн: Нижний Тагил, Череповец, Кострома, Вологда, Барнаул) и представителями разных групп по возрасту (см. табл. 1). Также при отборе учитывался уровень образования (студенты, респонденты без высшего образования, с высшим образованием) и доход (низкий, средний и высокий). Для обеспечения максимальной вариативности мнений к участию были приглашены мужчины и женщины, респонденты с детьми и без, люди с разными установками относительно текущей социально-экономической и политической ситуации[2]. Общее количество фокус-групп — 50.

[2] Проводились отдельные группы с представителями разного уровня дохода и образования. В каждой группе фиксировались представления о всех типах потребительских стандартов.

Таблица 1

Характеристики фокус-групп по месту проживания и возрасту участников (количество фокус-групп по столбцам)

Возраст (полных лет)	Регион				Всего
	Москва	Екатеринбург	Ярославль	Микс-группа других городов	
18–23	2	2	1	0	5
24–35	6	3	3	2	14
36–45	6	3	3	2	14
46–55	6	3	3	2	14
56–65	1	1	1	0	3
Всего	21	12	11	6	50

Осознавая коллизию использования множества родственных понятий, зафиксируем, что в настоящем исследовании потребительские стандарты рассматриваются как сложившиеся в сознании населения представления о наличии разных пакетов возможностей и повседневных практик у разных групп россиян. Речь идёт не о минимальном или достаточном уровне для всего общества, но о неких «идеальных типах», то есть о том, что считается соответствующим более высоким или более низким уровням потребления, а также о том, что воспринимается как норма. При непосредственном участии населения конструируется целая карта потребительских стандартов с подробным описанием их характеристик.

Применялся открытый подход к идентификации стандартов: не были предзаданы ни их характеристики, ни принцип определения границ. Материалы фокус-групп указывают на то, что потребительские стандарты в сознании населения отстраиваются от доходных возможностей, итоговая модель является иерархической композицией, в которой перемещение от одного стандарта к другому происходит при изменении доходов (см. рис. 1).

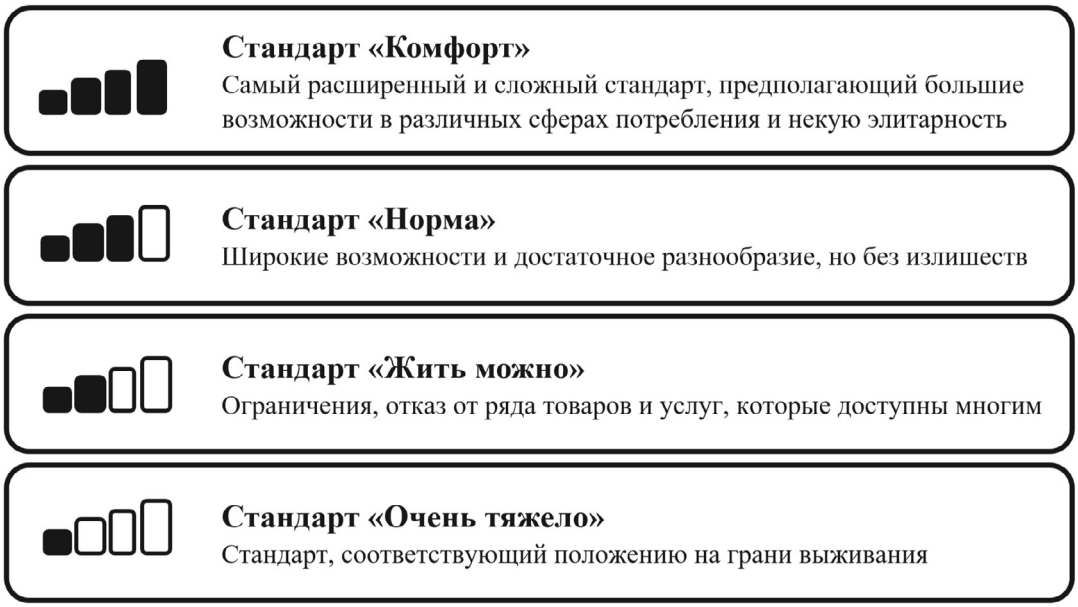


Рис. 1. Модель потребительских стандартов

Карта стандартов конструировалась с опорой на представления участников фокус-групп о дифференциации потребления ряда категорий товаров и услуг различными группами населения. Информация

фиксировалась по 11 основным доменам (см. рис. 2). Разговор начинался с предложения высказать своё мнение о том, что нужно учитывать при изучении различий между отдельными группам потребителей. Все варианты ответов так или иначе сводились к перечисленным на рисунке 2 категориям.

Рис. 2. Основные домены потребительского стандарта

Одиннадцать измерений четырёх потребительских стандартов: как дифференцировано потребление в отдельных сферах?

Рассмотрим подробно, как население видит черты четырёх потребительских стандартов в рамках каждого из доменов. Отметим, что в рамках отдельных доменов фиксировались некоторые расхождения во взглядах между группами разного дохода и возраста, сводимые к разной степени детализации описания стандартов, но не противоречащие друг другу. Ниже дано описание консенсусного взгляда представителей разных групп населения на потребительские стандарты.

Питание

Стандарт «Комфорт» предполагает потребление большого количества качественных животных белков, постоянное присутствие на столе фруктов и ягод, в том числе экзотических и несезонных, время от времени покупку деликатесов «без повода». Алкоголь в стандарте «Комфорт» — качественный и дорогой. Особенно важно, что покупки не ориентированы на цену и преимущественно совершаются в премиумных супермаркетах.

> *Обязательно в меню есть морепродукты, говядина и хороший сыр <…> Не смотреть на ценники — брать то, что я сейчас хочу. Увидел вкусный кусок мяса: хочу — купил* (24–35 лет, высшее образование, высокий доход, г. Москва).

Кроме продуктов предполагается возможность заказать готовую еду или пойти в ресторан без повода, просто потому, что не хочется готовить, а также ежедневные выходы в кафе и рестораны на обед или ланч для работающих вместо необходимости брать еду из дома. Штрихом к портрету стандарта «Комфорта» является интерес к высокой кухне и возможность посещать гастрономические мероприятия в качестве варианта проведения досуга.

Стандарт «Норма» коротко можно охарактеризовать так: покупаем всё, но без излишеств. В рационе присутствуют достаточно качественные белки — главным образом белое мясо и рыба. Есть молочные продукты, орехи, много фруктов и овощей, но в основном сезонных.

> *Есть нормальный качественный набор — это белки, жиры, углеводы, клетчатка. То есть сбалансированное питание должно быть. Фрукты, овощи, рыба, мясо, крупы, бобовые. Все в доступе и всё по нормальным ценам* (24–35 лет, среднее и высшее образование, с детьми, средний доход, г. Екатеринбург).

Важным респонденты считают отсутствие необходимости приобретать замороженные полуфабрикаты. Стандарт «Норма» предполагает, что время от времени потребляются деликатесы (икра, хорошие сыры) и более дорогие любимые продукты (например, ягоды или торты), причём не только по праздникам. Алкоголь в данном стандарте не самый дешёвый и покупается по принципу соотношения цены и качества, причём часто «про запас по хорошим ценам». В данном стандарте упоминаются зарекомендовавшие себя сети супермаркетов среднего сегмента и фермерские магазины. При этом выбор не слишком ориентирован на цену и экономию и допускает спонтанные покупки. Имеется возможность два-три раза в месяц заказывать еду на дом (например, пиццу или суши), по выходным ходить в рестораны и кафе, а в будни брать кофе на вынос.

В продуктовом наборе **стандарта «Жить можно»** преобладают крупы, картофель, консервы и хлебобулочные изделия, присутствует «вредная и дешёвая» еда (например, лапша быстрого приготовления). В целом рацион очень однообразен. Животный белок представлен преимущественно замороженным мясом и полуфабрикатами. Есть ограниченный набор молочных продуктов. Даже сезонные фрукты и овощи покупают нечасто. Деликатесов почти нет даже на праздничном столе. А алкоголь есть, но «среднего качества» (вино, водка).

> *Лапша быстрого приготовления, макароны, картошка, крупы. Из мяса — это только курица. Субпродукты. Суповые наборы. Я беру суповые наборы. Более однообразное питание, конечно* (36–45 лет, среднее образование, с детьми, низкий доход, микс городов).

Продукты выбирают в бюджетных торговых сетях и на оптовых продуктовых рынках, ориентируясь на акции и дисконты. Спонтанные решения полностью отсутствуют — всё строго по списку. Предполагается покупка продуктов длительного хранения впрок, причём запасы делают, если удаётся найти товар с большой скидкой. Доставка готовой еды на дом почти исключена, а выйти с семьёй можно только в заведения фастфуда.

В основе рациона **стандарта «Очень тяжело»** — недорогие продукты с высокой калорийностью (макароны, картофель, хлеб, яйца, каши). Стандарт описывается в основном не перечислением характерных продуктов, а как отказ от большого списка категорий: семьи не могут позволить себе рыбу, овощи и фрукты, шоколад. Всё приобретается только по акциям, более того, иногда употребляются продукты с истекшим сроком годности. Вместе с тем в состав корзины входит алкоголь, пусть и самый дешёвый. Никакой возможности побаловать семью даже изредка нет, рацион совсем скудный и однообразный. Продукты покупают в самых дешёвых магазинах на развес из числа товаров без бренда или в лучшем случае в сетях экономкласса. Часть потребления закрывается выращенным в личном подсобном хозяйстве, что является следствием жёсткой необходимости, а не увлечения садом и огородом. О доставке готовой еды и посещении любых вариантов общепита (если только это не социальные столовые) речи нет.

> *Какие-то сезонные самые простые овощи, капуста в конце лета. Хлеб будет, но мясо по минимуму, даже не натуральное, а колбасы — дешёвые* (46–55 лет, среднее и высшее образование, средний доход, г. Екатеринбург).

Одежда и обувь

Главным признаком **стандарта «Комфорт»** является возможность не планировать расходы на покупку одежды и обуви заранее и не подстраиваться под распродажи и акции. Гардероб можно обновлять, когда этого хочется, без необходимости.

> *Одежда не на скидках, не на распродажах, а пришёл — и купил. Спонтанно, чтобы настроение поднять, может быть* (46–55 лет, высшее образование, высокий доход, г. Москва).

Характеристиками этого стандарта является наличие разнообразной одежды и обуви не только для каждого сезона, но и на все случаи жизни — от вечерних нарядов и деловых костюмов до функциональной одежды (например, для определённого вида спорта). Важной характеристикой становится качественная, дорогая одежда и обувь, согласующаяся с модой. Делается акцент на наличии «статусных» вещей: брендовые сумки, аксессуары и проч. Одежда и обувь приобретаются в монобрендовых магазинах (в том числе брендов первой линии) и люксовых универмагах. Представители стандарта «Комфорт» имеют возможность заказывать индивидуальный пошив вещей, оплачивать консультантов по выбору одежды, а также ездить в шопинг-туры и нанимать байеров, занимающихся закупками в других странах. Отдельным маркером стандарта респонденты назвали опцию «без сожаления расставаться с надоевшими вещами», то есть отнести на переработку или отдать кому-то в качестве жеста благотворительности.

Основная примета **стандарта «Норма»** — возможность позволить себе достаточно большой набор качественной одежды и обуви среднего ценового сегмента в сочетании с некоторой «разумной» экономией (выбор товаров на распродажах, поиск самой выгодной цены). Погоня за скидками не является обязательной, но по полной стоимости будут покупаться значительно более простые бренды, чем в случае стандарта «Комфорт». В гардеробе могут быть и «статусные» марки, однако их немного, они носятся бережно потом перепродаются. Характерно наличие набора одежды для разных случаев. Он обновляется регулярно (хотя бы раз в сезон), при этом у семей этого потребительского стандарта есть возможность приобретать зимнюю обувь и верхнюю одежду.

> *Нормальную, комфортную одежду покупать. Дети растут и бывает, что каждый сезон им приходится менять одежду. А так мы с мужем себе нечасто берём — только, если надо что-то. Берём в магазинах или заказываем в Интернете* (36–45 лет, среднее и высшее образование, с детьми, средний доход, г. Екатеринбург).

Главной площадкой для приобретения одежды и обуви являются маркетплейсы. Но доступны также шоу-румы и магазины локальных российских производителей.

Стандарт «Жить можно» описывается небольшим «базовым» набором дешёвой одежды и обуви низкого качества. Лишних вещей в гардеробе нет — один предмет верхней одежды и одна пара обуви на каждый сезон. Обновляются вещи преимущественно по мере необходимости: новые сапоги покупают, если старые пришли в негодность. Ремонт одежды и обуви является одной из характерных практик. Говоря о точках приобретения вещей, респонденты упоминали вещевые рынки, маленькие магазины с китайской одеждой, палатки в переходах и точки секонд-хенда, сети дискаунтеров. Также фигурировали в обсуждении интернет-платформы, где продаётся бывшая в употреблении одежда и обувь, и онлайн-заказ дешёвых вещей из Китая.

> *Это вещи без брендов, без названий — Китай, Турция, Узбекистан. Всё это самое дешёвое и плохого качества* (24–35 лет, среднее и высшее образование, с детьми, средний доход, г. Екатеринбург).

Про **стандарт «Очень тяжело»** можно сказать немного: вещи здесь фактически не приобретаются, а возможности семей определяются тем, что достаётся от других людей, благотворительных фондов, религиозных организаций или служб социальной поддержки. Таким образом, основной чертой данного типа является зависимость от третьих лиц в вопросе обновления одежды и обуви.

> *Одежда — в церкви, куда люди приносят, благотворительные фонды, секонд-хенды. Очень тяжело — это ещё когда ты знаешь, где находится твоя социальная служба* (56–65 лет, среднее и высшее образование, средний доход, г. Москва).

Бытовая техника и электроника

Покупка новинок бытовой техники и электроники и обновление имеющихся предметов в **стандарте «Комфорт»** не является большой нагрузкой для семейного бюджета и может почти всегда осуществляться без предварительного этапа накоплений. Техника покупается «с зарплаты», а не в рассрочку и не по программам потребительских кредитов. Выбор бренда почти всегда осуществляется без ориентации на цену. Для данного стандарта характерны новые модели премиальных марок, отличающиеся эстетикой и функциональностью. Сюда входит техника для дополнительного удобства, экономии времени и удовольствия (например, система «умный дом», робот-пылесос, кондиционер, сушка для белья, холодильник с генератором льда, домашний кинотеатр и др.).

> *Это будет техника другого уровня. Если мы живём с комфортом, то техника hi-fi класса — более правильная, технологичная. Умный дом, что модно сейчас. Топовые модели, топовые разработки. Роботы-пылесосы. Все новинки* (46–55 лет, высшее образование, высокий доход, г. Москва).

Отдельным маркером стали гаджеты: личные компьютеры и ноутбуки у разных членов семьи (в том числе и у детей с самого раннего возраста), планшеты и смарт-часы флагманских брендов. Присутствуют и топовые смартфоны, а также возможность менять их на только что вышедшие новые модели.

Покупка крупной бытовой техники и электроники в **стандарте «Норма»** может осуществляться при помощи рассрочек и кредитов, что не является чрезвычайно обременительными для бюджета семьи — такие рассрочки и кредиты довольно легко (и часто досрочно) гасятся. В распоряжении имеется базовый набор техники (стиральная машина, холодильник, плита, духовой шкаф, микроволновая печь) брендов среднего сегмента — не самые последние модели, но все-таки современные и качественные. Телевизор будет плазменный, а не самый примитивный вариант ЖК.

> *Обычная жизнь предполагает наличие необходимой техники — пылесос, стиральная машина, плита современная. Основная масса техники — больше пяти лет. Техника хорошая, работает исправно, всё проверенных марок* (36–45 лет, среднее и высшее образование, с детьми, средний доход, г. Екатеринбург).

У семьи могут иметься и отдельные устройства из категории техники для повышенного удобства (например, робот-пылесос), но это будут товары дешёвых китайских марок. Личные компьютеры и ноутбуки могут быть только у взрослых членов семьи или детей старших возрастов. Смартфоны есть у всех, но заменяются они только при необходимости, когда выходят из строя. В целом обновление пред-

метов техники и электроники происходит в этом сегменте после поломки имеющихся в пользовании устройств.

В рамках **стандарта «Жить можно»** приобретение бытовой техники и электроники становится затруднительным, требует существенного пересмотра бюджета семьи и жёсткой экономии. Набор базовых предметов примерно тот же, что и в стандарте «Норма», но средний возраст их существенно больше (7–10 лет), функционал совсем скромный, а марки-производители более низкого уровня. Присутствует постоянная тревога из-за риска поломки базовых предметов — холодильника, стиральной машины. Гаджеты используются только самые простые и дешёвые: по мнению респондентов, стоимость смартфона не должна превышать 10–12 тыс. рублей, а слабая батарея или периодические сбои в работе не станут причиной замены.

> *Здесь вся техника в кредит и дешёвая. Телефон может и устарел, и экран разбит — а ты его донашиваешь* (24–35 лет, среднее образование, низкий доход, г. Екатеринбург).

Покупке нового устройства будут предшествовать попытки починить старый, и пока ремонт будет возможен, замена не произойдёт. Однако «новый» в случае данного стандарта не означает «не использовавшийся до этого»: возможным вариантом станет замена на бывшее в употреблении устройство, купленное на «Авито».

Граница **стандарта «Очень тяжело»** — отсутствие возможности не только купить что-то новое, но и оплатить ремонт старой бытовой техники и электроники, если её невозможно починить своими силами. Возможно отсутствие отдельных предметов даже самого базового набора (например, стиральной машины), а имеющиеся, вполне вероятно, окажутся очень старыми.

> *Тут все совсем по минимуму и очень старое, может, вообще еще советское. Стиралки, может, и нет — сломалась, и нет денег ее купить* (46–55 лет, среднее образование, низкий доход, г. Екатеринбург).

Фактически в этом сегменте происходит переход на выполнение работы по дому (стирка, уборка) собственными руками без помощи каких-либо устройств. Альтернативой может быть обращение к знакомым и на «Авито» за техникой и электроникой, которую отдают бесплатно. В итоге набор предметов, находящихся в распоряжении семьи, будет определяться удачей в поиске бесплатных вариантов или попаданием в поле зрения благотворителей.

Автомобили

Самый расширенный **стандарт «Комфорт»** предполагает наличие нескольких автомобилей в семье (для каждого взрослого) и возможность их регулярного обслуживания. Это новые машины европейских и японских брендов или купленные бывшие в употреблении машины, но самого высокого класса. Не представляется проблемой оплатить оригинальные запчасти, ездить в сервисы официальных дилеров, регулярно пользоваться услугой мойки. Можно позволить себе менять автомобиль раз в три-пять лет. Причём следующий автомобиль не будет уровнем ниже, чем предыдущий.

> *Когда я могу позволить себе прийти, купить машину нового года, а не предыдущего. Сейчас у меня машина на три года назад, а хотелось бы новую. И это — «Мерседес», БМВ, «Ауди»* (24–35 лет, высшее образование, с детьми, высокий доход, г. Москва).

Расход топлива при выборе варианта транспортного средства является малозначительной характеристикой. Покупка может осуществляться при помощи автокредита, а не только за счёт собственных средств семьи, однако при этом не должно быть никаких сомнений в возможности погасить его в срок.

Наличие одного автомобиля среднего или экономкласса либо сильно подержанной машины премиальной линейки характеризует **стандарт «Норма»**. В эту категорию попадают недорогие российские и китайские автомобили.

> *Тут машина не бизнес-класса, конечно, а просто комфорт. И на ходу. Skoda Octavia, какой-нибудь кореец. В нынешних реалиях — и китаец* (24–35 лет, высшее образование, высокий доход, г. Москва).

Это не новый, но автомобиль «на ходу», эксплуатирующийся в среднем пять-семь лет, обслуживание которого для семьи является непростой задачей. Оригинальные запчасти и ремонт автомобиля у официальных дилеров для этого стандарта недоступны. Техническое обслуживание проходят в частных несертифицированных сервисах. Риск серьёзной поломки машины является поводом для переживаний. Смена автомобиля происходит не чаще, чем раз в пять лет. Однако есть возможность самостоятельно накопить на машину, а в случае решения об автокредите семья справится с его погашением в срок. В этом стандарте автомобиль используют преимущественно для домашних нужд, поездок на дачу и путешествий. Вместо личного автомобиля в стандарте «Норма» может на более-менее постоянной основе использоваться каршеринг, но, согласно мнению респондентов, пока такая практика является исключением, а не правилом.

Для **стандарта «Жить можно»** отсутствует возможность купить новый автомобиль или обеспечить его серьёзный ремонт, но, согласно мнению респондентов, машина у семей этой категории всё-таки есть. Речь идёт о старом автомобиле, которому примерно 10 лет, купленном уже с пробегом. В отдельных случаях это может быть иномарка, но чаще — продукт отечественного автопрома.

> *Здесь что-то старенькое, 10-летнее. Может, и вообще «шестёрка»*[3] *быть* (36–45 лет, среднее и высшее образование, с детьми, средний доход, г. Ярославль)

Даже техническое обслуживание автомобиля для представителей этого сегмента становится проблемой — на него надо откладывать деньги. На поездках экономят, чтобы минимизировать траты на топливо и лишний раз не расходовать ресурс самой машины. Либо автомобиль становится «рабочей лошадкой», которая помогает зарабатывать (извоз или служба доставки). В этом случае его дополнительно берегут и для личных нужд используют только время от времени.

Стандарт «Очень тяжело» не предполагает наличие автомобиля у семьи. Единственным доступным вариантом транспорта является общественный, на котором, впрочем, тоже время от времени экономят.

Жильё

Для описания **стандарта «Комфорт»** недостаточно охарактеризовать место проживания семьи, он предполагает наличие целого набора недвижимости: несколько квартир или квартира и загородный дом и т. п., в том числе жилье «на будущее» (для ребёнка), которое временно сдаётся в аренду и приносит пассивный доход. Большая общая площадь, просторные помещения, отдельные комнаты для всех членов семьи и выделенная гостиная — это ключевые характеристики стандарта.

[3] Подразумевается модель 2106 отечественной марки Lada («Жигули»).

> *Если комфортное жильё, то должно быть по комнате у каждого. Это должна быть трёхкомнатная квартира и гостиная. Плюс наличие загородного дома* (24–35 лет, среднее образование, низкий доход, с детьми, микс городов).

Жильё должно располагаться или в премиумном жилищном комплексе, или в коттеджном посёлке. Особое внимание при описании стандарта акцентируется на микрорайоне и инфраструктуре: престиж, безопасность, доступность магазинов и центров услуг (от химчисток до салонов красоты), детских площадок, парков и зелёных зон. Респонденты отмечают, что такие варианты жилья есть не во всех регионах. В качестве примера приводят фонд столицы и Краснодарского края. Квартира вполне может быть в ипотеке или аренде. Но ипотека не должна влиять на привычный образ жизни семьи и имеет потенциал полного погашения в течение 5–10 лет — это не ограничение, а способ получить «квартиру мечты» без периода предварительных накоплений. Аренда в данном стандарте тоже не вынужденная мера, а выбор в пользу наилучших условий проживания при наличии у семьи собственного жилья или накоплений, которые позволят при необходимости купить себе квартиру в будущем.

Основным признаком **стандарта «Норма»** является наличие отдельного жилья у семьи и собственного пространства у каждого члена семьи. Это могут быть не просторные комнаты, но обязательно изолированные зоны (площадью 12–20 м^2). Общая комната для супругов, отдельные спальни для разнополых детей — примерный образ жилья в данном стандарте. Это пространство без излишеств, но вполне современное и комфортное с аккуратным ремонтом, расположенное в доме относительно новой постройки (для Москвы — не за МКАД).

> *Как минимум двухкомнатная, благоустроенная, чтобы и ванная, и туалет были у нормальной семьи. Всё-таки квартира, она подешевле, чем дом. Отопление центральное. Обычная двухкомнатная квартира минимум с центральным отоплением, ванной, туалетом, с балконом. Средний бюджетный ремонт* (36–45 лет, среднее образование, с детьми, низкий доход, микс городов).

С большой вероятностью семья будет также владеть дачей или строить дом на участке за городом. Жильё у семей данного потребительского типа или в собственности, или в ипотеке (это последнее очень вероятно). Ипотека является ощутимой статьёй бюджета, но позволяет жить нормально и не отказываться от отпуска и развлечений. Возможен и вариант проживания в арендованной квартире, но при условии наличия своего жилья, которое, возможно, не устраивает площадью или местоположением. В «Норме» есть уверенность в том, что в случае необходимости (например, рождение ребёнка) семья сможет улучшить жилищные условия.

Стандарт «Жить можно» отличается довольно тесным и несовременным жильём. Приходится жертвовать личным пространством: на каждого площади жилья не хватает, кто-то должен спать в гостиной, супруги вынуждены делить комнату со своими детьми и т. п. В одной квартире или доме могут проживать несколько семейных ячеек, многопоколенные семьи. Жильё не относится к категории новостроек и может находиться на окраинах с плохой транспортной доступностью и без инфраструктуры. Помещения требуют ремонта, но даже на самую простую смену обоев придётся копить. При этом оно может находиться в социальной ипотеке, но тогда остальные расходы будут гарантировать только выживание.

> *Если квартира в ипотеку, то эта трата съедает почти весь бюджет. Ремонт как-то частично делаем, но локально и из самых дешёвых материалов своими руками. Условно только обои меняем, и даже мебель не меняем* (36–45 лет, среднее и высшее образование, с детьми, средний доход, г. Ярославль).

Никаких перспектив улучшения жилищных условий у представителей данного сегмента не просматривается. Вероятно наличие дачи, но она будет старой и некомфортной («советское наследие»).

Отличительными чертами жилья **стандарта «Очень тяжело»** являются ветхость, теснота и отсутствие личного пространства. В одной комнате могут размещаться три-четыре человека. Коммунальные квартиры и общежития, а также старые сельские дома тоже относятся к стандарту «Очень тяжело». Для сельских домов на первый план выходит проблема качества жилья, тогда как площадь может быть достаточной. Актуальным вопросом становится доступ к привычным для большинства благам — газу, горячему водоснабжению и центральной канализации. Ремонт недоступен. Никакой возможности улучшить жилищные условия нет (об ипотеке речь идти не может).

> *Жильё тут какое-то, может, и есть. Но ситуация совсем аховая — только жильё да еда и есть. И когда я говорю «жильё», я имею в виду, что как-то ещё можно позволить себе частично коммунальные платежи оплатить, но сами жилищные условия ужасающие* (46–55 лет, среднее и высшее образование, средний доход, г. Москва).

При этом в собственности семьи могут помимо основного жилья находиться полузаброшенные участки земли, которые создают иллюзию «второй» недвижимости и, по мнению респондентов, повышают риски отказов в случае обращения за государственной помощью.

Путешествия и отпуск

Главная характеристика **стандарта «Комфорт»** — это свобода выбора как направлений, так и продолжительности путешествий. В этом стандарте не менее двух полноценных отпусков за год, один из которых проводится на море. Помимо этого, возможны любые краткосрочные и незапланированные поездки (например, на выходные). Представители стандарта пользуются услугами пятизвёздочных гостиниц и индивидуально организованными турами. Направления отдыха максимально разнообразны, в том числе зарубежные. В России для стандарта характерны модные, знаковые места и дорогие направления: Камчатка, Байкал, Красная поляна. Более того, возможны дополнительные путешествия с определённой целью: для занятий спортом (горные лыжи, гольф, яхтинг), медицинский туризм, различные религиозные туры и ретриты, шопинг, выезд на конкретное культурные (концерт, спектакль) или спортивные мероприятия. На поездки не приходится копить, а в самом путешествии нет нужды экономить деньги.

> *Отпуск на море летом, месяц — 100%. Отдых не просто массовый летом на побережье, где на каждом метре пять человек, а всё-таки приватный и индивидуальный, эффективный. Выезд семейный в зимние каникулы — тоже. Путешествуешь спонтанно: увидел хорошее предложение — и полетел* (36–45 лет, высшее образование, с детьми, высокий доход, г. Екатеринбург).

В **стандарте «Норма»** есть как минимум один отпуск в год для всей семьи, предпочтительно на море. Основная ценность — сама возможность отпуска. Организация отдыха предполагает покупку горящих туров или самостоятельное планирование, в котором предпочтение отдаётся трёхзвёздочным гостиницам и апартаментам, эконом-перелётам или недорогим поездам. Основные направления поездок — Турция или Египет, а также курорты юга России. Возможны также непродолжительные туры по стране (Санкт-Петербург, Золотое кольцо и т. п.) и редкие выезды, например, на концерт, фестиваль, матч.

> *Можешь позволить себе небольшой, но отдых, пусть не за границей, а в пределах России, пусть раз в год* (36–45 лет, среднее и высшее образование, средний доход, с детьми, микс городов).

Отпуск и путешествие не могут быть оплачены из текущих доходов, деньги откладывают в течение трёх-шести месяцев.

Признаком **стандарта «Жить можно»** становится невозможность спланировать и оплатить полноценный отпуск или длительную поездку. Основная форма отпуска — это жизнь на даче или в деревне. В лучшем случае получается организовать один раз в два-три года отдых на море. Возможны выезды в другие города к родственникам, но с проживанием у них дома. При выборе точек для путешествий и транспорта используются самые дешёвые опции (плацкарт, очень скромные базы отдыха и т. п). Среди направлений — юг России и недорогие туристические точки, а также поездки в пределах региона проживания. Копить на полноценный отпуск приходится не менее года.

> *Тут только по России, и то раз в два года, наверное. А так — у себя по области на озеро поехали, и хорошо* (24–35 лет, среднее и высшее образование, средний доход, с детьми, г. Ярославль).

В **стандарте «Очень тяжело»** возможности для путешествий и отпуска совсем отсутствуют. Единственная доступная форма отдыха, которая, скорее, относится к категории досуга, а не путешествий, это небольшие короткие выезды на шашлыки, но не регулярно, а только по праздникам.

> [Путешествия] *максимум по праздникам, наверное, на шашлыки* (36–45 лет, высшее образование, с детьми, низкий доход, г. Ярославль).

Досуг

Досуг у представителей **стандарта «Комфорт»** очень разнообразный, учитывающий индивидуальные интересы всех членов семьи. Ежемесячные походы в театры, на концерты и выставки, внимание к программе культурных событий, знания о моде и трендах в развлечениях — всё это присуще стандарту «Комфорт». Ради посещения тех или иных культурных мероприятий несколько раз в год могут совершаться поездки в другие города и страны (на мировые премьеры, знаковые концерты и т. п.).

> *Захотел поехать на выставку в Лондон — поехал. Провёл там выходные. Да, или в Венскую оперу слетал. Или такое развлечение экстремальное, необычное: например, Камчатка, полюс Северный* (46–55 лет, высшее образование, высокий доход, г. Москва).

В жизни представителей данного стандарта обязательно присутствует спорт. Абонемент в фитнес-клуб высокого уровня или занятия с тренером дополняются игровыми видами спорта (например, большой теннис), бассейном и спортивным отпуском (горные лыжи, сёрфинг). Это «престижные виды физической нагрузки». Другие варианты досуга — личностное развитие и увлечение творчеством (живопись, фотография, керамика и проч.). Медиа тоже являются вариантом досуга, поэтому у представителей стандарта имеется множество разных цифровых подписок. В целом, для представителей стандарта «Комфорт» характерны хороший баланс между работой и личной жизнью (баланс «работа—жизнь» — *work-life balance*) и стремление к здоровому образу жизни. Время для отдыха и досуга есть, причём посвящать его можно не только интересам семьи, но и своим личным. Подход к досугу можно назвать индивидуальным, кастомизированным.

Насыщенный досуг и у **стандарта «Норма»**, что возможно за счёт множества доступных по цене вариантов проведения времени в городе: выходы в театры, на концерты, походы в кино. При выборе вариантов стоимость билетов имеет значение, но эти траты не становятся существенным бременем для семьи. В дополнение к платной программе представители стандарта следят за бесплатными городскими событиями (фестивали, выставки и проч.) и активно их посещают. Предполагаются занятия спортом, но в обычном спортивном клубе или секциях.

> *Тут, наверное, бывает спортзал такой обычный, на районе. И походы типа в боулинг, на выставку раз в месяц* (36–45 лет, среднее и высшее образование, средний доход, г. Москва).

Респонденты говорили о занятиях танцами, фитнесом, плаванием, велосипедных прогулках и беге; в качестве спортивно-туристического хобби упоминали рыбалку. Вместо индивидуальных занятий по личностному развитию они выбирают платные вебинары и курсы. В индивидуальном формате могут проходить сеансы психотерапии (однако это характерно только для жителей столичного региона). Подписки на развлекательные онлайн-сервисы и кинотеатры тоже имеются. Но в целом баланс «работа—жизнь» в этом стандарте оказывается нарушен, досуг перестаёт быть полноценной частью времени и определяется по остаточному принципу после выполнения работы и необходимых дел. Идёт поиск компромисса между своими личными интересами и интересами семьи и детей, а цена становится существенным фактором выбора.

Стандарт «Жить можно» предполагает очень скудный набор вариантов досуга. Посещение театров, концертов, кино сопряжено с возможностью найти дешёвые билеты и случается всего несколько раз в год. Основными способами проведения времени становятся бесплатные городские мероприятия, прогулки по улицам и паркам, увлечения «для души» на даче, встречи с друзьями, пикники.

> *Тут люди очень редко куда-то ходят, все больше в парках гуляют* (46–55 лет, высшее образование, высокий доход, г. Москва).

Регулярных занятий спортом в залах и секциях в этом стандарте нет, но возможны самостоятельные занятия в парках, на спортивных площадках или дома. Досуг, связанный с личностным ростом, этому стандарту малоинтересен, но молодежь все-таки может посещать бесплатные лекции, слушать бесплатные стримы в соцсетях. Платные подписки на цифровой контент фактически отсутствуют. О понятии *work-life balance* здесь речи не идёт. Личный досуг выстраивается не только по остаточному принципу по отношению к работе, но и по отношению к интересам семьи. Доминирует стремление развлечь детей, а на собственные хобби часто не остаётся времени, сил и денег. В целом, досуг можно назвать бедным и замкнутым внутри дома и круга членов семьи.

В контексте **стандарта «Очень тяжело»** сложно говорить про досуг; скорее можно вести речь просто о свободном времени. Его проводят однообразно: телевизор, прогулки и т. п. Если есть доступ к Интернету, то онлайн-контент становится ещё одним вариантом заполнения свободного времени.

> *Развлечения — телевизор. И ходим пешком туда-сюда. Прогулки вокруг дома, да. В парке* (56–65 лет, среднее и высшее образование, средний доход, г. Москва).

Образование и развитие детей

С экспертной точки зрения, следовало бы описать ситуацию в отношении всех образовательных услуг, которыми пользуются семьи. Однако в ходе проведения фокус-групп отличия между стандартами в рамках темы образования участники определяли именно по возможностям для обучения и развития детей. Разговор об образовании взрослых не получал развития.

Стандарт «Комфорт» позволяет обеспечить кастомизированный подход к обучению. В этом случае не требуется вписываться в рамки предложений, а можно создавать собственные запросы. Респонденты называют основным признаком данного стандарта индивидуальную образовательную стратегию. Детьми самого младшего возраста, помимо родителей, могут заниматься няни-гувернантки; доступны платные группы раннего развития и частные детские сады. Для детей постарше могут оплатить обучение в элитарных школах или «найти ходы» в лучшие государственные. Обеспечивается и широкий спектр внешкольных уроков. В качестве примера индивидуальных занятий участники фокус-групп приводят изучение нескольких иностранных языков, программирование и подготовку к ОГЭ и ЕГЭ. Преподаватели могут быть носителями языков (*native speakers*) и (или) представителями ведущих вузов. Семьи оплачивают детям и занятия спортом, в том числе видами, «требующими вложений» (теннис, горные лыжи и т. п.). У подрастающего поколения имеются интересные и оригинальные хобби: например, игра на электрогитаре, посещение гончарной мастерской, занятия живописью и проч. Обучение может продолжаться во время каникул в рамках различных частных образовательных и спортивных лагерей. Когда речь заходит о детях старших возрастов, отмечается, что выбор профессионального образования определяется интересами и желаниями, а не набранными баллами. За высшее образование в этом потребительском стандарте готовы платить — на этапе подготовки и (или) за само обучение. Приводя примеры вузов, респонденты упоминают МГУ, НИУ ВШЭ, МГИМО, а также зарубежные университеты (без конкретизации).

> *Образование — платные хорошие школы, платное высшее образование «за дорого». Возможность учиться за границей, в том числе. Индивидуальные учителя* (46–55 лет, высшее образование, высокий доход, г. Москва).

Одним из маркеров стандарта является включённость в процесс родителей, которые активно в нём участвуют, его обсуждают, уделяют ему время и ищут занятия для детей.

Охарактеризовать **стандарт «Норма»** можно так: сочетание платного и бесплатного обучения и наличие возможности обеспечить детям образование в среднем российском вузе. Дети младшего возраста ходят в обычный муниципальный детский сад, дети постарше — в государственную школу. Родители обеспечивают им набор дополнительных занятий, сочетая бесплатные опции с платными. Уроки английского языка (примерно с 10 лет), спортивные занятия — это обязательный минимум. Но, вероятнее всего, будут ещё какие-то дополнительные кружки или секции (что-то трендовое, например — программирование). На оплату занятий для одного ребёнка может уходить до 10 тыс. руб. (без услуг репетиторов, которые гораздо дороже). А если в занятиях спортом видится «профессиональная перспектива», то на это найдут больше денег. Сохраняется возможность отправить ребёнка на каникулы в хороший и не самый дешёвый лагерь, а для старшеклассников и выпускников — оплатить подготовку к поступлению в вуз (в том числе услуги репетиторов) и даже обучение в вузе среднего уровня. Но университеты, занимающие топовые позиции, недоступны. «Не экономить на детях» — это принципиальное условие для стандарта «Норма».

> *В нормальной жизни основная трата на детей — это их образование и развитие, дополнительные занятия. На бесплатные занятия или не попасть, или это вообще не так эффективно. Вот у моего ребёнка логопед, и это необходимость, я буду пытаться оплачивать эти занятия до конца* (36–45 лет, среднее образование, низкий доход, с детьми, г. Москва).

Родители в этом стандарте также участвуют в выборе вариантов образования и развития детей и не пускают этот процесс на самотёк.

Стандарт «Жить можно» экономит на расходах для детей и ищет бесплатные опции образования и развивающих занятий. Это предполагает обычный детский сад и государственную школу для ребёнка.

Репетиторов берут только в самых исключительных случаях (например, чтобы экстренно подтянуть предмет). Вместо частных уроков с большей вероятностью выберут лекции, находящиеся в открытом доступе в Сети. Дополнительные занятия представлены муниципальными кружками, и их немного (один-два кружка для ребёнка). Активно используются государственные сертификаты на кружки. Доступны только бесплатные или самые дешёвые варианты спортивных занятий. Возникают сомнения в отношении опции высшего образования для ребёнка из семьи данного стандарта из-за недостатка денег на хороших репетиторов и на платные места даже в самых средних вузах.

> *Ограничения репетиторов, секций и т. п., которые платные. Но бесплатного очень много в стране, люди, которые стали резидентами нашей страны недавно, активно водят своих детей в музыкалки, на спортивные мероприятия, везде. Мы пытаемся этим не пользоваться, но в ситуации тяжёлой тоже начнём* (36–45 лет, высшее образование, с детьми, высокий доход, г. Екатеринбург).

Респонденты считают, что, несмотря на все ограничения, родители прекрасно осознают необходимость заниматься образованием и развитием детей и готовы сами включаться в процесс по мере возможностей.

В **стандарте «Очень тяжело»** расходы на детей сводятся к удовлетворению базовых потребностей, особого внимания образованию и развитию детей не уделяется. Дети посещают муниципальные сады и государственные школы. Дополнительные занятия могут быть только на продлёнке в школе, даже бесплатные кружки и секции не пользуются спросом: во-первых, и в бесплатных кружках и секциях нужно зачастую доплачивать за форму, расходные материалы и т.п.; во-вторых, по мнению респондентов, в этом стандарте родители не слишком заинтересованы в развитии детей и не видят смысла в усложнении распорядка дня для них и для себя (нет понимания ценности образования как таковой). С наибольшей вероятностью дети из таких семей получат только общее среднее или среднее специальное образование.

> *Траты на ребёнка для меня актуальная тема. Я выбрал «Очень тяжело», потому что я не вижу никаких перспектив для ребёнка. Он получает школьное образование без дополнительных уроков, репетиторов, потому что я не могу это вытащить. А без этого не сдать ни ОГЭ, ни ЕГЭ потом* (36–45 лет, среднее образование, низкий доход, с детьми, г. Екатеринбург).

Сами родители в этом стандарте не пытаются или не могут (в силу недостатка компетенций или времени) заниматься образованием и развитием ребёнка.

Медицина и здоровье

Стандарт «Комфорт» предполагает первоочерёдность заботы о здоровье и повышенное внимание к нему, что выражается в разнообразии мер, которые являются доступными и постоянно используются. Можно не прибегать к услугам ОМС, а решать все вопросы в частных клиниках или по ДМС, полис которого оформляется на работе или покупается самостоятельно.

> *По поводу здоровья: и по полису ОМС, в целом, можно достойно лечиться, есть у нас доктора замечательные. Но есть другой вопрос — вопрос времени, очередей, явок, записи, которые никуда не делись. А есть частные клиники, которые тебя примут без очередей. И живём с комфортом, благополучием — это когда я не думаю, как бы мне записаться, выждать и попасть. Я иду в частную клинику и прохожу необходимое мне обследование, лечение быстро, без очередей, платно. Либо консультируюсь у профессора какого-то именитого, настолько*

> *грамотного, что каждому слову веришь, доверяешь. И я могу себе это позволить, могу попасть к нему за деньги* (46–55 лет, среднее образование, низкий доход, г. Ярославль).

В этом случае происходит не только обращение за лечением, но и активно применяются профилактические меры: ежегодные осмотры, регулярная проверка всего организма. Присутствуют и оздоровительные поездки в санатории или на лечение за пределы страны. Отдельная важная тема здоровья — это стоматология. В комфортной жизни предполагается регулярное посещение грамотного специалиста — «своего врача» — для профилактики. Если возникнет необходимость лечения и протезирования, то на это не придётся откладывать деньги, всё можно сделать довольно быстро. Имеется возможность покупать любые оригинальные лекарства по рекомендации врачей в любой подходящей аптеке, не обращая внимания на цены и не заниматься поиском более дешёвых аналогов.

В **стандарте «Норма»** предполагается сочетание бесплатной медицинской помощи и платных услуг. Большинство проблем решаются через ОМС по принципу «что можно сделать бесплатно — делаем бесплатно». Но если что-то надо решить оперативно (например, срочно попасть на приём к специалисту), то есть возможность обратиться к платным услугам.

> *Думаю, здесь чередуется бесплатная и платная медицина. В первый раз по какому-то вопросу надо идти в платную. Потом, в основном, конечно, бесплатная, но стоматология точно платная — чтобы были качественные материалы, но по доступной цене* (24–35 лет, среднее образование, низкий доход, г. Москва.)

Любое серьёзное заболевание, требующее дорогостоящего лечения, будет в данном случае вызовом семейному бюджету и приведёт к возникновению долгов. Но регулярная диспансеризация или проверки не воспринимаются как необходимые меры (и «лишних» средств на них тоже нет), а возможности оздоровительных поездок лимитированы: доступны санатории, но, скорее всего, это будут варианты с бесплатными или частично субсидируемыми путёвками. В категории платных услуг остаётся стоматология, однако возможности существенно сокращаются (например, эстетические стоматологические услуги становятся недоступными). Предпочтение отдаётся оригинальным лекарствам, однако покупаются они после долгого поиска лучших цен.

Для **стандарта «Жить можно»** платные медицинские услуги почти недоступны. Общая ситуация характеризуется не только ограничением возможностей, но и отсутствием соответствующих установок на заботу о здоровье. Посещение врачей избегается, в поликлинику идут в ситуации крайней необходимости или за больничным. Лечение проводится по ОМС и чаще всего в муниципальной поликлинике в своём регионе или городе. К платной медицине прибегают в исключительных случаях, когда других вариантов нет. Но оплатить её из текущего бюджета невозможно, приходится пользоваться кредитом или тратить накопления.

> *Можешь себе позволить вылечить только один зуб, а не все сразу — и то раз в полгода* (36–45 лет, среднее и высшее образование, средний доход, г. Москва).

В аптеке фармацевта просят подобрать самые дешёвые варианты медикаментов, переключаются на дженерики. Что касается превентивных и поддерживающих мер, поездка в санаторий возможна только по бесплатной путёвке. Согласно мнению респондентов, в этом стандарте распространены практики самолечения и обращения за советом по выбору медикаментов к фармацевтам в аптеке. Стоматология остаётся платной услугой, но рассчитывать приходится на самые бюджетные варианты. На лечение зубов нужно копить, поэтому сам процесс может растянуться на несколько месяцев.

В **стандарте «Очень тяжело»** абсолютно все платные услуги недоступны, средств на них у семьи нет. Можно рассчитывать только на медицинскую помощь в рамках ОМС. Могут быть проблемы с оплатой даже простых лекарств.

> *А здесь только домашняя медицина: чисто — подорожник, зелёнка и йод* (46–55 лет, среднее образование, низкий доход, г. Ярославль).

Согласно мнению участников фокус-групп, если члены семьи не относятся к категориям, которым положены бесплатные медикаменты, то лечение будет самым примитивным.

Финансовые инструменты

Для **стандарта «Комфорт»** вероятно активное включение в финансовый рынок, наличие разных банковских счетов, есть индивидуальные инвестиционные счета (ИИС), акции российских и зарубежных компаний, облигации, золото и монеты.

> *Ежемесячно инвестируешь, не надо месяцами копить на отпуск, и, если что, можно полгода не работать, жить на накопления и на пассивный доход* (36–45 лет, среднее и высшее образование, средний доход, с детьми, г. Москва).

В нарративах также встречается упоминание недвижимости как отдельного источника инвестиций и пассивного дохода.

У **стандарта «Норма»** вариативность финансовых инструментов невелика: есть зарплатные счета и связанные с ними банковские карты, дополненные накопительными вкладами или депозитами. Допускается, что в рамках этого стандарта люди могут «понемногу инвестировать», через самых известных брокеров, активно привлекающих массового потребителя.

> *Хватает на всё без излишеств, периодически могут позволить себе большее. И каждый месяц капает понемногу, откладывают на что-то крупное. Просто откладывать хотя бы. Чтобы доходов было чуть больше, чем расходов, чтобы ты мог регулировать* (24–35 лет, среднее образование, низкий доход, г. Москва).

Поскольку в данном стандарте нет закредитованности и долгов, кредитная карта активно не используется: она есть, но хранится как вариант «на чёрный день».

Стандарт «Жить можно» имеет зарплатные счета и карты, но на первый план выходит инструмент кредитования. Новые кредитные карты открываются для того, чтобы погасить долги по уже имеющимся (просрочки очень вероятны), кроме того, в практику входят микрозаймы.

> *Никаких накоплений тут нет — заработал и потратил. Только успевать платить по кредитам вовремя. И всё время компромисс и выбор — каждую статью бюджета надо высчитывать* (24–35 лет, среднее образование, низкий доход, г. Москва).

В **стандарте «Очень тяжело»**, конечно, тоже могут быть зарплатные или пенсионные карты. Ключевым финансовым инструментом становится микрозайм, реже — кредит, потому что уже есть большая закредитованность и банки отказывают.

> *Не дают* [кредиты]*, набрал в своё время кредитов — весь в долгах. Приставы стоят у порога* (46–55 лет, высшее образование, высокий доход, г. Ярославль).

Другие услуги

Акцент на других услугах (бытовые, услуги сферы красоты и т. п.), не отмеченных ранее, в нарративах фокус-групп не столь выражен, как все предыдущие темы, поэтому обозначим этот домен, кратко обобщая те сюжеты, которые прозвучали в оценках участников.

В **стандарте «Комфорт»** представлено максимальное разнообразие услуг. Имеются услуги широкого круга профессионалов или помощников: клининг или постоянная домработница, водитель и сервис такси, «свой» юрист, «свой» стоматолог и т. п. Если нужен ремонт, то ищут специалистов; в случае поломки техники и электроники стараются прибегать к услугам сертифицированных центров. В части ухода за собой — ежемесячное посещение салонов красоты, регулярные приёмы косметолога, в том числе с использованием дорогостоящих инъекций и аппаратной косметологии, активное посещение массажа и СПА-салонов.

> *Массаж обязательно, СПА, поплавать. Не просто спортивное плавание, а именно прийти, тебе сделали массаж, у тебя обстановка там. Это очень недешёвое удовольствие, если брать хороший салон* (24−35 лет, среднее образование, низкий доход, г. Екатеринбург).

В рамках **стандарта «Норма»** в списке остаются только услуги красоты, такси и ремонт. Возможно посещение салонов красоты среднего или экономкласса. Основные услуги — стрижки, маникюр и педикюр. Услугами косметолога пользуются редко или совсем отказываются от них. Пользование сервисом такси возможно, но оно ограничивается вызовом такси раз или два в неделю (строго по необходимости), и только машинами экономкласса. Изредка в рамках данного стандарта прибегают к каршерингу.

> *Ездить на работу на такси вместо общественного транспорта, когда проспал* (24–35 лет, среднее образование, низкий доход, г. Ярославль).

Когда требуется проводить большой ремонт в жилом помещении, нанимают рабочих, но, если речь идёт о косметической реновации, справляются своими силами.

В **стандарте «Жить можно»** остаётся совсем мало услуг. Салоны красоты практически недоступны. Максимально возможный набор — стрижка и маникюр, причём только в салонах экономкласса. Все остальные необходимые процедуры человек делает своими силами. Поводом для похода в салон красоты становятся праздники. Сервисом такси здесь почти не пользуются.

> *Ты всё ещё можешь передвигаться на такси, просто в каких-то исключительных случаях — срочно на собеседование. Не всегда* (18–23 года, студенты, г. Екатеринбург).

Ремонтные работы по дому и даче выполняются силами членов семьи; участники фокус-групп отмечают, что мужчины в этом стандарте «умеют всё делать сами».

В силу серьёзных финансовых ограничений в **стандарте «Очень тяжело»** возможность пользоваться какими-либо услугами практически отсутствует, поэтому в данном варианте фактически нечего перечислять: всё делают своими силами (если есть соответствующие умения) либо вообще ничего не предпринимают.

> *Никаких маникюров, никаких стрижек — сама себе будешь чёлку подстригать. Всё дома. Всё сама* (36–45 лет, среднее и высшее образование, средний доход, г. Москва).

Ремонт жилья, вероятнее всего, не проводится, так как для него нужно покупать материалы. Если ломается техника, то ею просто перестают пользоваться, поскольку ремонт и замена недоступны.

Обобщённый портрет и границы каждого потребительского стандарта

Четыре потребительских стандарта выглядят довольно яркими, однако некоторые черты у «смежных» стандартов фактически совпадают, а отдельные признаки формулируются в терминах «лучше — хуже», «больше — меньше» и т. п. И при чёткой на первый взгляд дифференциации типов, отдельным вопросом становится определение границ стандартов. Ниже остановимся на вопросе о том, какие изменения будут восприниматься участниками исследования как маркеры перемещения за пределы стандарта — подъёма или спуска на другую ступень. Речь пойдёт о красных линиях, выход за которые является стрессом для семей и, следовательно, триггером социального напряжения, и одновременно об оценке тех товаров и услуг, спрос на которые в разных стандартах максимально неэластичен.

Стандарт «Комфорт» во многом остаётся в представлении населения ещё допандемийным, он по-прежнему характеризуется максимальным разнообразием во всех категориях, свободой и спонтанностью выбора, возможностью получить персонифицированные продукты и сервис, в том числе «достать санкционное». Эмоциональный фон в этом стандарте спокойный и уверенный: возможно, приобретать привычное становится сложнее, но оно не исчезает из жизни. Важной чертой стандарта является *work-life balance*, а также равновесие между собственными интересами и интересами детей.

Основным маркером выхода за нижнюю границу этого стандарта является ограничение свободы передвижения и возможностей путешествовать по миру. Другие маркеры: проблемы с получением платной, но качественной медицинской помощи и лучших лекарств; отсутствие возможности обеспечить детям хороших репетиторов и качественное высшее образование в топовых вузах. Что касается товарных маркеров, упоминается потеря возможности купить новый автомобиль, не уступающий имеющемуся по классу и категории марки.

В **стандарте «Норма»** сочетается попытка удержать потребительские привычки, сформировавшиеся ещё до пандемии, и адаптироваться под актуальную ситуацию, пробуя замещать привычные товары и услуги альтернативами. Несмотря на необходимость подстраиваться под ситуацию, для стандарта «Норма» характерно ощущение некой стабильности и наличие возможности не только закрывать базовые потребности, но и «позволить себе что-то сверх необходимого».

Говоря о маркерах выхода за нижнюю границу стандарта, респонденты указывают на несколько важных признаков: возникновение долгов (в том числе неспособность регулярно и без чрезвычайной нагрузки для семейного бюджета делать платежи по ипотечному кредиту), отсутствие возможности выезжать на время отпуска в другие страны, полный переход на бесплатные услуги медицины и образования. Отдельно упоминается потеря возможности приобрести и содержать свой собственный автомобиль.

Стандарт «Жить можно» предполагает минимизацию всех статей расходов, в том числе на базовые нужды, и потерю возможности долгосрочного планирования. Утрачено ощущение стабильности и контроля над собственной жизнью. Характерной является экономия на многих статьях расходов, в том числе на продуктах питания, потреблении ЖКУ, транспорте и т. п. В целом этот стандарт сопряжён с постоянной тревогой за финансовое благополучие семьи.

Маркерами пересечения нижней границы стандарта являются следующие: закредитованность и жизнь в долг, низкое качество еды, скудность питании, отсутствие сил и возможностей для простого досуга, отпуска. Недоступность даже самых дешёвых кружков для детей и самой простой платной стоматологии[4], потеря возможности купить лекарства также будет свидетельствовать о переходе в наиболее бедственное положение.

Стандарт «Очень тяжело» в обобщённом виде представляется как плохая, бедственная жизнь, когда потребление сводится к удовлетворению базовых потребностей. Это стандарт выживания, борьба за преодоление которого шла в России 1990-х. В целом из этого стандарта уходят любое разнообразие и возможности выбора, а жизнь окрашена упадническими настроениями — убеждённостью в том, что изменить такое положение нельзя.

Но даже у того стандарта есть нижняя граница — бездомная жизнь и крайняя нищета, то есть переход к максимально депривированным и асоциальным слоям.

Дискуссия и заключение

В данной работе карта потребительских стандартов населения России сконструирована в сотворчестве исследователя и респондента. Не только описание доменов, но и сам их перечень определён по итогу проведения фокус-групп.

Важно отметить, что у россиян сформированы довольно чёткие представления о различных стандартах и разговор о соответствующих им потребительских практиках выстраивается довольно просто. Респонденты, независимо от их собственного социального положения (возраст, доход, уровень образования и проч.), консистентно описывают спектр стандартов. Такую согласованность взглядов нельзя объяснить наличием оторванных от реальности стереотипов, поскольку в ходе дискуссии разные группы участников говорили и о своих фактических повседневных практиках как представители того или иного стандарта.

Потребительские стандарты понимаются в данной работе как сложившиеся в сознании населения представления о наличии разных пакетов возможностей и повседневных практик у разных групп россиян. Выделено четыре потребительских стандарта — «Комфорт», «Норма», «Жить можно» и «Очень тяжело», которые можно рассматривать как идеальные типы. При последовательном переходе от первого к последнему наблюдается усиление ограничений: чем ниже уровень, тем сильнее люди руководствуются поиском низких цен и экономией и тем меньше их доступ к ассортименту. При этом такое поведение в ряде случаев является не вынужденной мерой в условиях дефицита доходов, но результатом собственного выбора, обусловленного культурным капиталом. При этом для наращения возможностей потребления в рамках одного домена вполне может быть использована стратегия экономии на субъективно менее важных компонентах.

Маркерами лучших возможностей, помимо прочего, становятся доступность спонтанных и компульсивных покупок, наличие времени на шопинг, а также не только дорогостоящие, но и разнообразные практики в различных сферах потребления.

[4] Обратим внимание, что платная стоматология воспринимается как базовое благо, которое должно быть доступно даже семьям с низким доходом. Говоря о нижней границе стандарта «Норма», респонденты указывают на переход к бесплатной медицине, но не бесплатной стоматологии. И только в случае выхода за границы стандарта «Жить можно» и перехода к стандарту «Очень тяжело» речь идёт о потере возможности обращаться за платной стоматологической помощью.

Говоря о стандартах, респонденты постоянно переключаются с описания характеристик с позиции «старой нормальности» на реальность последних лет, включающую ковидные ограничения и санкционное давление. Особенно заметны подобные нестыковки в описании самого высокого стандарта потребления, который отчасти представлен мифологемами, сформированными ещё в доковидные времена. Однако это даёт основание предположить, что возможность сохранять привычки допандемийной эпохи — это маркер принадлежности к более высокому потребительскому стандарту.

В любом случае мы видим некую ригидность представлений о потребительских стандартах. И один из немаловажных выводов исследования заключается в том, что стандарты меняются со временем (в том числе из-за появления новых товаров и услуг, развития технологий и т. д.), но происходит это не одномоментно.

Респонденты задают довольно высокую планку стандарту «Норма» и крайне примитивно описывают при этом стандарт «Жить можно». Вырисовывается следующая картина: население ориентировано на очень неплохую жизнь, но демонстрирует, что предел допустимого довольно далеко отстоит от нормальности.

Материалы фокус-групп позволили сделать предположения относительно некоторой дифференциации портретов потребительских стандартов, составленных со слов жителей разных типов поселений, россиян разных возрастных групп и представителей семей с детьми и без детей. Речь идёт не о противоречии во взглядах, но о разной степени детализации при описании стандартов. Например, молодые люди из столичного региона наиболее подробно описывают самый высокий потребительский стандарт, как максимально осведомлённые о нем, а взрослые без детей уделяют особое значение разнообразию досуговых практик, в то время как проживающие с детьми фокусируются на возможностях для их обучения и развлечения, а также на характеристиках жилья. Сюжет дифференциации мнений о потребительских стандартах, в том числе на разных этапах жизненного цикла, является одним из перспективных направлений продолжения исследования темы.

Полученные представления послужат основой для разработки количественного инструмента, который в дальнейшем позволит измерить степень распространённости тех или иных стандартов в современной России и оценить их консистентность.

Литература

Антонов А. И., Карпова В. М., Ляликова С. В. 2021. Соотношение желаемого и фактического благосостояния семей: по данным социолого-демографического опроса супружеских пар. *Уровень жизни населения регионов России*. 17 (1): 121–131. doi: 10.19181/lsprr.2021.17.1.9

Белопашенцева П. В. 2022. Что говорит о российской бедности депривационный подход? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 4 (170): 110–129. doi: 10.14515/monitoring.2022.4.2224

Бурдьё П. 2005. Различение: социальная критика суждения. *Экономическая социология*. 6 (3): 25–48. URL: https://ecsoc.hse.ru/2005-6-3.html

Веблен Т. 1984. *Теория праздного класса: экономическое исследование институций*. М.: Прогресс.

Выжутович В. 2019. Чепуренко: Средний класс как массовое явление в России так и не возник. *RG.RU*. URL: https://rg.ru/2019/01/21/chepurenko-srednij-klass-kak-massovoe-iavlenie-v-rossii-tak-i-ne-voznik.html?ysclid=lozuv83o2h660709686

Зиммель Г. 1996. Мода. В издании: Зиммель Г. *Избранное*: В 2 т. Том. 2: Созерцание жизни. М.: Юрист; 266–292.

Зубаревич Н. В. 2022. Рост цен и потеря привычек: как новый кризис изменит жизнь в российских регионах. *Forbes.* URL: https://www.forbes.ru/mneniya/458915-rost-cen-i-potera-privycek-kak-novyj-krizis-izmenit-zizn-v-rossijskih-regionah

Корчагина И. И., Прокофьева Л. М., Тер-Акопов С. А. 2019. Материальные депривации в оценках бедности. *Народонаселение*. 22 (2): 51–63. doi: 10.19181/1561-7785-2019-00015

Лежнина Ю. П. 2006. Особенности потребительского поведения состоятельных россиян. *Мир России. Социология. Этнология*. 15 (1): 101–126.

Мареева С. В. 2008. Имущественные характеристики и стандарты потребления. В кн.: Горшков М. К., Тихонова Н. Е. (отв. ред.) *Средний класс в современной России*. М.: Ин-т социологии РАН; 76–89.

Овчарова Л. Н. et al. 2013. От стандарта выживания к ответственному выбору. *Pro et Contra.* 17 (6): 6–34.

Овчарова Л. Н. et al. 2014. *Уровень и профиль бедности в России: от 1990-х годов до наших дней*. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ.

Овчарова Л. Н., Попова Д. О. 2013. Доходы и расходы российских домашних хозяйств: что изменилось в массовом стандарте потребления. *Мир России. Социология. Этнология*. 22 (3): 3–34.

Пишняк А. И. 2020. Динамика численности и мобильность среднего класса в России в 2000–2017 гг. *Мир России. Социология. Этнология*. 29 (4): 57–81. doi: 10.17323/1811-038X-2020-29-4-57-84

Радаев В. В. (отв. ред.) 2023. *Как россияне справляются с новым кризисом: социально-экономические практики населения*. Научные доклады факультета социальных наук. Вып. 1. М.: Изд. дом ВШЭ.

Чикирева В. М. 2007. Универсалистские нормы и стандарты потребления как конституирующие элементы глобального среднего класса. *Вестник ТГТУ*. 13 (2): 644–653.

Danes S. M. 1991. Locus of Control, Gap Between Standard and Level of Living, and Satisfaction: A Path Model. *Home Economics Research Journal.* 19 (4): 282–291.

Davis J. 1941. Consumption Level; Consumption Standard; Plane of Living; Standard of Living. *Journal of Marketing*. 6 (2): 164–166.

Deeming Ch. 2011. Determining Minimum Standards of Living and Household Budgets: Methodological Issues. *Journal of Sociology*. 47 (1): 17–34. doi: 10.1177/144078331038682

Edmond M. 2023. Careful Consumption and Aspirational Ethics in the Media and Cultural Industries: Cancelling, Quitting, Screening, Optimizing. *Media, Culture & Society*. 45 (1): 92–107. doi: 10.1177/01634437221099

Eliot T. D. (ed.) 1931. *American Standards and Planes of Living*. Boston: Gin & Co.

Halder P. et al. 2020. How National Culture and Ethics Matter in Consumers' Green Consumption Values. *Journal of Cleaner Production*. 265 (August): 121754. doi: 10.1016/j.jclepro.2020.121754

Hastings A., Matthews P. 2015. Bourdieu and the Big Society: Empowering the Powerful in Public Service Provision? *Policy & Politics*. 43 (4): 545–560. doi: 10.1332/030557314X14080105693951

Hoffer C. R. 1929. Research in the Standard of Living. *Social Forces.* 7 (3): 399–402.

Lohmann S. 2015. Information Technologies and Subjective Well-Being: Does the Internet Raise Material Aspirations? *Oxford Economic Papers.* 67 (3): 740–759. doi: 10.1093/oep/gpv032

Mondejar M. E. et al. 2021. Digitalization to Achieve Sustainable Development Goals: Steps towards a Smart Green Planet. *Science of the Total Environment*. 794 (November): 148539. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34323742/

Oliveira G. M., Vidal D. G., Ferraz M. P. 2020. Urban Lifestyles and Consumption Patterns. In: Leal Filho W. et al. (eds) *Sustainable Cities and Communities. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals*. Cham: Springer; 851–860.

Pribytkova E. A. 2016. Decent Social Minimum as a Matter of Justice. In: Gaisbauer H., Schweiger G., Sedmak C. (eds) *Ethical Issues in Poverty Alleviation. Studies in Global Justice.* 14. Cham: Springer; 43–56.

Rao N. D., Min J. 2018. Decent Living Standards: Material Prerequisites for Human Wellbeing. *Social Indicators Research.* 138: 225–244. doi: 10.1007/s11205-017-1650-0

Sen A. 1984. The Living Standard. *Oxford Economic Papers.* 36 (0): 74–90.

Sergeant J. 2014. *International Food Consumption Patterns and Global Drivers of Agricultural Production. Agriculture Issues and Policies.* New York: Nova Science Publishers, Inc.

Tuttle F. W. 1960. Standard of Living. *Social Science.* 35 (3): 184–189.

Zhu D. 2018. *Consumption Patterns of the Middle Class in Contemporary China.* Hackensack, NJ: World Scientific Publishing Co. Pte Ltd.

Alina Pishnyak, Natalia Khalina, Elena Nazarbaeva

The Consumer Standards in Russia: Key Features and the Limits

PISHNYAK, Alina I. — PhD in Sociology, Director of Centre for Studies of Income and Living, HSE University, Moscow, Russia. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: apishniak@hse.ru

KHALINA, Natalia V. — Research fellow of Centre for Studies of Income and Living, HSE University, Moscow, Russia. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: nkhalina@hse.ru

NAZARBAEVA, Elena A. — Research fellow of Centre for Studies of Income and Living, HSE University, Moscow, Russia. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: enazarbaeva@hse.ru

Abstract

The article discusses consumer standards existing today in Russia. Based on materials from 50 focus group discussions conducted in 2023, various types of standards are identified and a detailed description of the capabilities of each is provided in the context of individual consumption spheres (from purchasing food products to paying for medical and educational services). Four standards — "Comfort," "Norm," "Hard, but livable," and "Very bad" — illustrate the differentiation of society and provide insight not only into consumption benchmarks but also into markers of deteriorating financial status for different population groups. Notions of consumer standards are constructed in the population's consciousness based on income possibilities, and the final model is a hierarchical composition in which the transition from one standard to another occurs with changes in income. The progression from the 'Comfort' standard to the 'Very bad' standard involves increased choice constraints: the lower the level, the more people are forced to seek low prices and save, resulting in reduced access to a variety of products. Nevertheless, one can note the retention of standards of 'pre-pandemic normalcy' in the population's consciousness and a gradual acceptance of the reality of recent years. This indicates the rigidity of notions about consumer standards: they evolve over time (including due to the introduction of new products and services, technological advancements, etc.), but this evolution is not instantaneous.

Keywords: consumption; consumer standards; well-being; standard of living; quality of life; subjective evaluations; incomes; expenditures.

Acknowledgement

The work was carried out within the framework of the project "Consumption and economic behavior of households in Russia, 2025–2027" with the support of the Basicl Research Program of HSE University.

References

Antonov A. I., Karpova V. M., Lyalikova S. V. (2021) Sootnoshenie zhelaemogo i phakticheskogo blagosostoyaniya semey: po dannym sotsiologo-demographicheskogo oprosa supruzheskikh par [Gap between Desired and Actual Level of Families Well-Being According to the Results Sociological and Demographic Married Couples Survey. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia = Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, vol. 17, no 1, pp. 121–131. doi: 10.19181/lsprr.2021.17.1.9 (in Russian).

Belopashentseva P. V. (2022). Chto govorit o rossiysky bednosti deprivatsionnyy podkhod? [What Does the Deprivation Approach Say about Russian Poverty?] *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no 4 (170), pp. 110–129. doi: 10.14515/monitoring.2022.4.2224 (in Russian).

Bourdieu P. (2005) Razlichenie: sotsial'naya kritika suzhdeniya [Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 6, no 3, pp. 25–48. Available at: https://ecsoc.hse.ru/2005-6-3.html (accessed 5 March 2025) (in Russian).

Chikireva V. M. (2007) Universalistskie normy i standarty potrebleniya kak konstituiruyushhie elementy global'nogo srednego klassa [University Norms and Standards of Consumption as Constituting Elements of Global Middle Class]. *Transactions of the TSTU = Vestnik TGTU*, vol. 13, no 2, pp. 644–653 (in Russian).

Danes S. M. (1991) Locus of Control, Gap Between Standard and Level of Living, and Satisfaction: A Path Model. *Home Economics Research Journal*, vol. 19, no 4, pp. 282–291.

Davis J. (1941) Consumption Level; Consumption Standard; Plane of Living; Standard of Living. *Journal of Marketing*, vol. 6, no 2, pp. 164–166.

Deeming Ch. (2011) Determining Minimum Standards of Living and Household Budgets: Methodological Issues. *Journal of Sociology*, vol. 47, no 1, pp. 17–34. doi: 10.1177/144078331038682.

Edmond M. (2023) Careful Consumption and Aspirational Ethics in the Media and Cultural Industries: Cancelling, Quitting, Screening, Optimizing. *Media, Culture & Society*, vol. 45, no 1, pp. 92–107. doi: 10.1177/01634437221099

Eliot T. D. (ed.) (1931) *American Standards and Planes of Living*, Boston: Gin & Co.

Halder P., Hansen E. N., Kangas J., Laukkanen T. (2020) How National Culture and Ethics Matter in Consumers' Green Consumption Values. *Journal of Cleaner Production*, vol. 265, August, art. 121754. doi: 10.1016/j.jclepro.2020.121754

Hastings A., Matthews P. (2015) Bourdieu and the Big Society: Empowering the Powerful in Public Service Provision? *Policy & Politics*, vol. 43, no 4, pp. 545–560. doi: 10.1332/030557314X14080105693951

Hoffer C. R. (1929) Research in the Standard of Living. *Social Forces*, vol. 7, no 3, pp. 399–402.

Korchagina I. I., Prokofieva L. M., Ter-Akopov S. A. (2019) Materialnye deprivatsii v otsenkakh bednosti [Material Deprivations in Poverty Estimations]. *Population = Narodonaselenie*, vol. 22, no 2, pp. 51–63. doi: 10.19181/1561-7785-2019-00015 (in Russian).

Lezhnina Yu. P. (2006) Osobennosti potrebitel'skogo povedeniya sostoyatel'nykh rossiyan Particular [Features of Consumer Behavior of Well-To-Do Russians]. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology = Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, vol. 15, no 1, pp. 101–126 (in Russian).

Lohmann S. (2015) Information Technologies and Subjective Well-Being: Does the Internet Raise Material Aspirations? *Oxford Economic Papers*, vol. 67, no 3, pp. 740–759. doi: 10.1093/oep/gpv032

Mareeva S. V. (2008) Imushhestvennye kharakteristiki i standarty potrebleniya [Property Characteristics and Consumption Standards]. *Srednij klass v sovremennoj Rossii* [The Middle Class in Modern Russia] (eds. M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonov), Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, pp. 76–89 (in Russian).

Mondejar M. E., Avtar R., Diaz H. L. B., Dubey R. K., Esteban J., Gómez-Morales A., Hallam B., Mbungu N. T., Okolo Ch. Ch., Prasad K. A., She Q., Garcia-Segura S. (2021) Digitalization to Achieve Sustainable Development Goals: Steps Towards a Smart Green Planet. *Science of The Total Environment*, vol. 794, November, art. 148539. doi: 10.1016/j.scitotenv.2021.148539

Oliveira G. M., Vidal D. G., Ferraz M. P. (2020) Urban Lifestyles and Consumption Patterns. *Sustainable Cities and Communities. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals* (eds. W. Leal Filho, A. Marisa Azul, L. Brandl, P. Gökçin Özuyar, T. Wall), Cham: Springer, pp. 851–860.

Ovcharova L. N., Biryukova S. S., Popova D. O., Vardnyan E. G (2014) *Uroven' i prophil' bednosti v Rossii: ot 1990-kh godov do nashikh dney* [The Llevel and Pprofile of Ppoverty in Russia: Ffrom the 1990s to the Present Day], Moscow.: HSE Publishing House (in Russian).

Ovcharova L., Popova D., Pishnyak A., Shepeleva E. (2013) Ot standarta vyzhivaniya k otvetstvennomu vyboru [From a Sstandard of Ssurvival to a Responsible Choice]. *Pro et Contra*, vol. 17, no 6, pp. 6–34 (in Russian).

Ovcharova L. N., Popova D. O. (2013) Dokhody i rashody rossiyskikh domashnikh khozyaystv: chto izmenilos' v massovom standarte potrebleniya? [Cash Income and Expenditure of the Russian Population: What Are the Changes in Consumer Standards?] *Universe of Russia. Sociology. Ethnology = Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, vol. 22, no 3, pp. 3–34 (in Russian).

Pishnyak A. I. (2020) Dinamika chislennosti i mobil'nost' srednego klassa v Rossii v 2000–2017 gg. [The Population Dynamics and Mobility of the Middle Class in Russia, 2000–2017]. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology = Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, vol. 29, no 4, pp. 57–81. doi: 10.17323/1811-038X-2020-29-4-57-84 (in Russian).

Pribytkova E. A. (2016) Decent Social Minimum as a Matter of Justice. *Ethical Issues in Poverty Alleviation. Studies in Global Justice* (eds. H. Gaisbauer, G. Schweiger, C. Sedmak), vol. 14, Cham: Springer, pp. 43–56.

Radaev V. V. (ed.) (2023) *Kak rossiyane spravlyayutsya s novym krizisom: sotsial'no-ekonomicheskie praktiki naseleniya.* Nauchnye doklady phakul'teta sotsial'nykkh nauk [How Russians are Coping with the New Crisis: Socio-Economic Practices of the Population. Scientific Reports of the Faculty of Social Sciences], iss. 1, Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

Rao N. D., Min J. (2018) Decent Living Standards: Material Prerequisites for Human Wellbeing. *Social Indicators Research*, no 138, pp. 225–244. doi: 10.1007/s11205-017-1650-0

Sen A. (1984) The Living Standard. *Oxford Economic Papers*, vol. 36, no 0, pp. 74–90.

Sergeant J. (2014) *International Food Consumption Patterns and Global Drivers of Agricultural Production. Agriculture Issues and Policies*, New York: Nova Science Publishers, Inc.

Simmel G. (1996) Moda [Fashion]. Izbrannoe [Selected Works], 2 vols, vol. 2: *Sozertsanie zhizni* [Contemplation of Life], Moscow: Yurist, pp. 266–292 (in Russian).

Tuttle F. W. (1960) Standard of Living. *Social Science*, vol. 35, no 3, pp. 184–189.

Veblen Th. (1984) *Teoriya prazdnogo klassa: ekonomicheskoe issledovanie institutsii* [The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions.], Moscow: Progress (in Russian).

Vyzhutovitch V. (2019) Chepurenko: Sredniy klass kak massovoe yavlenie v Rossii tak i ne voznik [Chepurenko: Middle Class as a Mass Phenomenon Didn't Appear in Russia]. *RG.RU* Available at: https://rg.ru/2019/01/21/chepurenko-srednij-klass-kak-massovoe-iavlenie-v-rossii-tak-i-ne-voznik.html?ysclid=lozuv83o2h660709686 (accessed 23 November 2023 (in Russian).

Zhu D. (2018) Consumption Patterns of the Middle Class in Contemporary China, Hackensack, NJ: World Scientific Publishing Co. Pte Ltd.

Zubarevich N. V. (2022) Rost tsen i poterya privychek: kak novyy krizis izmenit zhizn' v rossiyskikh regionakh [Rising Prices and Loss of Habits: How the New Crisis will Change Life in Russian Regions]. *Forbes*. March 15. Available at: https://www.forbes.ru/mneniya/458915-rost-cen-i-potera-privycek-kak-novyj-krizis-izmenit-zizn-v-rossijskih-regionah (accessed 23 November 2023) (in Russian).

Received: August 13, 2024
Citation: Pishnyak A., Khalina N., Nazarbaeva E. (2025) Potrebitelskie standarty v vospriyatii naseleniya Rossii: osnovnye kharakteristiki i granitsy [The Consumer Standards in Russia: Key Features and the Limits]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiy*a, vol. 26, no 2, pp. 53–81. doi: 10.17323/1726-3247-2025-2-53-81 (in Russian).

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

М. Грэм, Ф. Феррари

Введение к книге «Цифровая работа на планетарном рынке»[1]

ГРЭМ Марк — профессор интернет-географии в Оксфордском институте Интернета Оксфордского университета. Адрес: Великобритания, OX1 3JS, г. Оксфорд, ул. Сейнт Джайлс, д. 1.

Email: mark.graham@oii.ox.ac.uk

Многие виды работ сегодня можно выполнять из любой точки мира. Цифровые технологии и повсеместный доступ к Интернету позволяют практически каждому связаться с любым человеком для общения и обмена файлами, данными, видео и аудио. Иными словами, работа может быть детерриториализована в масштабах планеты. В книге «Digital Work in the Planetary Market» («Цифровая работа на планетарном рынке») изучаются последствия для работы и работников ситуации, когда труд превращается в товар и выходит за пределы локальных рынков. Не ограничиваясь рамками привычных рассуждений о глобализации в духе «плоского мира», авторы исследуют как трансформацию самой работы, так и более широкие системы, сети и процессы, делающие возможной цифровую работу на планетарном рынке, предлагая как эмпирический, так и теоретический анализ.

Авторы коллективной монографии «Цифровая работа на планетарном рынке» — ведущие учёные и эксперты из разных областей — рассматривают различные вопросы, в том числе модерацию контента, автономные транспортные средства и голосовых помощников. Сначала они исследуют новый опыт работы и обнаруживают, что, несмотря на планетарные связи, труд остаётся географически привязанным и встроенным в определённые контексты. Затем анализируют способы картографирования и проблематизации планетарных сетей труда, обсуждают продуктивность использования многообразных и междисциплинарных подходов при изучении цифрового труда и его сетей и, наконец, предлагают варианты регулирования планетарного труда.

Журнал «Экономическая социология» публикует введение к книге, в котором редакторы-составители книги М. Грэм и Ф. Феррари проблематизируют усиливающиеся коммодификацию и глобализацию труда в результате расширения цифровых технологий.

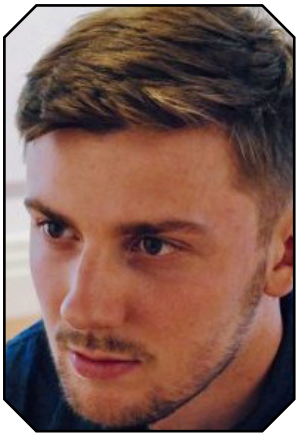
Ключевые слова: цифровая работа; глобализация; труд; сети; рынок; регулирование.

Введение

В провинциальном городке Уганды, до которого день добираться от ближайшего международного аэропорта, под телекоммуникационной вышкой раз-

Перевод с английского Софьи Щукиной.

[1] *Источник*: Грэм М., Феррари Ф. (ред.) (готовится к изданию) *Цифровая работа на планетарном рынке*. М.: Издательство Института Гайдара; перев. с англ.: Graham M., Ferrari F. (eds) 2022. *Digital Work in the Planetary Market*. Cambridge, MA: MIT Press.



ФЕРРАРИ Фабиан — DPhil, Оксфордский университет. Адрес: Великобритания, OX1 3JS, г. Оксфорд, ул. Сейнт Джайлс, д. 1.

Email: fabian.ferrari@oii.ox.ac.uk

местились несколько морских контейнеров. С одной стороны от вышки проходила главная дорога, соединяющая регион с остальной страной. С дороги контейнеры можно было и не разглядеть за маленьким киоском, где продавались снеки, газировка и карточки пополнения счетов мобильных телефонов. С другой стороны раскинулось высохшее поле. Мальчишки гоняли по нему мяч, а курица с выводком торопливо убегала от них. Трудно представить, что здесь может вестись работа над технологиями будущего. Но именно это там и происходило. В 2012 г. иностранная компания поставила в контейнеры компьютеры, подключила генераторы и провела беспроводной Интернет. После этого она наняла местных жителей для обучения систем машинного обучения компаний из Америки, Европы и Азии — они занимались классификацией и разметкой изображений и видео [Anwar, Graham 2020].

К 2017 г., когда один из нас посетил это место, спрос на такого рода услуги вырос настолько, что работу пришлось перенести из контейнеров в просторный офис (см. рис. 1). Триста человек работали здесь посменно, размечая данные для зарубежных заказчиков. На мониторах большинства сотрудников были фотографии американских пригородов, сделанные с уровня улицы, а сами они старательно обводили контуры всего, что было изображено на этих снимках: автомобили, дороги, здания — не пропуская даже птиц!

Источник: [Anwar, Graham 2020].

Рис. 1. Центр обучения ИИ в восточноафриканской глубинке

На вопрос о том, чем они занимаются, большинство сотрудников отвечали вполне корректно — разметкой изображений. Но стоило поинтересоваться, *зачем* это нужно клиенту и как он собирается использовать эти данные, они просто отвечали: «Нам об этом не говорят, им просто нужно много размеченных изображений».

На первый взгляд такую работу можно выполнять где угодно — хоть в Антарктиде, хоть посреди океана. Но есть одно важное условие: нужны люди,

готовые и способные этим заниматься. Этой проблеме и посвящена книга «Цифровой труд на планетарном рынке». Благодаря цифровой революции и всеобщему доступу к Интернету работа становится все более взаимосвязанной, а глобальные производственные сети[2] связывают заказчиков и исполнителей, вовлекая все больше людей, территорий и процессов по всему миру. В нашей книге мы собрали разные точки зрения, чтобы понять суть этого процесса и его влияние на современный труд и работников.

Наше исследование начинается с наблюдения, что все больше человеческой активности, в том числе трудовой, переходит в цифровое пространство. Даже самые личные и близкие контакты между людьми — будь то визит к врачу, торговля наркотиками или интимные отношения — порождают множество цифровых данных, которые неустанно собираются вездесущими устройствами. Эти данные становятся материалом для огромных потоков человеческого труда, преодолевающих национальные границы? — труда, словно освободившегося от пут географии и привязки к конкретному месту. От операторов колцентров в Ньюкасле до авторов студенческих работ на заказ в Найроби, от личных помощников в Нэшвилле до разметчиков данных в Нью-Дели — работники всё чаще становятся частью систем, которые анализируют, преобразуют и создают новые услуги и продукты на основе цифровых данных.

Многие крупнейшие мировые компании опираются на планетарные сети цифровых работников, обеспечивающие функционирование их продуктов и сервисов. Такие международные связи порой приводят к неожиданным ситуациям. Так, внешние подрядчики по всему миру, занимающиеся расшифровкой аудио для улучшения голосового помощника Siri от Apple, становились невольными свидетелями конфиденциальных медицинских консультаций, наркосделок и интимных моментов американских пар — всё это автоматически записывалось такими устройствами, как HomePod и Apple Watch [Hern 2019]. А подрядчики Amazon в Коста-Рике, Индии и Румынии занимаются обработкой, разметкой и систематизацией разговоров, записанных Alexa, для обучения систем распознавания речи Amazon [Day, Turner, Drozdiak 2019]. Подрядчики Google занимаются разметкой записей Google Assistant [Wong 2019], Facebook[3] привлекает индийских подрядчиков для расшифровки приватных голосовых сообщений пользователей [Frier 2019]. Некоторые комментаторы считают это вопиющим нарушением приватности. Однако такие случаи ясно показывают, как труд и извлекающие из него ценность сети всё глубже встраиваются в планетарные системы. Поскольку всё больше видов работы превращается в товар и начинает продаваться не только на местных рынках труда, мы хотим сфокусироваться в этой книге на тех системах экономического производства и потребления, которые стремятся преодолеть — или, по крайней мере, игнорируют — географическую привязку к месту выполнения работы.

На протяжении большей части человеческой истории для экономического производства и торговли требовались определённая синхронность и физическая близость [Graham, Anwar 2018]. Близость обеспечивала синхронность, без которой невозможен был обмен деньгами и товарами, купля-продажа рабочей силы, а также обмен явными и неявными знаниями о товарах и участниках сделок [Fevre 1992]. Рынки труда не обязательно нуждались в *строго определённом* времени и месте для своей работы, *какие-то* временные и пространственные рамки всё же были необходимы, хотя бы потому, что участникам любого рынка нужно знать, когда и где может состояться обмен. Но если работа становится всё более цифровой и может передаваться через пространство, как это меняет пространственную и временную природу трудовых отношений?

[2] Согласно М. Гессу, глобальная производственная сеть представляет собой «систему взаимосвязанных функций и операций, обеспечивающих производство, распределение и потребление товаров и услуг» [Hess 2018: 2].

[3] Принадлежит *Meta Platforms Inc.,* которая признана в России экстремистской организацией и запрещена. — *Примеч. ред*.

С развитием транспортных и коммуникационных технологий человечество научилось управлять пространством и временем через контроль над инфраструктурой и построенными на её основе системами [Castells 2000; Harvey 2001]. Каждая технологическая революция — будь то появление парохода, телеграфа или Интернета — приводила к сжатию мира. Сегодня оптоволоконные кабели связывают все основные населённые уголки планеты [Graham, Andersen, Mann 2015]. Господство над пространством через колоссальную инфраструктуру, проложенную через моря и континенты (см. рис. 2), устранило и временные преграды для виртуального общения. За редкими исключениями, кабели и сопутствующие беспроводные сети позволяют практически каждому из нас мгновенно связаться с кем угодно и где угодно для синхронного общения через обмен файлами, данными, видео и звуком.

Источник: Электронный архив фотографий Alamy Limited.

Рис. 2. К побережью кенийского города Момбаса 12 июня 2009 г. был подведён первый подводный оптоволоконный кабель в Восточной Африке

До этого момента Восточная Африка оставалась последним густонаселённым регионом планеты, не включённым в планетарную сеть.

Это мнимое исчезновение пространственно-временных границ, разумеется, не новое явление. В 1990-х киберутописты представляли, что Интернет создаст киберпространство, где человечество сможет существовать в виртуальной форме. Как громко заявил Джон Перри Барлоу в Давосе в 1996 г. в своей «Декларации независимости киберпространства», «я пришёл к вам из киберпространства, новой обители Разума. Во имя будущего я прошу вас, живущих в прошлом, оставьте нас. Вы — незваные гости среди нас, и ваша власть не простирается туда, где собираемся мы» [Barlow 1996]. В этом завораживающем образе будущего возможно освобождение от материальной реальности — она просто остаётся позади, а мы выходим за её пределы. Однако к первому десятилетию XXI века возник совсем иной образ планетарного единства, не тот, где все переместятся в единое киберпространство, а тот, где просто исчезнут пространственные барьеры. Пожалуй, лучше всего эту идею преодоления пространственных ограничений выражена в книге Томаса Л. Фридмана «Плоский мир» [Friedman 2005]. С этой точки зрения, мир превращается в территорию равных возможностей, где теоретически всё что угодно можно делать откуда угодно [Graham 2015].

Оба этих образа будущего строились на необоснованной экстраполяции, превращавшей простой факт (возможность мгновенной связи повсеместно благодаря информационно-коммуникационным технологиям) в метафору для громких заявлений о конце расстояний, о плоском мире и утопическом виртуальном киберпространстве где-то за пределами привычной реальности. Однако эти красивые и манящие образы лишь маскируют многочисленные способы сохранения значения в пространстве местоположения и расстояния.

Географы не заставили себя ждать с ответом: одна за другой выходили статьи, в которых доказывалось, что, несмотря на всеобщую цифровизацию, география всё ещё важна [Morgan 2004; Clare 2013]. Как часто бывает с технологическими предсказаниями, неожиданно захватывающими общественное воображение, на опровержение громких заявлений о конце географии ушло куда больше сил, чем на их создание. Но даже когда учёные занимались критикой и разбором преувеличенных утверждений о конце географии и исчезновении расстояний, ключевые идеи этих заявлений всё ещё имели широкое распространение в дискуссиях о глобализации. Говорим ли мы о глобализации, глобальном рынке или глобальной деревне, определение «*глобальный*» отсылает к чему-то, что находится где-то не здесь, но и нигде конкретно, — к пространству без координат, существующему одновременно везде и нигде.

Готовя эту книгу и собирая в ней различные взгляды, мы стремились преодолеть господствующие в дискурсе о глобализации идеи смерти расстояния, плоского мира и значимости географии. Мы используем термин «планетарный», который предлагает фундаментально иной взгляд на мировой рынок как на систему взаимосвязей. Полностью преодолеть значение места, расстояния и пространственного положения невозможно (даже цифровые данные передаются по физической инфраструктуре и хранятся на серверах, находящихся в конкретном месте и юрисдикции), однако планетарный масштаб связности придаёт этим факторам совершенно иное значение. Нам важно подчеркнуть, что современные сети простираются по всему земному шару, избегая трактовки глобального как пространства вне географических координат. Этот подход не позволяет нам абстрагироваться от реально существующей экономической географии труда, а заставляет задавать практические, теоретические и нормативные вопросы о том, как она будет влиять на взаимодействия и трансакции планетарного масштаба и изменяться под их влиянием.

Взяв это положение за отправную точку, мы выстраиваем книгу вокруг двух основных направлений. Первое — понимание трансформации труда на планетарном рынке: что значит быть частью цифровой производственной сети, как искусственный интеллект (ИИ) меняет географическую привязку рабочих процессов и какие возможности для улучшения условий труда и выхода из товарных отношений есть у работников, встроенных в непрозрачные производственные сети. Второе — анализ более широких систем, сетей и процессов, которые формируют цифровой труд на планетарном рынке и меняются под его влиянием. В книге исследуется, как транснациональные сети машин и людей объединяются в цепочки создания стоимости; как эти сети и их участники взаимодействуют с экономической географией; как материальность и нематериальность, привязка к месту и отсутствие такой привязки влияют на тех, кто извлекает стоимость из цифрового труда и выполняет его; как можно теоретически описать различные формы управления и неравенства в этих планетарных сетях.

Разумеется, пытаться проследить историю планетарного мышления в социальных науках — всё равно что гнаться за призраком. Сам термин «планетарное мышление» является предметом споров, встречается повсеместно и с трудом поддаётся определению, поэтому мы не стремимся представить этимологическую или интеллектуальную историю планетарного мышления в социальных науках. Вместо этого мы применяем концепцию планетарного рынка для анализа трудовых сетей, которым свойственны планетарный размах, конъюнктурная география, фрагментация и кластеризация, платформы коммодификации, а также планетарная конкуренция и сопротивление. Далее мы рассмотрим каждую из этих характеристик.

Планетарный размах

По состоянию на начало 2021 г. доступ к Интернету имели более пяти миллиардов человек — почти две трети жителей планеты[4]. Если не брать в расчёт Северную Корею, в мире нет мест, где было бы проблематично получить высокоскоростное интернет-соединение. В теории подключиться к всемирной сети можно практически везде на Земле. Как следствие, всё больше мировой работы передаётся по сетям в цифровом формате; причём во многих отраслях производство, координация и передача результатов могут осуществляться полностью в цифровом виде. Для большинства задач доступность связи теперь потенциально перестаёт определять географию производства — на карте подключений не осталось недоступных мест.

Начиная с 1980-х гг. либерализация международной торговли и прогресс в сфере международных перевозок и телекоммуникаций открыли путь к растущей интернационализации экономической деятельности и обострению конкуренции. Изменения в структуре мировых цепочек поставок и характере занятости, начавшиеся в тот период, продолжают развиваться. На уровне предприятий компании перестраивают свою деятельность, выводя вспомогательные функции за рубеж, на аутсорсинг, чтобы воспользоваться преимуществами разных регионов с точки зрения квалификации кадров, затрат и условий ведения бизнеса, а также повысить гибкость и конкурентоспособность. В мировом масштабе эта перестройка корпораций привела к формированию нового международного разделения труда, когда не только целые отрасли, но и отдельные функции внутри отраслей сосредоточились в определённых местностях. Наиболее ярким примером стал перевод ведущими компаниями своих вспомогательных подразделений из стран с дорогой рабочей силой в крупные сервисные центры в странах с более дешёвой рабочей силой, включая Индию и Филиппины [Peck 2017].

В нашей книге поднимается вопрос о том, как современная цифровая география повлияет на будущее труда — подобно тому, как география коммуникаций в 1980-х и 1990-х определила экономическую географию аутсорсинга и офшоринга. Так, в главе 7 Бретт Нильсон анализирует создание китайским цифровым гигантом Alibaba так называемой Цифровой зоны свободной торговли в Малайзии. По его мнению, взаимосвязь между геополитическими силами, складской логистикой и управлением трудом невозможно объяснить через призму китайско-американского экономического соперничества — она намного сложнее и неоднозначнее. В главе 9 Ханна Джонстон также показывает, как геополитические факторы (в частности, недавние санкции США против Венесуэлы) создали уникальный контекст для цифрового труда. Несмотря на то, что цифровые трудовые платформы[5] стали спасением для многих венесуэльцев в условиях продолжающегося экономического кризиса, Джонстон отмечает, как геополитические конфликты нарушают работу важнейших цифровых инфраструктур, например — платёжных систем. Найти работу на платформах для дополнительного заработка венесуэльцы могут без большого труда, но получить оплату за неё в условиях экономических санкций — совсем другое дело. В целом, эти главы показывают, что в формировании цифрового труда на планетарном рынке геополитика играет не менее важную роль, чем простая связность и предложение рабочей силы.

---

4 См.: https://www.internetworldstats.com/stats.htm

5 Цифровые трудовые платформы представляют собой комплекс цифровых инфраструктур, которые выступают посредником между потребителями и работниками, соединяя спрос на труд с его предложением. Чаще всего такая инфраструктура находится под контролем одной компании как её собственный ресурс. Впрочем, встречаются случаи, когда контроль осуществляют сразу несколько экономических игроков. В этой книге мы выделяем два типа платформ: платформы с географической привязкой, где работа должна выполняться в определённом месте (например, доставка еды из ресторана или перевозка пассажира в пределах города), и облачные платформы, организующие работу, которую теоретически можно заказать и выполнить из любой точки мира. Заказчики, или клиенты, из одной страны могут через такие платформы находить исполнителей в любой точке планеты.

С вовлечением всё большего числа работников и мест в этот рынок капитал находит всё больше точек для извлечения прибавочной стоимости, что приводит к двум последствиям. Во-первых, мест, откуда можно выполнять цифровую работу и работу с цифровой составляющей, теперь становится всё больше. Поскольку большая часть цифровой работы требует сравнительно небольших капиталовложений, а её результаты легко передаются по сетям, возникают условия для всемирной перестройки экономических сетей производства и потребления. Во-вторых, работа, не требующая создания материального продукта, физическая дистанция между работниками, начальством и клиентами может возрастать многократно. Эти особенности планетарного рынка определяют трансформацию работы. В главе 11 Джеймс Стайнхофф исследует ситуацию со специалистами по науке о данных (*data science workers*) и доказывает, что, хотя эта рабочая сила распределена по всему миру, она в основном связана с влиятельными компаниями из определённых регионов, прежде всего — США и Китая. Используя понятие «рабочая сила», Стайнхофф описывает пролетаризацию работы в сфере науки о данных, то есть снижение её редкости и обесценивание её содержания, включая роль цифровых платформ в трансформации задач и сетей.

Впрочем, теоретическая возможность всеобщей связанности вовсе не означает её практической реализации. Существует и всегда будет существовать множество неподключенных и нерыночных альтернативных экономик [Gibson-Graham 2006; Graham 2019a]. Однако, когда капитал становится всё менее привязанным и охватывает весь земной шар, становится ясно, что механизмы регулирования и международные организации должны приспособиться к новой реальности. Рассматривая раннюю историю Международной организации труда (МОТ) как системы международного регулирования труда, Жанин Берг в главе 16 показывает, что технологический прогресс «выявил ограниченность трудового законодательства, привязанного к физическим юрисдикциям и созданного для производства материальных товаров». Разрыв между новыми трансграничными трудовыми сетями и национальными системами регулирования требует, по её мнению, создания новой международной системы управления цифровым трудом на планетарном рынке.

Конъюнктурная география

В последние годы сложилось представление о цифровой работе и производстве как о процессах, происходящих «в облаке». Складывается впечатление, что информационные потоки в облаке не подчиняются физическим законам, географическим ограничениям и регуляторному контролю [Hu 2015; Amoore 2020]. Подобно обычным облакам, парящим над головой, они неосязаемы и вездесущи. Представление об облаках (или киберпространстве) как о чём-то нематериальном и не привязанном к реальному миру и физическому пространству во многом определило сегодняшнее цифровое воображаемое [Graham 2019b]. Цифровое воспринимается как нечто, существующее где-то в другом измерении. Дж. Пек и Р. Филлипс, анализируя механизмы платформенного капитализма, отмечают, что «матричные свойства платформ создают иллюзию их одновременного присутствия везде и нигде — их предпочтительный адрес, что неудивительно, то есть “облако”» [Peck, Phillips 2021: 82].

Мы отталкиваемся от понятия «геометрия власти», разработанного Дорин Месси [Massey 1991; 2005]. Это означает отказ как от противопоставления онлайн- и офлайн-миров, так и от взгляда на географию как на нечто, поддающееся уплощению или сжатию. Вместо этого пространство можно понимать как «переплетение моментов в сетях социальных отношений и представлений, где большая часть этих отношений, опыта и представлений формируется в масштабах, далеко выходящих за пределы того, что мы в данный момент определяем как место — будь то улица, регион или даже континент» [Massey 1991: 28]. Такой взгляд на пространство позволяет понять, как мобильность и связность одних людей и мест способствует закреплению маргинального положения других. Планетарный рынок не вписывается в рамки евклидовой геометрии с её представлением о том, что пространство нужно по-

нимать через физические территории и географические координаты, где любую позицию можно точно обозначить на карте. По словам Бенджамина Браттона, «плоские карты мирового пространства не способны отразить все накладывающиеся друг на друга слои, которые создают сложную вертикальную структуру юрисдикций, или то, как мы уже используем их для проектирования и управления нашими мирами» [Bratton 2016: xvii]. Другими словами, нам нужно найти новые подходы к пониманию пространства, места, расстояния, близости и связности, приняв во внимание, что работа может перемещаться во времени и пространстве с помощью цифровых технологий.

В нескольких главах книги предлагаются и используются новые подходы к пониманию пространства, места, расстояния, близости и связности на планетарном рынке. В главе 8 Флориан А. Шмидт исследует взаимосвязь между развитием беспилотных автомобилей и растущей потребностью в данных, размеченных людьми, для обучения систем искусственного интеллекта. Он описывает появление специальных платформ для обработки обучающих данных, которые привлекают территориально распределённых разметчиков и экспериментирует с различными уровнями организации человеческого труда — системами поддержки и контроля на основе ИИ, субавтоматизацией и субаутсорсингом. Мэтью Хокенберри в главе 15 анализирует роль мобильного телефона в современных логистических сетях. На примере сервиса доставки Amazon Flex он рассматривает мобильный телефон как связующее звено (*interface*) между локальными распределительными центрами и масштабными программными системами планетарного производства. Эта связь, как показывает он, важна для понимания властных отношений в гиг-экономике и её методов цифрового управленческого контроля.

Если рассматривать связности не как оторванные от реальности онлайн-взаимодействия, а как часть транслокальных геометрий власти, то рынок труда и услуг характеризуется конъюнктурной географией [Graham 2020] — ситуацией, когда экономические субъекты одновременно встроены в местные контексты и отделены от них. В главе 2 Чжан Линь, опираясь на полевые исследования в деревне электронной торговли в китайской провинции Шаньдун, показывает, как местные традиции ремесленного производства особым образом переплетаются с планетарными системами капиталистического производства — в частности, с принадлежащей Alibaba торговой платформой Taobao.com. Чжан разрабатывает концепцию платформизированного семейного производства и исследует его многочисленные противоречия в китайской деревне. Тем самым она уравновешивает западноцентричность исследований цифрового труда, превращая Китай в методологический инструмент, вместо того чтобы объективировать его.

Цифровое в каждом из этих случаев оказывается двойственным: оно есть и его нет, оно привязано к месту и оторвано от него, материально и нематериально. Вопреки представлениям о чистой нематериальности или виртуальности, цифровое создаётся и поддерживается человеческим трудом — прокладкой кабелей и трубопроводов, запуском спутников, обслуживанием серверов, добычей металлов и минералов, техническим обслуживанием и многим другим. В главе 19 Хоана Молль и Хара Роча рассматривают простое повседневное действие — покупку книги на Amazon — и показывают, что его последствия совсем не тривиальны. Всего несколько кликов запускают работу огромного механизма, требующего колоссальных энергозатрат. В нескольких главах рассматривается, как работа и работники могут одновременно получать новые возможности и терять их из-за зависимости от компаний, платформ, инфраструктур и трансграничных сетей. Эти сети непрозрачны, мимолётны и переменчивы, они обеспечивают мгновенное взаимодействие, но их узлы и рёбра всегда существуют в *конкретном месте*, а не в абстрактном пространстве. Доступ к этим возможностям и способность их использовать распределены очень неравномерно. Одна из основных задач книги — показать, как влиятельные игроки с помощью контроля над конъюнктурной географией усиливают свои позиции на планетарном рынке.

Фрагментация и кластеризация

Даже в гиперсвязанном мире платформ экономическая география остаётся неоднородной, кластеризованной и фрагментированной. Теоретическая *возможность* заказывать и выполнять информационную работу из любой точки вовсе не означает, что так и *будет* происходить на практике. Планетарный рынок позволяет преодолеть пространственные ограничения, исторически сдерживавшие и работодателей, и работников, но экономическая деятельность в его пределах по-прежнему определяется разноуровневыми и асимметричными факторами — технологическими, политическими, социальными, культурными и институциональными. А возможность управлять этими пространственными по своей сути инфраструктурами и использовать их для преодоления пространства и времени распределена неравномерно. Хотя планетарные сети, в которые встроена большая часть цифровой работы, кажутся нам непрозрачными и непостижимыми, одна из главных задач этой книги — предложить путь к их пониманию через описание ключевых мест производства и потребления.

В последние годы исследователи всё чаще отмечают, что переплетение физического и интеллектуального труда в разных частях планеты стало определяющей чертой современных производственных сетей, размывая границы между цифровыми, физическими и биологическими уровнями извлечения ресурсов и эксплуатации [Mezzadra, Neilson 2017; Crawford 2021]. Так, для производства умных колонок Amazon Echo требуются редкоземельные металлы вроде неодима. В то же время искусственные нейронные сети голосового ассистента Amazon Alexa нуждаются в когнитивном труде привлечённых работников для разметки больших обучающих наборов данных[6]. Эту однообразную и строго регламентированную работу, как показывают Паола Тубаро и Антонио Казилли в главе 10, часто выполняют внешние сотрудники. По мнению авторов главы, нарушения приватности и использование разницы в стоимости труда — две стороны одной медали; они утверждают, что обязанности привлечённых работников, прослушивающих записи таких устройств, не ограничиваются расшифровкой и разметкой разговоров для самообучения алгоритмов распознавания речи.

Есть ряд подходов, помогающих понять контраст между рекламной картинкой современных цифровых технологий как идеальных или даже магических систем и суровой реальностью их зависимости от труда работников на другом конце света. Джейтан Садовски в главе 13 показывает, как технологические компании, создавая ореол таинственности вокруг реальной работы систем с искусственным интеллектом, пытаются замаскировать роль человеческого труда в их создании. Как отмечается, этот фокус неразрывно связан с тем, что желание получить ИИ в одних местах попирает права людей в других. Вводя термин «планетарный потёмкинский ИИ», Садовски показывает, что самые известные примеры ИИ — не более чем витрина его будущих возможностей, эффектный фасад из громких обещаний, за которым предприниматели прячут человеческий труд для привлечения венчурного капитала.

Это явление назвали парадоксом автоматизации последней мили [Gray, Suri 2019: 1]. По сути, развитие систем ИИ приводит к быстрому появлению и исчезновению временных рынков труда, обслуживающих новые задачи с участием человека, которые прежде не существовали. Развивая идеи критической политэкономии, Х. Экбия и Б. Нарди предлагают новый термин — «гетеромация», обозначающий «извлечение экономической выгоды из дешёвого или бесплатного труда в компьютерных сетях» [Ekbia, Nardi 2017: 22]. Это явление, в котором они видят «новую логику накопления капитала» [Ekbia, Nardi 2017: 22]. А. Тейлор, вводя понятие «мнимая автоматизация» (*fauxtomation*), показывает, что

[6] Искусственные нейронные сети (ИНС) — это вычислительные системы, имитирующие работу нейронных связей в мозге. В некоторых ИНС используются методы глубокого обучения, когда их многочисленные слои «не создаются инженерами, а формируются на основе данных» [LeCun, Bengio, Hinton 2015: 436]. Хотя история ИНС началась ещё в прошлом веке, решающее значение для их развития после 2012 г. имело сочетание нескольких факторов: появление больших наборов данных для обучения, размеченных человеком; современные алгоритмы для выявления паттернов и колоссальные вычислительные мощности для решения задач моделирования.

многочисленные наблюдения социалистического феминизма, касающиеся парадоксального взаимодействия домашнего труда и технологий, помогают опровергнуть прогнозы о полной автоматизации [Taylor 2018]. Как точно подметил Н. Сивер, «если вы не видите человека в системе (*human in the loop*), просто нужно взглянуть на систему шире (*bigger loop*)» [Seaver 2018: 378]. Иными словами, опасность планетарного рынка не в том, что работа выполняется *нигде*, а в том, что *неважно, где* она выполняется. Стоит ли вкладываться в местные рынки труда, если следующий исполнитель доступен всего за один клик?

В географии и социологии существует целый ряд концепций, описывающих, как производственные системы связывают разные места, используют различия между ними и создают при этом крайне непрозрачные сети. Глобальные товарные цепочки, глобальные цепочки создания стоимости, глобальные производственные сети — все эти подходы направлены на изучение неоднородных отношений между территориально разобщёнными участниками. Однако когда речь идёт о цифровых товарах и услугах, включая платформы социальных сетей, сложно проследить цепочку производства в обратном направлении, поскольку такие системы постоянно меняются и редко имеют устойчивую структуру. В главе 5 Сана Ахмад и Мартин Кшивдзиньский исследуют важнейший вид такой работы — модерацию контента. Несмотря на повышенное внимание к этой теме в эпоху социальных сетей, порождающих потоки ненависти и дезинформации, устройство цепочек создания стоимости в сфере модерации контента по-прежнему скрыто от посторонних глаз. На основе полевых исследований в Индии Ахмад и Кшивдзиньский пытаются заполнить этот пробел, показывая работу и жизнь модераторов контента. В скрытых узлах даже самых фрагментированных цифровых производственных сетей всегда есть реальные люди, создающие конечный продукт.

Платформы коммодификации

В эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» немецкий философ Вальтер Беньямин убедительно доказывает, что фундаментальные изменения в способах воспроизведения искусства радикально меняют его эстетическое, социокультурное и политическое восприятие в обществе [Benjamin 1969]. По словам Беньямина, ритуализированный процесс технического воспроизведения разрушает ауру произведения искусства, отнимая у него уникальную эстетическую силу — его неповторимость. Когда искусство становится воспроизводимым во времени и пространстве, механическое разрушение подлинности перекраивает границы между частным и публичным; и это преображает течение общественной жизни.

Не обязательно разделять позицию Франкфуртской школы, чтобы увидеть, насколько идеи Беньямина важны для понимания цифрового труда на планетарном рынке. Основной посыл нашей книги в том, что многие виды работы превратились в товар, которым стало проще торговать и управлять. Всё больше работы выполняется и упаковывается в формате, понятном машинам. Повсеместное использование стандартных инструментов, файлов, процессов и протоколов, торговля в общих системах, на цифровых платформах и в сетях, оценка через единые системы рейтинга и репутации — всё это делает работу узнаваемой, доступной для поиска и продажи в масштабах планеты. Сложившиеся материальные инфраструктуры вычислений, международные стандарты и мировые платёжные системы позволяют включать в более широкие производственные системы работу, разбитую на части, пригодные для превращения в товар. В мире воспроизводимых цифровых инфраструктур нет больше *terra incognita*.

Речь не о том, что география больше не важна. Вовсе нет. Цифровые производственные сети располагаются именно там, где для них созданы наиболее благоприятные политико-экономические условия. В главе 14 Ник Срничек задаётся вопросом, является ли ИИ технологией централизации, усиливающей концентрацию власти и капитала, и доказывает, что формирующаяся планетарная цепочка стои-

мости ИИ отличается глубоким неравенством. Критически анализируя представление о данных как единственном серьёзном конкурентном преимуществе нескольких китайских и американских платформенных компаний, Срничек указывает на два ключевых фактора монополизации — вычислительные мощности и труд. В своей главе Срничек расширяет наши теоретические и политические горизонты, выводя дискуссию за рамки узкого обсуждения данных и датафикации. С этой точки зрения, технологические гиганты не просто *отражают* устройство планетарного рынка; они *формируют* его. Некоторые платформенные компании выросли настолько, что теперь «действуют как жизненно важные инфраструктуры в масштабах всего мира <...> а отказ от них стреножит социальную и культурную жизнь» [Plantin, Punathambekar 2018: 2], поэтому критически важно разобраться в их политической экономии.

Цифровые производственные сети через непрозрачные и часто неотслеживаемые каналы связывают работников с объектами и предметами их труда так, что физическая близость становится не просто ненужной — системы специально проектируются, чтобы её избежать. При этом в нескольких главах книги показано, как планетарные системы работают на изоляцию работников друг от друга, от других звеньев производственной цепочки и от их собственного местного окружения. В главе 6 Андреас Хакл исследует социальные предприятия, которые используют цифровые трудовые платформы, предоставляя беженцам работу по разметке изображений. Изучив положение сирийских беженцев в Ливане, Хакл критически рассматривает возможности цифровой интеграции в условиях жёстких ограничений на местном рынке труда, связанных с государственной политикой по исключению и контролю иммигрантов.

Важно отметить, что коммодификация распространяется не только на трудовой процесс. На самом деле она может проникать в наши самые близкие социальные связи, включая отношения с друзьями и семьёй. В главе 4, основанной на этнографических исследованиях в Джакарте, Юхан Линдквист изучает работу служб маркетинга в социальных сетях — компаний, которые занимаются созданием и перепродажей подписчиков, лайков, комментариев, просмотров и тому подобного. В центре описанных им цифровых производственных сетей находится сочетание автоматизации снизу, трансформирующихся патрон-клиентских отношений в контексте урбанизации и предпринимательского стремления к лучшему. Линдквист описывает, как предприниматели в Джакарте вовлекают друзей, соседей и родственников в теневую деятельность на полях (западных) социальных сетей. Он показывает, что работа опирается не только на конкретные пространственные и городские условия, но и на превращённые в товар социальные отношения производства. Перефразируя Маркса и Энгельса, можно сказать, что потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит платформенных капиталистов по всему земному шару; платформа всюду должна внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи [Marx, Engels 2008: 38][7].

Планетарная конкуренция и сопротивление

Когда мировые инфраструктуры и надстроенные над ними системы обеспечивают прозрачность результатов и процессов, труд внутри этих систем становится ходовым товаром в планетарном масштабе. А сеть, соединяющая миллиарды людей, большинство из которых живут в странах с низким и средним доходом, создаёт систему планетарной конкуренции. В книге на множестве примеров показано, что основным двигателем эксплуатации становится способность капитала и труда действовать и доминировать на разных уровнях.

[7] См. «Манифест коммунистической партии» (1848): «Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду должна она внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи» (цит. по: https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifest/ch01.htm). — *Примеч. ред.*

В исследовании офшорного аутсорсинга Джейми Пек отмечает, что в основе этой практики лежит логика сокращения и сдерживания издержек [Peck 2017: 10]. Бизнес получает доступ к более дёшёвой рабочей силе. При этом почти во всех сферах цифрового труда спрос на труд ниже, чем число способных и готовых работать людей, что создаёт избыток рабочей силы и запускает международную гонку по нисходящей [Graham, Anwar 2019]. Работники по природе своей привязаны к месту жительства. Как точно заметил Дэвид Харви, «рабочей силе каждый вечер нужно возвращаться домой» [Harvey 1989: 19]. Но, в отличие от работников, привязанных к своему локальному контексту, ведущие компании, покупающие их труд, могут свободно перемещаться в поисках самых дешёвых и податливых рынков труда по всему миру.

Хотя работники, внезапно оказавшиеся на планетарном рынке, вступают в острую конкуренцию друг с другом, из нашей книги становится понятно, что не существует глобальной однородной рабочей силы, которая была бы отчуждена от результатов своего труда одинаковым образом. Напротив, привлечение и включение в планетарные сети тех или иных работники в тех или иных местах определяется множеством факторов, включая неравенство по расовому и гендерному признаку. В главе 18 Паял Арора и Уша Раман анализируют, как гендерная природа глобальных цепочек создания стоимости осложняет борьбу за более справедливые цепочки поставок. Они уделяют особое внимание возможностям цифровых кампаний сторителлинга в использовании творческого потенциала рабочих объединений и утверждают, что необходимо задаться вопросом, кто и что определяет, как женщины-работницы репрезентируются и воспроизводятся в Интернете, как формируются и поддерживаются сообщества, какие изменения возможны. Авторы главы напоминают, что раса, гендер, класс, язык и культура — всё это влияет на то, как люди взаимодействуют на планетарном рынке.

На первый взгляд кажется, что нынешняя ситуация с глобальной конкуренцией между работниками и нестабильным спросом на труд создаёт структурные условия, которые мешают появлению эффективной силы объединения. Однако для работников не всё потеряно. Те же сети, которые могут вызывать гонку по нисходящей в зарплатах и условиях труда, можно использовать для создания новых форм солидарности и коллективной силы. Но может ли такая солидарность появиться *вопреки* расовым и национальным различиям и *преодолеть* их? Этот ключевой вопрос исследуют Дж. С. Тань и Мойра Вайгель в главе 12. На примере движения 996.ICU (кампания против режима работы «с девяти до девяти шесть дней в неделю, а потом в реанимацию»), начатого программистами в Китае в 2019 г., Вайгель и Тань показывают противоречия между цифровым когнитивным трудом и движением транснационального капитала в формировании общей идентичности работников и рассказывают, как работники превращают транснациональную инфраструктуру эксплуатации в инфраструктуру сотрудничества (например, между программистами Китая и США), тем самым развенчивая миф о беспроблемной природе когнитивного труда. Хотя сегодня работникам часто не хватает действенных рычагов влияния, когда коллективная забастовка могла бы сработать, именно те технологии, которые приводят к фрагментации их труда и превращению его в товар, дают им возможность координироваться в прежде немыслимых масштабах. На этой основе можно строить новые формы рабочего движения и сетевого сопротивления.

Однако противостояние труда и капитала в разных условиях проявляется по-разному. Характер этой борьбы всегда зависит от местного контекста и географических особенностей. В главе 3 Джули Чэнь и Шэрилл Рут Сориано расширяют наше понимание низкооплачиваемого труда в условиях глобального платформенного капитализма. Сравнивая опыт филиппинских работников платформ и китайских работников в сфере такси и доставки еды, Чэнь и Сориано особо рассматривают повседневные стратегии сопротивления — как индивидуальные, так и коллективные — в ответ на алгоритмическое управление и контроль. Платформы и алгоритмы не только меняют географию труда, но и трансформируют природу трудовых конфликтов (см. также: [Ferrari, Graham 2021]).

Глубокие изменения затрагивают не только стратегии сопротивления платформенных работников, но и саму структуру профсоюзов. В главе 17 Кристина Дж. Колклаф подчёркивает значимость прав работников на данные и ведущую роль профсоюзов в регулировании того, что она называет жизненным циклом данных на работе. По её мнению, профсоюзы должны участвовать в переговорах на всех этапах работы с данными — от их сбора до анализа, хранения и удаления, поэтому необходимо выйти за пределы личных прав, предусмотренных национальными законами о защите данных, и рассматривать права на данные как коллективные (например, добиваясь принятия новых конвенций Международной организации труда (МОТ) для защиты работников). Предложения Колклаф включают и тех работников, и те места, которые пока не связаны с планетарным рынком. Ведь, как она пишет, глобальный набор обязательных к исполнению прав гарантирует, что они тоже будут защищены.

Структура книги

По мере того как всё больше видов труда становится товаром и выходит за рамки местных рынков и всё больше работников создаёт нематериальные продукты, критически важно понять, как эти изменения влияют на самих работников и на глобальные экономические сети, частью которых они являются. Мы разделили книгу на четыре основных части:

1. Основания планетарных сетей;
2. Карта планетарных сетей;
3. Анатомия планетарных сетей;
4. Новый взгляд на планетарные сети.

В центре внимания первой части — опыт работы в планетарных системах и особенно противоречивое взаимодействие процессов коммодификации и декоммодификации труда. В этих главах показано, что, несмотря на включение работы в планетарные сети производства и потребления, труд по-прежнему остаётся географически привязанным и укоренённым в конкретных контекстах.

Во второй части книги рассматриваются различные уровни цифрового производства, узлы планетарных сетей и их взаимодействие. Если первая часть содержит конкретные исследования того, как осуществляется работа в планетарных системах, вторая часть показывает, как можно картографировать эти трудовые сети и анализировать их проблемы с точки зрения геополитики и экономического развития.

В третьей части представлены подходы к исследованию планетарных сетей цифрового производства. Цель этой части — не просто показать несколько пригодных теоретических подходов, но продемонстрировать, насколько продуктивным может быть многообразие и междисциплинарность в осмыслении цифрового труда и его сетей в современных условиях.

В четвёртой и заключительной части представлены четыре оригинальные главы, которые не только ставят под сомнение устоявшиеся взгляды, но и предлагают конструктивные и практические способы регулирования цифрового труда на планетарном рынке.

Настоящее и будущее планетарного рынка

В работе «Смерть дисциплины» Гаятри Чакраворти Спивак наглядно показывает, почему она предпочитает говорить о *планете* (planet), а не о *глобальном мире* (globe): «Глобальный мир существует в наших компьютерах. В нём никто не живёт. Он позволяет нам верить в возможность контроля над ним. Планета же принадлежит к категории иного, к другой системе; и все мы обитаем на ней, получив её во временное пользование» [Spivak 2003: 72].

В этом смысле мы не просто говорим о планетарном рынке, а предлагаем нормативное видение взаимосвязанной системы, цель которой — развивать достоинство, скромность, сопереживание, взаимную заботу и всемирную солидарность. Где бы на планете вы ни находились и когда бы ни читали эти слова, мы надеемся, что разные главы этой книги вдохновят вас, помогут оценить и глубже понять роль взаимосвязанности в сегодняшнем мире и мирах будущего. Облегчат осознание, что в глобальных вычислительных системах и сетях, которые формируют социальные, культурные и экономические действия и сами формируются ими, нет ничего предопределённого. И, самое главное, помогут по-новому представить и перестроить связи и отношения так, чтобы в их основе лежали действительно человеческие и человечные ценности.

Более пяти миллиардов человек в мире имеют доступ к Интернету, а высокоскоростное подключение доступно повсюду — от Манхэттена до Мозамбика, от Антарктики до Международной космической станции. Эта книга исследует, как новые формы связанности меняют трудовые сети и опыт работников в них. Книга избегает упрощённых подходов, которые либо преувеличивают роль географического фактора, либо полностью отрицают связь работы с конкретным местом. Она отвечает на целый ряд описательных, теоретических и нормативных вопросов, стремясь понять и по-новому осмыслить современное цифровое производство во всех его проявлениях — в относительной включённости в определённые контексты и оторванности от них, материальности и нематериальности, синхронности и асинхронности, территориальности и детерриториализации. Иными словами, планетарный рынок, который мы стремимся понять, делает возможным свободный обмен трудом вне временных и пространственных ограничений, но доступ к этому рынку, контроль над ним и переговорная сила распределены в высшей степени неравномерно. Рынок функционирует в планетарном масштабе, но, хотя некоторые его черты и участники создают иллюзию беспрепятственного взаимодействия без границ и пространственных ограничений, его участники всегда остаются привязанными к своему физическому местоположению. И, как показано во всех главах этой книги, это местоположение оказывает глубокое влияние на результаты рыночного взаимодействия всех участников.

Литература

Amoore L. 2020. *Cloud Ethics: Algorithms and the Attributes of Ourselves and Others*. Durham, NC: Duke University Press.

Anwar M. A., Graham M. 2020. Digital Labour at Economic Margins: African Workers and the Global Information Economy. *Review of African Political Economy.* 47 (163): 95–105.

Barlow J. P. 1996. Declaration of the Independence of Cyberspace. *Electronic Frontier Foundation*, February 8. URL: https://www.eff.org/cyberspace-independence См. также рус. перев.: Барлоу Дж. П. 1997. Декларация независимости Киберпространства. *Компьютерра.* 29. URL: https://old.computerra.ru/193519/

Benjamin W. 1969 [1935]. The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction. In: Arend H. (ed.) *Illuminations* (translated by H. Zohn). New York: Schocken Books; 217–251. URL: https://web.mit.edu/allanmc/www/benjamin.pdf. См. также рус. перев.: Беньямин В. 2000. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. В кн.: Беньямин В. *Озарения*. М.: Мартис; 122–152.

Bratton B. H. 2016. *The Stack: On Software and Sovereignty*. Cambridge, MA: MIT Press.

Castells M. 2000. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1: *The Rise of the Network Society*. Cambridge, MA: Wiley-Blackwell.

Clare K. 2013. The Essential Role of Place within the Creative Industries: Boundaries, Networks and Play. *Cities.* 34: 52–57.

Crawford K. 2021. *Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence*. New Haven, CT: Yale University Press. См. также рус. перев: Кроуфорд К. 2023. *Атлас искусственного интеллекта*. М.: АСТ.

Day M., Turner G., Drozdiak N. 2019. Amazon Workers are Listening to What You Tell Alexa. *Bloomberg*, April 10.

Ekbia H. R., Nardi B. A. 2017. *Heteromation and Other Stories of Computing and Capitalism*. Cambridge, MA: MIT Press.

Ferrari F., Graham M. 2021. Fissures in Algorithmic Power: Platforms, Code, and Contestation. *Cultural Studies*. 35 (4–5): 814–832.

Fevre R. 1992. *The Sociology of Labour Markets*. London: Harvester Wheatsheaf.

Friedman T. L. 2005. *The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century*. New York: Farrar, Straus and Giroux. См. также рус. перев.: Фридман Т. 2006. *Плоский мир: краткая история XXI века*. М.: АСТ.

Frier S. 2019. Facebook Paid Contractors to Transcribe Users' Audio Chats. *Bloomberg*, August 13.

Gibson-Graham J. K. 2006. *The End of Capitalism (As We Knew It): A Feminist Critique of Political Economy*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Graham M. 2015. Contradictory Connectivity: Spatial Imaginaries and Techno-Mediated Positionalities in Kenya's Outsourcing Sector. *Environment and Planning A: Economy and Space.* 47 (4): 867–883.

Graham M. (ed.) 2019a. *Digital Economies at Global Margins*. Cambridge, MA; Ottawa: MIT Press; IDRC. URL: https://www.idrc.ca/sites/default/files/sp/Images/idl-57429_2.pdf

Graham M. 2019b. There Are No Rights 'in' Cyberspace. In: Wagner B., Kettemann M. C., Vieth K. (eds). *Research Handbook on Human Rights and Digital Technology: Global Politics, Law and International Relations*. Cheltenham: Edward Elgar; 24–32.

Graham M. 2020. Regulate, Replicate, and Resist: The Conjunctural Geographies of Platform Urbanism. *Urban Geography.* 41 (3): 453–457.

Graham M., Andersen C., Mann L. 2015. Geographical Imagination and Technological Connectivity in East Africa. *Transactions of the Institute of British Geographers.* 40 (3): 334–349.

Graham M., Anwar M. A. 2018. Digital Labour. In: Ash J., Kitchin R., Leszczynski A. (eds) *Digital Geographies*. London: SAGE; 177–187.

Graham M., Anwar M. A. 2019. The Global Gig Economy: Towards a Planetary Labour Market? *First Monday.* 24 (4), April 1.

Gray M. L., Suri S. 2019. *Ghost Work: How to Stop Silicon Valley from Building a New Global Underclass*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt.

Harvey D. 1989. *The Urban Experience*. Oxford: Blackwell.

Harvey D. 2001. Globalization and the 'Spatial Fix.' *Geographische Revue.* 3 (2): 23–30.

Hern A. 2019. Apple Contractors 'Regularly Hear Confidential Details' on Siri Recordings. *Guardian*, July 26. URL: https://www.theguardian.com/technology/2019/jul/26/apple-contractors-regularly-hear-confidential-details-on-siri-recordings

Hess M. 2018. Global Production Networks. In: Richardson D. (ed.) *The International Encyclopedia of Geography: People, the Earth, Environment, and Technology*. Malden, MA; Oxford, UK: John Wiley & Sons. URL: https://www.research.manchester.ac.uk/portal/files/70515260/wbieg0675.pdf

Hu T.-H. 2015. *A Prehistory of the Cloud*. Cambridge, MA: MIT Press.

LeCun Y., Bengio Y., Hinton G. 2015. Deep Learning. *Nature.* 7553 (521): 436–444.

Marx K., Engels F. 2008 [1848]. *The Communist Manifesto*. London: Pluto Press. См. также рус. перев.: Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Манифест Коммунистической партии. В издании: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения: В 50 т.* Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы; 419–459.

Massey D. 1991. A Global Sense of Place. *Marxism Today.* 38 (June): 24–29. URL: https://eclass.hua.gr/modules/document/file.php/GEO272/MASSEY%20-%20a%20global%20sense%20of%20place.pdf

Massey D. 2005. *For Space*. London: SAGE.

Mezzadra S., Neilson B. 2017. On the Multiple Frontiers of Extraction: Excavating Contemporary Capitalism. *Cultural Studies.* 31 (2–3): 185–204.

Morgan K. 2004. The Exaggerated Death of Geography: Learning, Proximity and Territorial Innovation Systems. *Journal of Economic Geography.* 4 (1): 3–21.

Peck J. 2017. *Offshore: Exploring the Worlds of Global Outsourcing*. Oxford: Oxford University Press.

Peck J., Phillips R. 2021. The Platform Conjuncture. *Sociologica.* 14 (3): 73–99.

Plantin J.-C., Punathambekar A. 2018. Digital Media Infrastructures: Pipes, Platforms, and Politics. *Media, Culture & Society.* 41 (2): 163–174.

Seaver N. 2018. What Should an Anthropology of Algorithms Do? *Cultural Anthropology.* 33 (3): 375–385.

Spivak G. C. 2003. *Death of a Discipline*. New York: Columbia University Press.

Taylor A. 2018. The Automation Charade. *Logic.* 5: 149–163. URL: https://logicmag.io/failure/the-automation-charade/

Wong J. C. 2019. 'A White-Collar Sweatshop': Google Assistant Contractors Allege Wage Theft. *Guardian*, June 25. URL: https://www.theguardian.com/technology/2019/may/28/a-white-collar-sweatshop-google-assistant-contractors-allege-wage-theft

NEW TRANSLATIONS

Mark Graham, Fabian Ferrari

Introduction to *Digital Work in the Planetary Market*

GRAHAM, Mark — Professor of Internet Geography, the Oxford Internet Institute, University of Oxford. Address: 1 St Giles, Oxford, OX1 3JS, UK.

Email: mark.graham@oii.ox.ac.uk

FERRARI, Fabian — Former DPhil Student, University of Oxford. Address: 1 St Giles, Oxford, OX1 3JS, UK.

Email: fabian.ferrari@oii.ox.ac.uk

Abstract

Many types of work can be performed from anywhere in the world today. Digital technologies and ubiquitous Internet access allow almost everyone to connect with anyone to communicate and share files, data, video and audio. In other words, work can be deterritorialized on a global scale. This book explores the consequences of such a situation for work and employees, when labor becomes a commodity and goes beyond local markets. Going beyond the usual discworld-style arguments about globalization, the authors analyze both the transformation of work itself and the broader systems, networks, and processes that make digital work possible in the planetary market, offering both empirical and theoretical analysis. The authors, leading scientists and experts from various fields, address various issues, including content moderation, autonomous vehicles, and voice assistants. First, they explore new work experiences and discover that, despite the planetary connections, work remains geographically anchored and embedded in certain contexts. They then analyze ways to map and problematize planetary labor networks, discuss the productivity of using diverse and interdisciplinary approaches in the study of digital labor and its networks, and finally propose options for regulating planetary labor.

The *Journal of Economic Sociology* publishes an introduction to the book, where M. Graham and F. Ferrari problematize the increasing commodification and globalization of labor as a result of the expansion of digital technologies.

Keywords: digital work; globalization; labor; networks; market; regulation.

References

Amoore L. (2020) *Cloud Ethics: Algorithms and the Attributes of Ourselves and Others*, Durham, NC: Duke University Press.

Anwar M. A., Graham M. (2020) Digital Labour at Economic Margins: African Workers and the Global Information Economy. *Review of African Political Economy*, vol. 47 (163), pp. 95–105.

Barlow J. P. (1996) Declaration of the Independence of Cyberspace. *Electronic Frontier Foundation*, February 8. Available at: https://www.eff.org/cyberspace-independence (accessed 7 March 2025).

Benjamin W. (1969 [1935]) The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction. *Illuminations* (ed. H. Arendt, transl. Harry Zohn), New York: Schocken Books, pp. 217–251. Available at: https://web.mit.edu/allanmc/www/benjamin.pdf (accessed 7 March 2025).

Bratton B. H. (2016) *The Stack: On Software and Sovereignty*, Cambridge, MA: MIT Press.

Castells M. (2000) The Information Age: Economy, Society and Culture, vol. 1: *The Rise of the Network Society*, Cambridge, MA: Wiley-Blackwell.

Clare K. (2013) The Essential Role of Place within the Creative Industries: Boundaries, Networks and Play. *Cities*, no 34, pp. 52–57.

Crawford K. (2021) *Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence*, New Haven, CT: Yale University Press.

Day M., Turner G., Drozdiak N. (2019) Amazon Workers Are Listening to What You Tell Alexa. *Bloomberg*, April 10.

Ekbia H. R., Nardi B. A. (2017) *Heteromation and Other Stories of Computing and Capitalism*, Cambridge, MA: MIT Press.

Ferrari F., Graham M. (2021) Fissures in Algorithmic Power: Platforms, Code, and Contestation. *Cultural Studies*, vol. 35, no 4–5, pp. 814–832.

Fevre R. (1992) *The Sociology of Labour Markets*, London: Harvester Wheatsheaf.

Friedman T. L. (2005) *The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century*, New York: Farrar, Straus and Giroux.

Frier S. (2019) Facebook Paid Contractors to Transcribe Users' Audio Chats. *Bloomberg*, August 13.

Gibson-Graham J. K. (2006) *The End of Capitalism (As We Knew It): A Feminist Critique of Political Economy*, Minneapolis: University of Minnesota Press.

Graham M. (2015) Contradictory Connectivity: Spatial Imaginaries and Techno-Mediated Positionalities in Kenya's Outsourcing Sector. *Environment and Planning A: Economy and Space*, vol. 47, no 4, pp. 867–883.

Graham M. (ed.) (2019a) *Digital Economies at Global Margins*. Cambridge, MA; Ottawa: MIT Press; IDRC. Available at: https://www.idrc.ca/sites/default/files/sp/Images/idl-57429_2.pdf (accessed 7 March 2025).

Graham M. (2019b) There Are No Rights 'in' Cyberspace. *Research Handbook on Human Rights and Digital Technology: Global Politics, Law and International Relations* (eds. B. Wagner, M. C. Kettemann, K. Vieth), Cheltenham: Edward Elgar, pp. 24–32.

Graham M. (2020) Regulate, Replicate, and Resist: The Conjunctural Geographies of Platform Urbanism. *Urban Geography*, vol. 41, no 3, pp. 453–457.

Graham M., Andersen C., Mann L. (2015) Geographical Imagination and Technological Connectivity in East Africa. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 40, no 3, pp. 334–349.

Graham M., Anwar M. A. (2018) Digital Labour. *Digital Geographies* (eds. J. Ash, R. Kitchin, A. Leszczynski), London: SAGE, pp. 177–187.

Graham M., Anwar M. A. (2019) The Global Gig Economy: Towards a Planetary Labour Market? *First Monday*, vol. 24, no 4, April 1.

Gray M. L., Suri S. (2019) *Ghost Work: How to Stop Silicon Valley from Building a New Global Underclass*, Boston: Houghton Mifflin Harcourt.

Harvey D. (1989) *The Urban Experience*, Oxford: Blackwell.

Harvey D. (2001) Globalization and the 'Spatial Fix.' *Geographische Revue*, vol. 3, no 2, pp. 23–30.

Hern A. (2019) Apple Contractors 'Regularly Hear Confidential Details' on Siri Recordings. *Guardian*, July 26. Available at: https://www.theguardian.com/technology/2019/jul/26/apple-contractors-regularly-hear-confidential-details-on-siri-recordings (accessed 7 March 2025).

Hess M. (2018) Global Production Networks. *The International Encyclopedia of Geography: People, the Earth, Environment, and Technology* (ed. D. Richardson), Malden, MA; Oxford, UK: John Wiley & Sons. Available at: https://www.research.manchester.ac.uk/portal/files/70515260/wbieg0675.pdf (accessed 7 March 2025).

Hu T.-H. (2015) *A Prehistory of the Cloud*, Cambridge, MA: MIT Press.

LeCun Y., Bengio Y., Hinton G. (2015) Deep Learning. *Nature*, vol. 7553, no 521, pp. 436–444.

Marx K., Engels F. (2008 [1848]) *The Communist Manifesto*, London: Pluto Press.

Massey D. (1991) A Global Sense of Place. *Marxism Today*, no 38, June, pp. 24–29. Available at: https://eclass.hua.gr/modules/document/file.php/GEO272/MASSEY%20-%20a%20global%20sense%20of%20place.pdf (accessed 14 March 2025).

Massey D. (2005) *For Space*, London: SAGE.

Mezzadra S., Neilson B. (2017) On the Multiple Frontiers of Extraction: Excavating Contemporary Capitalism. *Cultural Studies.* 31 (2–3): 185–204.

Morgan K. (2004) The Exaggerated Death of Geography: Learning, Proximity and Territorial Innovation Systems. *Journal of Economic Geography*, vol. 4, no 1, pp. 3–21.

Peck J. (2017) *Offshore: Exploring the Worlds of Global Outsourcing*, Oxford: Oxford University Press.

Peck J., Phillips R. (2021) The Platform Conjuncture. *Sociologica*, vol. 14, no 3, pp. 73–99.

Plantin J.-C., Punathambekar A. (2018) Digital Media Infrastructures: Pipes, Platforms, and Politics. *Media, Culture & Society*, vol. 41, no 2, pp. 163–174.

Seaver N. (2018) What Should an Anthropology of Algorithms Do? *Cultural Anthropology*, vol. 33, no 3, pp. 375–385.

Spivak G. C. (2003) *Death of a Discipline*, New York: Columbia University Press.

Taylor A. (2018) The Automation Charade. *Logic*, no 5, pp. 149–163. Available at: https://logicmag.io/failure/the-automation-charade/ (accessed 7 March 2025).

Wong J. C. (2019) 'A White-Collar Sweatshop': Google Assistant Contractors Allege Wage Theft. *Guardian*, June 25. Available at: https://www.theguardian.com/technology/2019/may/28/a-white-collar-sweatshop-google-assistant-contractors-allege-wage-theft (accessed 7 March 2025).

Received: March 5, 2025
Citation: Graham M., Ferrari F. Vvedenie k knige "Tsiphrovaya rabota na planetarnom rynke" [Introduction to *Digital Work in the Planetary Market*]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sostiologiya*, vol. 26, no 2, pp. 82–101. doi: 10.17323/1726-3247-2025-2-82-101 (in Russian).

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

Дмитрий Рогозин

Позиция Алексея Румянцева: неиспорченный научный некролог[1]

РОГОЗИН Дмитрий Михайлович — кандидат социологических наук, заведующий лабораторией полевых исследований, Центр «Институт социального анализа и прогнозирования» РАНХиГС. Адрес: 119034, Москва, Пречистенская набережная, д. 11, с. 1.

Email: rogozin@ranepa.ru

Всё наладится, образуется,
Так что незачем зря тревожиться.
Все безумные образумятся,
Все итоги непременно подытожатся.

Александр Галич

Статья посвящена жизни и научной деятельности Алексея Матвеевича Румянцева (1905–1993), выдающегося советского учёного-обществоведа. Автор описывает путь Румянцева от молодого ленинца до высокопоставленного партийного деятеля и академика АН СССР. Особое внимание уделяется его вкладу в развитие советской социологии и политической экономии. Румянцев стал первым руководителем Института конкретных социологических исследований (ИКСИ) и заложил основы объективной марксистско-ленинской прикладной социологии. Под его руководством были сформированы ключевые направления развития социологических исследований, в том числе социальное прогнозирование и анализ процессов урбанизации. Автор подчёркивает двойственную природу личности Румянцева — он был как страстным последователем марксизма-ленинизма, так и либеральным интеллигентом, способствовавшим развитию свободомыслия молодых учёных. Его деятельность на пересечении догматического марксизма и либерального подхода сыграла важную роль в формировании особой модели советской социологии. В статье приводится множество ценных свидетельств современников о профессиональных и человеческих качествах Румянцева. Он характеризуется как талантливый организатор научного процесса, который создал уникальную атмосферу для работы в ИКСИ, где сочетались строгие партийные требования и научный поиск. Также рассматриваются критика маоизма, изучение первобытного общества и другие значимые научные интересы Румянцева. Особо отмечается его роль в международном сотрудничестве советских социологов.

Ключевые слова: советская социология; марксизм-ленинизм; Институт конкретных социологических исследований (ИКСИ); прогнозирование; маоизм; урбанизация.

В 2023 г. исполнилось ровно 30 лет со дня смерти Алексея Матвеевича Румянцева (1905–1993), основателя первого социологического института в СССР, партийного и идеологического деятеля, номенклатурного работника, открывшего советским обществоведам мир «загнивающего Запада» для

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

критики, общения и научной работы. Вклад Алексея Матвеевича в развитие советской социологии, его позицию в интеллектуальном производстве тех лет трудно переоценить. Однако у нас не принято долго помнить умерших. Видимо, поэтому и живём, не помня ни родства, ни имён, ни достижений. Проклинаем Запад и тихо присваиваем его идеи, когда идеи собственные так и остаются невоспринятыми и невостребованными.

Алексей Матвеевич Румянцев родился в год первой русской революции. Уже подростком зарекомендовал себя пламенным ленинцем, «принимал непосредственное участие в работе советских органов по преобразованию деревни» [Румянцев 2001: 182]. Какое именно участие — об этом история умалчивает, биография же Алексея Матвеевича начинается, как и следует для научных сотрудников, с поступления в институт. А до того была жизнь, сформировавшая стойкого и бескомпромиссного борца, умеющего находить выход в сложных ситуациях и правильно устанавливать свою позицию — верой и правдой служить начальству, но не забывать и о подчинённых.

В 1923 г. Алексей Матвеевич поступил в Харьковский институт народного хозяйства. После его окончания работал в Народном комиссариате земледелия Украинской ССР. Служил в Рабоче-крестьянской Красной армии. В 1933 г. закончил аспирантуру, но не защитился. Кандидатскую диссертацию по теме «Возникновение частной собственности на движимое имущество» защитил только в 1940 г. на заседании Учёного совета Института экономики АН СССР. Тогда же вступил в партию. Был для этого прикреплён к заводу, чтобы пойти в партию не по норме от интеллигенции, а от рабочих. Так было надёжнее и быстрее. Диссертацию защищал о первобытном обществе. Тема оказалась сквозной, системообразующей в творчестве Румянцева, и он возвращался к ней на протяжении всей жизни. Материалы собирал в библиотеках, где основными источниками служили труды по марксизму-ленинизму, сразу без примеси враждебных, чуждых советскому строю элементов, когда-то составляющих партийную элиту. Ни Бухарина, ни Троцкого, ни Бакунина, ни Кропоткина в работах Алексея Матвеевича не найти.

Политическая карьера Румянцева развивалась стремительно. Стартом послужило правильное, идеологически выверенное выступление об основном экономическом законе социализма, позднее описанное в рамках экономической дискуссии 1951 г.[2] в ЦК ВКП(б). Тогда его и заметил Сталин. Моментально никому не известный 46-летний научный сотрудник из Украины стал первым партийным деятелем, отвечающим за всю науку в СССР. Головокружительный взлёт, во время которого многое в официальной биографии было поправлено и выверено, а то и исключено, в том числе особенности защиты докторской диссертации, которой, похоже, и вовсе не было [Дзарасов 2005: 50–51]. Далее, в 1953 г. Румянцев — заведующий отделом экономических и исторических наук и высших учебных заведений ЦК ВКП(б); в 1955-м — главный редактор журнала «Коммунист». Потом сбой в партийной карьере, скандал и отъезд в Прагу на должность шеф-редактора журнала «Проблемы мира и социализма». Но это не помешало в 1960-м, ещё оставаясь пражским редактором, получить звание член-корреспондента Академии наук СССР по отделению экономических, философских и правовых наук.

Основной предмет изучения — политическая экономия, которая, согласно классикам марксизма-ленинизма, «занимается вовсе не производством, а общественными отношениями людей по производству, общественным строем производства» [Румянцев 1986: 9]. Так отвлечённо и объективированно Румянцев заявляет о важнейшем своём приоритете социалистического строительства — человеческих

[2] Позднее А. М. Румянцев не раз обращается к той постановке вопроса (см., например: [Румянцев 1977; 1986]), развивает первоначальную мысль, обогащает её многочисленными отсылками к классикам марксизма-ленинизма, доказывает, что основным экономическим законом и целью социализма выступает не наращивание темпов промышленного производства, не усиление мощи государственного аппарата, а удовлетворение потребности людей [Никифоров 2005: 90]. По мнению Румянцева, в центре всех экономических и социальных преобразований должен быть человек, а не абстрактные общество, экономика, промышленность или, куда более конкретный, государственный аппарат.

отношениях и человеке как таковом. Акцентируя внимание на преимуществах, возникающих в ходе исторического прогресса, А. М. Румянцев утверждает четыре основных этапа социалистического строительства [Румянцев 1986: 23–25], которые на долгие годы стали каноном для преподавания в СССР общественно-политических дисциплин, то есть истории КПСС, научного коммунизма, политической экономии (см. рис. 1).

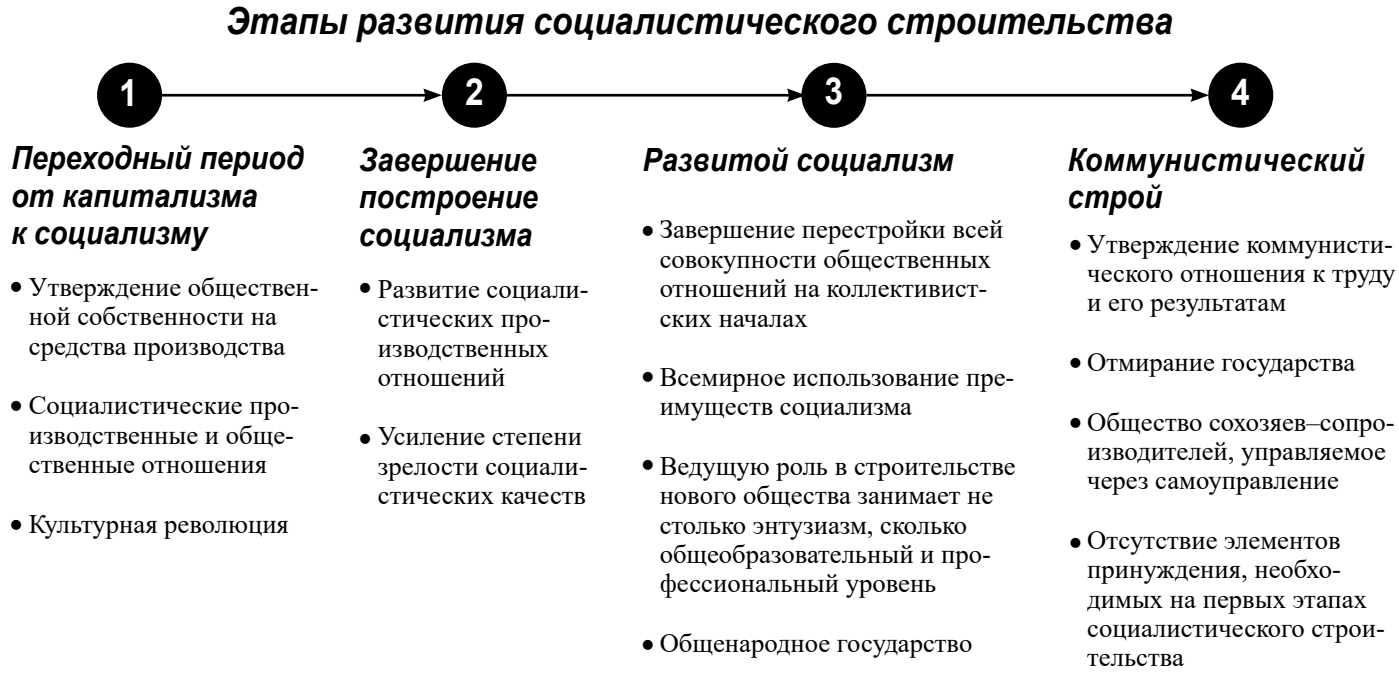


Рис. 1. Этапы социалистического строительства

Именно историческая перспектива, выраженная в социалистическом строительстве, стала «составной частью марксизма-ленинизма, превратившего обществоведение в науку» [Румянцев 1977: 7], политическую экономию — в фундамент всего марксистско-ленинского знания, носителем которого и стал Алексей Матвеевич. Читал лекции по марксизму-ленинизму (в 1982 г. вышло в свет пятое издание одноименного учебника: [Румянцев et al. 1982], с его помощью строил карьеру, утверждал свою значимость и ценность среди партийных работников. И не только. Политическая экономия в те годы послужила прикрытием, концептуальной рамкой для разворачивания чуждых и когда-то заклеймённых буржуазными социологических исследований. Так в одном человеке совместился пламенный и последовательный ленинец, адепт марксистско-ленинского фундаментализма и либерал, интеллигент, сторонник эмпирических методов.

С одной стороны, Румянцеву свойственны удивительно безликий и безличный почерк и стиль изложения. Объективно и догматически А. М. Румянцев интерпретировал должное, черпал вдохновение в удачном наборе цитат, диалектическом опровержении враждебных голосов, будь то китайских с Востока или немецких с Запада:

> *Основной экономический закон, как и каждый закон экономики, объективен, он не зависит от воли и сознания людей. Люди лишь осознают его и действуют сообразно познаний объективной необходимости* [Румянцев 1967: 26].

С другой стороны — внимательное, бережное отношение к людям науки, не вписывающимся в каноны беззаветных борцов партии, сомневающихся, ищущих, ошибающихся. Поражает, сколько разных и

талантливых социологов с благодарностью отзывались о деятельности Румянцева, его человеческих и организационных качествах. Ю. А. Левада называл Румянцева «главным либералом тех времён» [Левада 1999: 86], В. А. Ядов — организатором «либеральной атмосферы» [Ядов 1999: 52], А. П. Бутенко — «милейшим интеллигентом» [Бутенко 2001: 76], Л. В. Карпинский и В. М. Иванченко — «высокоинтеллигентным человеком» [Карпинский 1999: 191; Иванченко 2005: 79], Б. А. Грушин — «прекрасным, честным человеком» [Грушин 1999: 223], Н. Ф. Наумова — «человеком очень хорошим, честным, добрым» [Наумова 1999: 314]. С Румянцевым завязывались тёплые отношения, невзирая на его статус, привилегии, близость к самому верху партийной номенклатуры. Он входил в положение многих: помогал, советовал, защищал. Никогда не давил и не требовал беспрекословного подчинения.

В советское время (и не только) начальство от науки было нужно для объективности и порядка, а ещё для сбережения своих подчинённых от излишнего внимания начальников повыше, для понимания постановлений с распоряжениями и выступлений с программными статьями. Понимающий начальник — огромная редкость и огромное приобретение. Таким приобретением и не только для людей, но и для целой дисциплины — социологии — стал Алексей Матвеевич Румянцев.

В социологии Румянцев в первую очередь видит возможности долгосрочного прогнозирования, общественного предвидения, как сказали бы сейчас — построения стратегических планов и ориентиров. Именно Румянцев заложил основу построения прогнозов, подтолкнул И. В. Бестужева-Ладу к занятиям прогностикой и на годы определил целое направление — социальное прогнозирование. Построение коммунистического будущего, формирование светлого образа и потенциала текущих преобразований волновали в 1960-х многих деятелей науки и искусства, были, можно сказать, мейнстримом советского обществознания. Но только Румянцеву удалось создать научную повестку, которая сохранилась даже после его ухода:

> *При социализме, экономическое развитие которого направляется общественным предвидением, первостепенное значение приобретают методологические вопросы научного предсказания хода технического прогресса, долгосрочного прогнозирования развития промышленного и сельскохозяйственного производства, а также сферы обслуживания* [Румянцев 1967: 28].

Объективный характер прогнозов — базовая установка Румянцева. Но объективность эта особого сорта. Она основана не на экспериментальной работе, наблюдении, сборе фактов и опровержении гипотез. Объективность, по Румянцеву, непосредственно связана с политической позицией, верой в победу коммунистического общества, что так хорошо вписывалось в общую идеологическую канву того времени:

> *Перед социологом стоит неотвратимая альтернатива: либо он сам в ходе своего строго научного анализа доведёт исследование до установления идеологически значимых истин, либо же идеологическая окраска его результатов будет привнесена извне как готовая, вне и независимо от науки выработанная ориентация — безразлично, сознательно или бессознательно, но за его спиной*[3]*. Отсюда особая ответственность социолога. Её никому не избежать. Исследователь общества ищет только истину, иначе это не учёный. Но истине не суждено остаться нейтральной по отношению к политике. Моя истина — одновременно и моя позиция* [Румянцев 1969: 320].

[3] Фразой «но за его спиной» заканчивают цитату М. И. Воейков и Д. Е. Сорокин, приводя её в качестве доказательства «проклятой» проблемы социальной науки — неизбежной ангажированности и идеологической вторичности, предзаданности властными порядками [Воейков, Сорокин 2005: 33]. Обрыв цитаты в их статье весьма характерен, поскольку последующие слова Румянцева снимают объективный характер такой зависимости, обозначают выбор исследователя. Ангажированность, идеологичность социальной науки — это не её онтологическая черта, а личный выбор исследователя, трагичный, субъективный, обусловленный индивидуальной биографией.

Весьма короткий пятилетний период, 1967–1972 гг., пребывания Алексея Матвеевича Румянцева в авангарде социологических исследований (годы его директорства в ИКСИ) заложили основы объективной марксистско-ленинской прикладной социологии, стоящей на службе партии и народа, решающей основные политэкономические вопросы социализма с помощью аналитического сопровождения социалистического управления и построения социальных прогнозов [Румянцев 1977] (см. рис. 2).

Рис. 2. Перспективы развития социологических исследований

Сейчас, в век тотального популизма, редко упоминают о какой-либо последовательной идеологии, к которой относился марксизм, партийные разговоры вынесены за рамки даже гуманитарных областей знания, но общая линия социологии как политически ангажированной сохранилась.

Востребованная в России социология — румянцевская, и её наследники и последователи, даже не читая трудов Алексея Матвеевича, весьма успешно воссоздают базовые установки и ценности, которые вели его в работе и по преобразованиям деревни или города, и по формированию прогнозных моделей развития социалистического строительства, и по конструированию ландшафта социологических исследований. В основе такой общественной науки лежит служение государству, отказ от бесконечных сомнений и колебаний, связанных с библиотечной работой, организация всего научного процесса как составной части государственной службы, обеспечивающей эту последнюю необходимыми аргументами, статистическими и социологическими сведениями:

> *А. М. не был учёным так сказать кабинетного типа, когда человек запирается в библиотеке и дедуцирует идеи, концепции, теории. Таким, например, был И. Кант. Но есть и другой тип учёного, когда человек больше организует научный процесс, создаёт среду для развития науки. Это в большей мере характерно уже для XX века. Такими были, видимо, А. Иоффе, И. Кур-*

> *чатов, С. Королёв. Видимо, таким был и А. М. Румянцев. Другое дело, что общественная наука имеет серьёзные отличия от естественной, здесь нельзя отгородиться от социальной и политической составляющей и, стало быть, от политических властей, которые, как правило, мешают развитию социальной науки. Но что же делать* [Воейков, Сорокин 2005: 11].

На пересечении двух непересекающихся мировоззрений, марксистского и либерального, была сформирована советская социология — гибридное, непонятное для внешнего наблюдателя образование, которое, с одной стороны, служило власти, страстно следовало линии партии, с другой — в своей основе поддерживало и развивало среду свободомыслия, дискуссионости и сомнения, того, что позднее Левада назвал поиском, умением задавать вопросы даже тогда, когда от этого ничего хорошего ожидать не приходилось:

> *ИКСИ* [Институт конкретных социологических исследований. — *Д. Р.*] — *странное явление на фоне казённо-административных заведений типа институтов философии, истории, экономики и т. д. Там служили, исполняли планы, писали отчёты, а тут (не все, но все же актив) что-то искали* [Левада 1999: 85].

Схожими впечатлениями о Румянцеве делится В. В. Колбановский:

> *Он был своего рода белой вороной среди тогдашних обществоведов. Конечно, он разделял многие иллюзии, но в то же время весьма нетривиально руководил журналом «Проблемы мира и социализма» и объединил вокруг себя много способной молодёжи. <…> Насколько мог, он ограждал молодую социологию от ледяных ветров со Старой площади*[4] [Колбановский 1999: 37].

Алексея Матвеевича Румянцева знали и уважали практически все в социологии. Уважение сохранилось на годы, никуда не ушло при смене идеологии, общих представлений и оценок прошлого. За что такое уважение? Откуда такая устойчивость в оценках? Во-первых, выполнил поручение Партии: под руководством ЦК КПСС создал правильный и эффективный, первый советский социологический институт — ИКСИ, институционализировал социологию.

Во-вторых, собрал звёздную команду социологов, навсегда определивших ландшафт советской социологической науки: Г. М. Андреева, И. В. Бестужев-Лада, Ф. М. Бурлацкий, А. А. Галкин, Б. А. Грушин, Ю. Н. Давыдов, А. Г. Здравомыслов, В. Ж. Келле, И. С. Кон, Н. И. Лапин, Ю. А. Левада, И. И. Травин, М. Р. Тульчинский, Е. И. Шкаратан, В. Н. Шубкин, В. А. Ядов и др. Приглашал, не мешал, прикрывал от начальства, собирал на чай, чтобы обсудить не текучку, а теоретические вопросы [Ядов 2005: 38], по пустякам не беспокоил, давал почти безграничную свободу в научном поиске.

В-третьих, проповедовал значимость процедурных, полевых вопросов, не только декларировал, но добивался организации, финансирования, государственной поддержки сети интервьюеров [Румянцев 1999a], методической среды для формирования культуры опросов общественного мнения. И делал это не только в стране, но и за рубежом. Например, поддержал первое международное исследование, организованное Грушиным в Болгарии, Венгрии, Польше и СССР [Грушин 1999: 211].

В-четвёртых, открыл советскую социологию миру, предложил, поддержал, а затем последовательно развивал международное сотрудничество [Румянцев 1999c; Румянцев, Федосеев 1999], организовывал

[4] Название «Старая площадь» в разговорной речи ассоциировалось с высшим руководством, так как в советский период в доме № 4 по Старой площади находился Центральный комитет КПСС. В настоящее время это здание занимает Администрация президента. — *Примеч. ред.*

в бытность шеф-редактором журнала «Проблемы мира и социализма» широкие, пусть и отредактированные и отцензурированные, обсуждения злободневных вопросов — от роли женщины в современном обществе [Румянцев 1963] и аграрного вопроса [Пушев, Румянцев 1963] до молодёжной политики [Коммунисты и молодёжь… 1962], о борьбе с антикоммунизмом [Румянцев 1962] и образе будущего [Румянцев 1964].

Кроме того, недолго, всего несколько лет, но был фаворитом Сталина, дружил как мог с Хрущёвым, на равных разговаривал с Маленковым, Косыгиным, Сусловым, Мануильским и другими первыми лицами партии. Алексей Матвеевич Румянцев оказался первым и единственным номенклатурным чиновником такого ранга: управляющий социологическим коллективом, связавший научных сотрудников с верхним уровнем управления, с партийной номенклатурой.

Среди социологов Алексей Матвеевич пробыл не долго — пять лет в должности руководителя института. Потом вспоминал, даже гордился тем, что запустил в СССР машину социологических исследований, не дал её раздавить догматикам и диаматикам. Для этого выстроил эшелонированную оборону производства социологического знания. Там, внизу, могли быть библиотека, составление анкет, научные семинары, чай с коллегами — это либеральная сторона Румянцева. Но вверху, в марксистской традиции, для него и многих, были выступления на совещаниях, комитетах, съездах, доклады в партийных органах советской власти:

> *Чтобы направлять развитие конкретных процессов в обществе, недостаточно знать лишь основные их закономерности и формы, в которых эти закономерности проявляются. Для научного воздействия на развитие общества необходимо изучать механизм проявления общих закономерностей социального развития в данных конкретных условиях места и времени. Это знание достигается посредством проведения в самых различных областях общественной жизни конкретных социологических исследований совместными усилиями практиков, социологов и работников смежных отраслей общественных наук* [Румянцев 1977: 354].

Тексты Румянцева не сильно отличаются от стенограмм пленарных заседаний Съездов КПСС. Его выступления были куда интереснее и увлекательнее его книг и брошюр [Ракитский 2005: 58]. Он был олицетворением номенклатурного коммуниста, не просто члена партии, а члена высшего её органа — Президиума ЦК КПСС. Соответственно, и социология Румянцева являла собой дискурсивную практику коммунистического строительства, защищающую мир развитого социализма от посягательств внешних врагов и внутренних саботажников:

> *В условиях социалистического производства, где самосознание и контроль являются решающими производственными факторами, важнейшее значение имеет то, что представляет собой работник как личность* [Румянцев 1970a: 15];
>
> *Важнейшими средствами интенсификации развития общества являются научно-техническая революция, внедрение научного управления обществом и урбанизация в их единстве и диалектической взаимосвязи. <…> Сегодняшний этап борьбы за построение коммунизма, борьбы за решение задач, выдвинутых Программой партии, требует форсирования темпов научно-технической революции. От способности решить эту задачу зависит повышение производительности труда, зависит темп интенсификации производства* [Румянцев 1970b: 7];
>
> *Высшим критерием совершенства плана общественного производства выступает соответствие потребностей, диктуемых основным экономическим законом, степенью общественной полезности намеченных по плану и изготовлению материальных и духовных благ, способных*

> *удовлетворить эти потребности, с одной стороны, и затрат труда на их производства — с другой. Общественная полезность продуктов и её степень представляет собой такую экономическую категорию, которая даёт возможность объективно соизмерить или оценить соотношение потребностей и затрат и установить оптимальную взаимосвязь в плане. План может считаться оптимальным, если он правильно определяет потребность народа, с учётом степени общественной полезности продуктов, проектирует производство необходимых благ в рамках материальных возможностей общества, определяемых в каждый данный период уровнем развития его производительных сил и в пропорциях, соответствующих общественной потребности и обеспечивающих минимум затрат на их производство* [Румянцев 1970: 7].

В таких текстах отсутствует авторская стилистика. Это мог написать любой референт, младший научный сотрудник, ознакомленный с основными семантическими и стилистическими форматами самопрезентации социалистического мира, но подписать, взять на себя авторство мог лишь человек в положении, статусе. От Алексея Матвеевича требовалось скрупулёзно, в деталях осветить марксистско-ленинский подход к историческому развитию, описать первобытный способ производства [Румянцев 1981; 1985; 1987][5], что мог сделать лишь научный сотрудник, одновременно обладающий всеми необходимыми атрибутами высокого статуса. Таким и был Румянцев — двуликим интеллигентом, умеющим проводить прямую линию партии, не ломая судьбы, не уступая конъюнктурным веяниям. Возможно, по образу Румянцева, как его антипод, строилась в дальнейшем Левадой концепция простого советского человека. Уж слишком много пересечений и аллюзий на то, что сделало биографию Румянцева неповторимой и чрезвычайно успешной, при всех провалах и сбоях, которые случались из-за либеральных отношений и марксистских убеждений, одновременной поддержке как линии партии, так и здравого и научного смысла.

Многие видели его научный вклад не в монографиях или докладах, а в оформлении правильной работы и согласовании невнятных фантазий и пожеланий советской интеллигенции с фундаментальным, неповоротливым мышлением советских органов социалистического строительства и, как следствие, в формировании, поддержке нового мышления шестидесятников [Абалкин 2005: 5]. В конце жизни Румянцев напишет, что наукой начал заниматься лишь на седьмом десятке лет, когда появился просвет в совещаниях:

> *Полностью заняться научной работой я смог только на седьмом десятке, после перехода в Академию. Удалось подготовить и опубликовать несколько книг* [Румянцев 2001: 186].

Прежде в отделе науки занимался не наукой, а выполнял приказы и распоряжения. В ИКСИ стал отдавать приказы сам. Пусть весьма незначительного, локального для себя уровня, но приказы, самостоятельные, весомые, взвешенные. Вместе с приказами и разговорами с обретёнными коллегами по соци-

[5] Интерес к первобытному способу производства у Алексея Матвеевича сформировался под влиянием его учителя, научного руководителя кандидатской диссертации Константина Васильевича Островитянова (1892–1969) [Островитянов 1972; 1973], восходит к самому началу его занятий политической экономии и служит фундаментом для дальнейших политэкономических построений. Реконструкция законов развития производительных сил и производственных отношений, а также формирования частной собственности и разграничение её с личной формируют систему аргументов в пользу социалистического строительства как объективной, закономерной и поступательной линии развития общества, а также служат основанием для критики и опровержения буржуазных подходов к историческому процессу: «В современных условиях, когда классовая борьба принимает всё более острые формы, буржуазия особенно боится науки, вооружающей массы знанием законов общественного развития. Поэтому “полицейские соображения” водят пером учёных лакеев буржуазии и в отношении проблем первобытного общества» [Румянцев 1947: 6]. Развивая линию Островитянова, отражённую в первых советских учебниках по политэкономии, А. М. Румянцев формирует исторический канон марксистко-ленинской догматики, в котором последовательное представление производительных сил и производственных отношений в разных формациях является базисом для теоретического осмысления безусловной объективности и закономерности социалистического строительства.

ологическому цеху увлёкся и текстами, осмыслением социалистической реальности, обоснованием её значимости, объективности и закономерности. Так служба переросла в дружбу с теми, кто был рядом, с кем можно было поговорить не только о поручениях и планах, но и о сомнениях, научном поиске. А вот дружба с сильными мира сего угасла, стёрлась в воспоминаниях. Негативное отношение к Сталину было основано не на исторических фактах, вскрывшихся после XX съезда партии, а на личном впечатлении о двуличности и неискренности Сталина:

> *Что касается Сталина, не помню, чтобы он относился ко мне негативно. Но его отношение ко мне подспудно воспринималось мной как притворство. Сейчас могу вспомнить только отдельные факты. После его смерти поехал в Институт мировой литературы, где предстояло выступить с докладом. Там дочь Сталина работала. Должен был говорить, как тяжела утрата, как это трудно… Но мне и говорить об этом было трудно. Меня всегда поражало притворство Сталина, его умение выдать плохое, в том числе и своё настроение, за хорошее. Он был просто отличный актёр. Во многих случаях на меня это производило отрицательное впечатление. И когда ночью мне сообщили о его смерти, я подумал, а всё-таки я ни одной слезы не пролью. Чтобы другие не заметили отсутствие чувства потери, сидел, писал* [Румянцев 2001: 172–173].

Одним из самых больших и самостоятельных проектов Румянцева стала последовательная критика маоизма. С партийной принципиальностью Алексей Матвеевич разоблачает отступничество, немарксистские основания идей Мао Цзэдуна:

> *Псевдофилософская, псевдомарксистская интерпретация проблем антагонистических и неантагонистических противоречий потребовалось Мао Цзэдуну и его группировке для подведения теоретической базы под их «борьбу» против инакомыслящих, неугодных этой группировке элементов в КПК и в КНР с целью укрепления своего господства* [Румянцев 1968: 77].

Через три года он возвращается к анализу работ Мао Цзэдуна, теперь останавливаясь на его экономической программе [Румянцев 1971a; 1971b]. Своей задачей Румянцев видит опровержение работ китайских коммунистов, ставящих заслуги Мао выше классиков марксизма-ленинизма [Румянцев 1971a: 7]. Дотошно, сверяя цитаты, сопоставляя разные выступления и тексты, Румянцев указывает на недопустимость такого положения дел, определяет идеологию китайских марксистов как вторичную, копирующую и искажающую верное марксистское учение, развиваемое в Советском Союзе.

Приверженность маоизму определяется им как культ личности Мао, который возник через «внутренние противоречия мелкобуржуазных слоёв, мечущихся от анархической “сверхреволюционности”» (здесь Румянцев в очередной раз уличает Мао в увлечённости анархизмом Кропоткина и Бакунина) и привёл к «тупой покорности и обожествлению вождя» [Румянцев 1969: 141]. Потом, через годы после выхода книжки, Мао Цзэдун приглашал с визитом, как вспоминал сам Румянцев [Румянцев 2001: 180], но поездка так и не состоялась, хотя планировалась.

В 1960 г. СССР посетил Чарльз Райт Миллс. Он изучал советскую интеллигенцию, пытался понять её отношение и роль в социалистических преобразованиях, выявить различия с интеллектуалами своего круга из США. Миллс встречался с этими людьми, брал у них интервью, не под запись, только ручка и листок бумаги, делал краткие конспекты, зачастую понятные только ему самому [Trevino 2021]. Список его респондентов велик (пожалуй, сказалось расположенность власти в связи с недавним переводом книги, критикующей буржуазный порядок [Миллс 1959]): Юрий Францев, Михаил Иовчук, Игорь Кон, Юрий Мельвиль, Теодор Ойзерман, Вадим Семенов, Юрий Замошкин и др. В этом списке нет Алексея Румянцева, который в то время трудился в Праге, часто бывал в Москве, но, видимо, не вхо-

дил в круг значимых на тот момент лиц, способных представить перед иностранным гостем советских интеллектуалов, а может быть, напротив, статус иностранного гостя не так значим, чтобы отрывать от дел важных лиц.

Вместе с тем портрет советского интеллигента, составленный Миллсом, весьма точно характеризует и Алексея Румянцева. В чертах, поступках, публикациях Румянцева легко разглядеть черты советской интеллигентности, так точно и лаконично описанной Миллсом: формальный, подчёркнуто вежливый, подбирающий слова к каждому публичному высказыванию, исключающий любые оговорки, вымарывающий просторечие, потому шаблонный, многословный в уточнениях при цитировании единственно верных высказываний о происходящем; критикующий лишь прошлое, настоящее связывающий с достижениями и успехами, с генеральной линией партии, отклонение от которой не просто недопустимо, а кощунственно, вызывает негодование или апатию[6].

Алексей Румянцев — архетип советского интеллигента. Не встречаясь, не задавая вопросы герою настоящего некролога, Миллс как бы резюмирует особенности его правильной, советской интеллигентности, подмеченной многими. Советский интеллигент живёт будущим, подчищает настоящее, потому идеально подходит к формированию безупречного некролога, в котором нет личных выпадов, ошибок, заблуждений, а лишь заслуги, достижения и успехи. Но Миллс заблуждался в том, что касалось тотальной лояльности и компромиссности советского интеллигента. Он видел лишь отполированную поверхность публичной речи, ничего не зная и не понимая о баталиях и схватках, проходивших на закрытых заседаниях, отражённых в докладных записках, в текстах под грифами «совершенно секретно» и «для служебного пользования».

Алексей Матвеевич Румянцев — бескомпромиссный борец за правду, «большевик с человеческим лицом» [Воейков, Сорокин 2005: 7] и одновременно «кровный сын сталинской системы» [Ракитский 2005: 60], послушник и проповедник марксистско-ленинской идеологии. Он защищал, отстаивал, переходил в контрнаступления на всех, кто пытался закрыть, уничтожить или переопределить его начинания (см., например: [Румянцев 1999b]). Тихий и лояльный в публичных текстах, он был буйным и бескомпромиссным в переписке, должностных записках, докладах на закрытых совещаниях — в текстах и выступлениях, не выносимых на публичное обозрение.

Простой советский интеллигент живёт двойной моралью, он либеральный и открытый с друзьями, но догматичный и исполнительный с начальством. Румянцев сам был начальником, потому вынужден был вымарать простоту из своего обихода: строгий, подтянутый и непубличный в своей публичности. При всей обширности оставленного наследия, безупречного с точки зрения марксистско-ленинского дискурса, Алексей Матвеевич оставался непростым, самобытным деятелем, изменяющим социальную реальность, с ловкостью фокусника уходящим за скобки этих изменений.

В 1952–1976 гг. — член ЦК КПСС, в 1954–1962 гг. — депутат Верховного Совета СССР 4-го и 5-го созывов, с 1966 г. — академик АН СССР, с 1991 г. — академик РАН; в 1953–1955 гг. — заведующий Отделом науки и культуры ЦК КПСС, в 1955–1958 гг. — главный редактор журнала «Коммунист», в 1964–1965 гг. — главный редактор «Правды», в 1971–1975 гг. — член Президиума АН СССР; награждён двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Трудового Красного Знамени.

В некрологе Алексея Матвеевича Румянцева нет испорченных страниц — ни ошибок, ни отступлений, ни отставок, ни бескомпромиссной борьбы с оппонентами и врагами. Это настоящий некролог непро-

[6] К сожалению, эта работа Миллса не опубликована, поэтому остаётся лишь ссылаться на тех, кто имеет доступ к его весьма внушительным рукописям. Один из проводников к текстам Миллса — Хавьер Тревино, опубликовавший замечательную статью: «Ч. Райт Миллс о характере и роли советской интеллигенции» [Trevino 2021].

стого, номенклатурного советского интеллигента. Всё неудобное подчищено, выбелено, позолочено. Есть ордена, медали, научный подвиг и ратный труд на благо Отчизны и Отечества. Есть служба, которая делается в дружбу, особо ценится подчинёнными, а руководствуется высшими ценностями партийного свойства, заложенными раз и навсегда непререкаемыми авторитетами, закреплёнными в выверенных и одобренных партией публикациях. Во все времена, покуда истина определяется собственной позицией, труд Алексея Матвеевича будет востребован, дело его будет жить, а преемники (даже не подозревая о том) множиться. Но всегда будет оставаться и зазор, который образовался в его деятельности, зазор, отваживающий ярких карьеристов, пугающий законопослушных службистов, зазор, в котором возможны научный поиск, удивление и вопрошание. Даже в самые тёмные и трудные времена всеобщего стремления к исполнению планов и писанию отчётов возможно такое. И тогда потом «всё наладится, образуется, / Так что незачем зря тревожиться. / Все безумные образумятся, / Все итоги непременно подытожатся»...

Алексей Матвеевич Румянцев, социолог, создатель института социологии, собиратель, открыватель и защитник невнятного, неясного, проблематичного, — всего того, что и определяет изнутри настоящую социальную науку, какой бы сервильной она ни представлялась внешним наблюдателям.

Литература

Абалкин Л. И. 2005. Вступительное слово. В сб.: *Социология и экономика: от мифов к реальности: материалы круглого стола, посвящённого 100-летию со дня рождения академика А. М. Румянцева.* М.: Ин-т экономики РАН; 4–6.

Бутенко А. П. 2001. Противоречие — не только источник развития. В сб.: Бойко Н. В. (сост.), Старушенко Г. Б. (отв. ред.) *Наука и власть: воспоминания учёных-гуманитариев и обществоведов*. М.: Наука; 75–105.

Воейков М. И., Сорокин Д. Е. 2005. Политическая экономия и социология: проблемы интеграции социального знания. В сб.: *Социология и экономика: от мифов к реальности: материалы круглого стола, посвящённого 100-летию со дня рождения академика А. М. Румянцева*. М.: Ин-т экономики РАН; 7–37.

Грушин Б. А. 1999. Горький вкус невостребованности. В сб.: Батыгин Г. С., Ярмолюк С. Ф. (отв. ред.) *Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах*. СПб.: Русский христианский гуманитарный ин-т; 203–228.

Дзарасов С. С. 2005. [Стенограмма выступления.] В сб.: *Социология и экономика: от мифов к реальности: материалы круглого стола, посвящённого 100-летию со дня рождения академика А. М. Румянцева.* М.: Ин-т экономики РАН; 49–53.

Иванченко В. М. 2005. [Стенограмма выступления.] В сб.: *Социология и экономика: от мифов к реальности: материалы круглого стола, посвящённого 100-летию со дня рождения академика А. М. Румянцева.* М.: Ин-т экономики РАН; 78–80.

Карпинский Л. В. 1999. «Работали свободно — и хорошо работали». В сб.: Батыгин Г. С., Ярмолюк С. Ф. (отв. ред.) *Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах*. СПб.: Русский христианский гуманитарный ин-т; 190–204.

Колбановский В. В. 1999. К истории постсталинской социологии: от ренессанса до реформации. В сб.: Батыгин Г. С., Ярмолюк С. Ф. (отв. ред.) *Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах*. СПб.: Русский христианский гуманитарный ин-т; 19–41.

Коммунисты и молодёжь. 1962. *Материалы обмена мнениями, состоявшегося в редакции журнала «Проблемы мира и социализма»*. Прага, июнь 1961 года. Прага: Изд-во «Мир и социализм».

Левада Ю. А. 1999. «Научная жизнь — была семинарская жизнь». В сб.: Батыгин Г. С., Ярмолюк С. Ф. (отв. ред.) *Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах*. СПб.: Русский христианский гуманитарный ин-т; 82–94.

Миллс Р. 1959. *Властвующая элита*. М.: Иностранная литература.

Наумова Н. Ф. 1999. «Мне трижды повезло». В сб.: Батыгин Г. С., Ярмолюк С. Ф. (отв. ред.) *Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах*. СПб.: Русский христианский гуманитарный ин-т; 301–316.

Никифоров Л. В. 2005. [Стенограмма выступления.] В сб.: *Социология и экономика: от мифов к реальности: материалы круглого стола, посвящённого 100-летию со дня рождения академика А. М. Румянцева.* М.: Ин-т экономики РАН; 86–92.

Островитянов К. В. 1972. *Избранные произведения*: В 2 т. Т. 1: Политическая экономия досоциалистических формаций. М.: Наука.

Островитянов К. В. 1973. *Избранные произведения*: В 2 т. Т. 2. Вопросы политической экономии социализма. М.: Наука.

Пушев Г. (сост.), Румянцев А. М. (отв. ред.) 1963. *Аграрный вопрос и национально-освободительное движение: Материалы обмена мнениями марксистов-аграрников, состоявшегося в июле–сентябре 1960 г. в Гаване и Бухаресте*. М.: Соцэкгиз.

Ракитский Б. В. 2005. [Стенограмма выступления.] В сб.: *Социология и экономика: от мифов к реальности: Материалы круглого стола, посвящённого 100-летию со дня рождения академика А. М. Румянцева.* М.: Ин-т экономики РАН; 56–61.

Румянцев А. М. 1947. *Возникновение частной собственности на движимое имущество*. Харьков: Харьковское книжно-газетное изд-во.

Румянцев А. М. (отв. ред.) 1962. Антикоммунизм — враг человечества. Материалы обмена мнениями марксистов ряда стран Европы, Америки, Азии и Африки. Либлице (Чехословакия) 28–30 мая 1962 г. Прага: Изд-во «Мир и социализм».

Румянцев А. М. (отв. ред.) 1963. *Роль женщины в современном обществе: Материалы обмена мнениями, проводившегося в журнале «Проблемы мира и социализма» в 1962 г.* Прага: Изд-во «Мир и социализм».

Румянцев А. М. (отв. ред.) 1964. *Какое будущее ожидает человечество? Материалы международного обмена мнениями, организованного редакцией журнала «Проблемы мира и социализма» и Центром марксистских исследований в Руайомоне в мае 1961 года*. Прага: Изд-во «Мир и социализм».

Румянцев А. М. 1967. *Ленинский этап в развитии политической экономии*. М.: Знание.

Румянцев А. М. 1968. *О сущности идей Мао Цзэдуна.* Информационный бюллетень № 21. М.: Наука.

Румянцев А. М. 1969. *Проблемы современной науки об обществе*. М.: Наука.

Румянцев А. М. 1970a. *Социальное прогнозирование и планирование в Советском Союзе. Материалы к докладу на VII Международном социологическом конгрессе*. М.: [Без издателя].

Румянцев А. М. 1970b. Некоторые социологические предпосылки развития советских городов. В сб.: *Научно-техническое совещание «Перспективы развития советского градостроительства»* М.: Центр НИИ по гражданскому строительству и архитектуре.

Румянцев А. М. 1970c. *Планирование сельского хозяйства СССР и его современные проблемы.* Доклады XIV Международной конференции экономистов сельского хозяйства. М.: [Без издателя].

Румянцев А. М. 1971a. *О сущности идей Мао Цзэдуна.* Часть II: О сущности политико-экономических идей Мао Цзэдуна. Вып. 1. Информационный бюллетень № 34. Академия наук СССР Институт Дальнего востока. М.: Наука.

Румянцев А. М. 1971b. *О сущности идей Мао Цзэдуна.* Часть II: О сущности политико-экономических идей Мао Цзэдуна. Вып. 2. Информационный бюллетень № 34. Академия наук СССР Институт Дальнего востока. М.: Наука.

Румянцев А. М. 1977. *Социальные и экономические проблемы современности*. М.: Наука.

Румянцев А. М. 1981. *Возникновение и развитие первобытного способа производства. Присваивающее хозяйство. Политико-экономические очерки.* М.: Наука.

Румянцев А. М. 1985. *Возникновение и развитие первобытного способа производства. Первобытное воспроизводящее хозяйство. Политико-экономические очерки.* М.: Наука.

Румянцев А. М. 1986. *Главная цель социалистического хозяйствования.* М.: Экономика.

Румянцев А. М. 1987. *Первобытный способ производства. Политико-экономические очерки.* Изд. 2-е, исправл. и доп. М.: Наука.

Румянцев А. М. 1999a. Записка С. П. Трапезникову о создании Центра изучения общественного мнения от 26 июня 1970 г. В сб.: Батыгин Г. С., Ярмолюк С. Ф. (отв. ред.) *Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах.* СПб.: Русский христианский гуманитарный ин-т; 523–524.

Румянцев А. М. 1999b. Записка в ЦК КПСС об организации исследования актуальных проблем долгосрочного экономического и социально-политического прогноза от 4 мая 1971 г. В сб.: Батыгин Г. С., Ярмолюк С. Ф. (отв. ред.) *Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах.* СПб.: Русский христианский гуманитарный ин-т; 540–545.

Румянцев А. М. 1999c. Записка М. А. Суслову о поездке в США от 27 января 1969 г. В сб.: Батыгин Г. С., Ярмолюк С. Ф. (отв. ред.) *Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах.* СПб.: Русский христианский гуманитарный ин-т; 604–608.

Румянцев А. М. 2001. Между наукой и политикой. В сб.: Бойко Н. В. (сост.), Старушенко Г. Б. (отв. ред.) *Наука и власть: воспоминания ученых-гуманитариев и обществоведов*. М.: Наука; 170–186.

Румянцев А. М. et al. 1982. *Политическая экономия: учебник для экономических вузов и факультетов.* М.: Политиздат.

Румянцев А. М., Федосеев П. Н. 1999. Записка на первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущёва о международном сотрудничестве социологов. В сб.: Батыгин Г. С., Ярмолюк С. Ф. (отв. ред.) *Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах*. СПб.: Русский христианский гуманитарный ин-т; 586–587.

Ядов В. А. 1999. «Мы все — самоучки в социологии». В сб.: Батыгин Г. С., Ярмолюк С. Ф. (отв. ред.) *Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах.* СПб.: Русский христианский гуманитарный ин-т; 42–63.

Ядов В. А. 2005. Может ли Россия выйти из своей траншеи? В сб.: *Социология и экономика: от мифов к реальности: материалы круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения академика А. М. Румянцева.* М.: Ин-т экономики РАН; 38–44.

Trevino A. J. 2021. C. Wright Mills on the Character and Role of the Soviet Intelligentsia. In: Frauley J. (ed.) *The Routledge International Handbook of C. Wright Mills Studies.* New York: Routledge; 127–140.

PROFESSIONAL REVIEWS

Dmitry Rogozin

The Position of Alexey Rumyantsev: An Unspoiled Scientific Obituary

ROGOZIN, Dmitry M. — Candidate of Sociological Sciences, Chif, Field Research Laboratory, Center "Institute of Social Analysis and Forecasting", Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration (RANEPA). Address: Prechistenskaya naberezhnaya, 11 bld. 1, 119034, Moscow, Russian Federation.

Email: rogozin@ranepa.ru

Abstract

This article is dedicated to the life and scientific work of Alexei Matveevich Rumyantsev (1905–1993), an outstanding Soviet scholar in the social sciences. The author describes Rumyantsev's journey from being a young Leninist to becoming a high-ranking party official and an academician of the USSR Academy of Sciences. Special attention is given to his contribution to the development of Soviet sociology and political economy. Rumyantsev was the first head of the Institute of Concrete Sociological Research (ICSIR) and laid the foundations for objective Marxist-Leninist applied sociology. Under his leadership, key directions for sociological research were established, including social forecasting and the analysis of urbanization processes. The author emphasizes the dual nature of Rumyantsev's personality—he was both a passionate follower of Marxism-Leninism and a liberal intellectual who encouraged free thinking among young scientists. His work at the intersection of dogmatic Marxism and a liberal approach played an important role in shaping a unique model of Soviet sociology. The article presents numerous valuable testimonies from contemporaries about Rumyantsev's professional and personal qualities. He is characterized as a talented organizer of scientific process who created a unique atmosphere at ICSIR, where strict party requirements coexisted with scientific inquiry. The article also examines criticism of Maoism, studies of primitive society, and other significant scientific interests of Rumyantsev. Particular emphasis is placed on his role in international cooperation among Soviet sociologists.

Keywords: Soviet Sociology; Marxism-Leninism; Institute of Concrete Sociological Research (ICSIR); Forecasting; Scientific management of society; Maoism; Urbanization.

Acknowledgements

The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

References

Abalkin L. I. (2005) Vstupitelnoe slovo [Introductory Word]. *Sotsiologiya i ekonomika: ot miphov k realnosti: materialy kruglogo stola, posvyashchennogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika A.M. Rumyantseva* [Sociology and Economics: From Myths to Reality: Materials of the Round Table Dedicated to the 100th Anniversary of Academician A. M. Rumyantsev], Moscow: Institute of Economics RAS, pp. 4–6 (in Russian).

Butenko A. P. (2001) Protivorechiye — ne tolko istochnik razvitiya [Contradiction — Not Only a Source of Development]. *Nauka i vlast: vospominaniya uchenykh-gumanitariev i obshchestvovedov* [Science and Power: Memoirs of Humanities Scholars and Social Scientists] (ed. G. B. Starushenko), Moscow: Nauka, pp. 75–105 (in Russian).

Dzarasov S. S. (2005) [Transcript of the Speech]. *Sotsiologiya i ekonomika: ot miphov k real'nosti: materialy kruglogo stola, posvyashchennogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika A. M. Rumyantseva* [Sociology and Economics: From Myths to Reality: Materials of the Round Table Dedicated to the 100th Anniversary of Academician A. M. Rumyantsev], Moscow: Institute of Economics RAS, pp. 49–53 (in Russian).

Grushin B. A. (1999) Gorkii vkus nevostrebovannosti [Bitter Taste of Being Undervalued]. *Rossiyskaya sotsiologiya shestidesyatikh godov v vospominaniyakh i dokumentakh* [Russian Sociology of the Sixties in Memoirs and Documents] (ed. G. S. Batygin), St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, pp. 203–228 (in Russian).

Ivanchenko V. M. (2005) [Transcript of the Speech]. *Sotsiologiya i ekonomika: ot miphov k realnosti: materialy kruglogo stola, posvyashchennogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika A.M. Rumyantseva* [Sociology and Economics: From Myths to Reality: Materials of the Round Table Dedicated to the 100th Anniversary of Academician A. M. Rumyantsev], Moscow: Institute of Economics RAS, pp. 78–80 (in Russian).

Karpinsky L. V. (1999) "Rabotali svobodno — i khorosho rabotali" ["Worked Freely — and Worked Well"]. In: *Rossiyskaya sotsiologiya shestidesyatikh godov v vospominaniyakh i dokumentakh* [Russian Sociology of the Sixties in Memoirs and Documents] (ed. G. S. Batygin), St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, pp. 190–204 (in Russian).

Kolbanovskii V. V. (1999) K istorii poststaliniskoy sotsiologii: ot renessansa do rephormatsii [On the History of Post-Stalinist Sociology: From Renaissance to Reformation]. *Rossiyskaya sotsiologiya shestidesyatikh godov v vospominaniyakh i dokumentakh* [Russian Sociology of the Sixties in Memoirs and Documents] (ed. G. S. Batygin), St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, pp. 19–41 (in Russian).

Kommunisty i molodezh (1962) *Materialy obmena mneniyami, sostoyavshegosya v redaktsii zhurnala "Problemy mira i sotsializma",* Praga, iyun' 1961 goda [Communists and Youth: Materials of Exchange of Opinions, Held at the Editorial Office of the Journal "Problems of Peace and Socialism". Prague, June 1961], Prague: Izd-vo "Mir i sotsializm", 1962 (in Russian).

Levada Y. A. (1999) "Nauchnaya zhizn' — byla seminarnaya zhizn'"["Scientific Life — Was Seminar Life"]. *Rossiyskaya sotsiologiya shestidesyatikh godov v vospominaniyakh i dokumentakh* [Russian Sociology of the Sixties in Memoirs and Documents] (ed. G. S. Batygin), St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, pp 82–94 (in Russian).

Mills C. W. (1959) *Vlastvuyuschaya elita* [The Power Elite], Moscow: Inostrannaya literature (in Russian).

Naumova N. F. (1999) "Mne triazdi poveslo" ["I Got Lucky Three Times"]. *Rossiyskaya sotsiologiya shestidesyatikh godov v vospominaniyakh i dokumentakh* [Russian Sociology of the Sixties in Memoirs and Documents] (ed. G. S. Batygin), St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, pp. 301–316 (in Russian).

Nikiforov L. V. (2005) [Transcript of the Speech]. *Sotsiologiya i ekonomika: ot miphov k realnosti: materialy kruglogo stola, posvyashchennogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika A.M. Rumyantsev* [Sociology and Economics: From Myths to Reality: Materials of the Round Table Dedicated to the 100th Anniversary of Academician A. M. Rumyantsev], Moscow: Institute of Economics RAS, pp. 86–92 (in Russian).

Ostrovityanov K. V. (1972) Izbrannye proizvedeniya [Selected Works], 2 vols, vol. 1: *Politicheskaya ekonomiya dosotsialisticheskikh formatsiy* [Political Economy of Pre-Socialist Formations], Moscow: Nauka (in Russian).

Ostrovityanov K. V. (1973) Izbrannye proizvedeniya [Selected Works], 2 vols, vol. 2: *Voprosy politicheskoy ekonomii sotsializma* [Issues of Political Economy of Socialism], Moscow: Nauka (in Russian).

Pushev G., Rumyantsev A. M. (eds) (1963) *Agropromyshlennyy vopros i natsionalno-osvoboditelnoe dvizhenie: Materialy obmena mneniyami marksistov-agronomov, sostoyavshegosya v iyule-sentyabre 1960 g. v Gavaney i Bukharestse* [Agrarian Question and National Liberation Movement: Materials of Exchange of Opinions Among Marxist Agrarians, Held in Havana and Bucharest in July-September 1960], Moscow: Soczekgiz (in Russian).

Rakitskii B. V. (2005) [Transcript of the Speech]. *Sotsiologiya i ekonomika: ot miphov k realnosti: materialy kruglogo stola, posvyashchennogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika A. M. Rumyantsev* [Sociology and Economics: From Myths to Reality: Materials of the Round Table Dedicated to the 100th Anniversary of Academician A. M. Rumyantsev], Moscow: Institute of Economics RAS, pp. 56–61 (in Russian).

Rumyantsev A. M. (1947) *Vozniknovenie chastnoy sobstvennosti na dvizhimoe imushchestvo* [The Emergence of Private Ownership of Movable Property], Kharkov: Kharkovskoe knizhno-gazetnoe izd-vo (in Russian).

Rumyantsev A. M. (ed.) (1962) *Antikommunizm — vrag chelovechestva. Materialy obmena mneniyami marksistov ryada stran Evropy, Ameriki, Azii i Afriki. Liblice (Chekhoslovakia) 28–30 maya 1962 g.* [Anti-Communism — Enemy of Humanity. Materials of Exchange of Opinions Among Marxists from Several Countries in Europe, America, Asia, and Africa. Liblice (Czechoslovakia), May 28–30, 1962], Prague: Izd-vo "Mir i sotsializm" (in Russian).

Rumyantsev A. M. (1963) *Rol zhenschiny v sovremennom obshchestve*: Materialy obmena mneniyami, provodivshegosya v zhurnale "Problemy mira i sotsializma" v 1962 g. [Role of Women in Modern Society: Materials of Exchange of Opinions, Conducted in the Journal "Problems of Peace and Socialism" in 1962], Prague: Izd-vo "Mir i sotsializm" (in Russian).

Rumyantsev A. M. (ed.) (1964) *Kakoe budushchee ozhidaet chelovechestvo*? Materialy mezhdunarodnogo obmena mneniyami, organizovannogo redaktsiei zhurnala "Problemy mira i sotsializma" i Tsentrom marksistskikh issledovaniy v Royomon'e v mae 1961 goda [What Future Awaits Humanity? Materials of International Exchange of Opinions, Organized by the Editorial Board of the Journal "Problems of Peace and Socialism" and the Center for Marxist Research in Royaumont in May 1961], Prague: Izd-vo "Mir i sotsializm" (in Russian).

Rumyantsev A. M. (1967) *Leninskiy etap v razvitii politicheskoy ekonomii* [Leninist Stage in the Development of Political Economy], Moscow: Znanie (in Russian).

Rumyantsev A. M. (1968) *O sushchnosti idey Mao Tseduna* [On the Essence of Mao Zedong's Ideas], Information Bulletin No. 21, Academy of Sciences of the USSR, Far East Institute, Moscow: Nauka (in Russian).

Rumyantsev A. M. (1969) *Problemy sovremennoy nauki ob obshchest*ve [Problems of Modern Social Science], Moscow: Nauka (in Russian).

Rumyantsev A. M. (1970a) *Sotsialnoye prognozirovanie i planirovanie v Sovetskom Soyuze* [Social Forecasting and Planning in the Soviet Union]. Materials for the Report at the VI International Sociological Congress, Soviet Sociological Association, Soviet Organizing Committee for the Preparation of the VI International Sociological Congress, Moscow: No publisher (in Russian).

Rumyantsev A. M. (1970b) Nekotorye sotsiologicheskiye predposylki razvitiya sovetskikh gorodov [Some Sociological Preconditions for the Development of Soviet Cities]. *Nauchno-tekhnicheskoye soveshchanie "Perspektivy razvitiya sovetskogo gradostroitel'stva"* [Scientific and Technical Meeting "Prospects for the Development of Soviet Urban Planning"], State Committee for Civil Construction and Architecture under Gosstroy USSR, Gosstroy RSFSR, Union of Architects of the USSR, Moscow: Center NII for Civil Construction and Architecture (in Russian).

Rumyantsev A. M. (1970c) *Planirovanie sel'skogo khozyaystva SSSR i ego sovremennyye problemy* [Planning of Agriculture in the USSR and Its Current Problems], Papers of the XIV International Conference of Agricultural Economists, Moscow: No publisher (in Russian).

Rumyantsev A. M. (1971a) O sushchnosti idey Mao Tseduna. Chast' II. *O sushchnosti politiko-ekonomicheskikh idey Mao Tseduna*. Vyipusk 1. Informatsionnyy byulleten' No. 34 [On the Essence of Mao Zedong's Ideas. Part II. On the Essence of Political-Economic Ideas of Mao Zedong. Issue 1. Information Bulletin No. 34], Academy of Sciences of the USSR, Far East Institute, Moscow: Nauka (in Russian).

Rumyantsev A. M. (1971b) O sushchnosti idey Mao Tseduna. Chast' II. *O sushchnosti politiko-ekonomicheskikh idey Mao Tseduna*. Vyipusk 2. Informatsionnyy byulleten' No. 34 [On the Essence of Mao Zedong's Ideas. Part II. On the Essence of Political-Economic Ideas of Mao Zedong. Issue 2. Information Bulletin No. 34], Academy of Sciences of the USSR, Far East Institute, Moscow: Nauka (in Russian).

Rumyantsev A. M. (1977) *Sotsial'nyye i ekonomicheskiye problemy sovremennosti* [Social and Economic Problems of Modernity], Moscow: Nauka (in Russian).

Rumyantsev A. M. (1981) *Voyniknovenie i razvitiye pervobytnogo sposoba proizvodstva. Prisvoyvayushcheye khozyaystvo. Politiko-ekonomicheskiye ocherki* [Emergence and Development of the Primitive Mode of Production. Appropriative Economy. Political-Economic Essays], Moscow: Nauka (in Russian).

Rumyantsev A. M. (1985) *Voyniknovenie i razvitiye pervobytnogo sposoba proizvodstva. Pervobytnoye vosproizvodstvuyushcheye khozyaystvo. Politiko-ekonomicheskiye ocherki* [Emergence and Development of the Primitive Mode of Production. Primitive Reproducing Economy. Political-Economic Essays], Moscow: Nauka (in Russian).

Rumyantsev A. M. (1986) *Glavnaya tsel sotsialisticheskogo khozyaystvovaniya* [Main Goal of Socialist Management], Moscow: Ekonomika (in Russian).

Rumyantsev A. M. (1987) *Pervobytnyy sposob proizvodstva. Politiko-ekonomicheskiye ocherki.* 2-e izd., ispravl. i dop. [Primitive Mode of Production. Political-Economic Essays. 2nd Edition, Revised and Enlarged], Moscow: Nauka (in Russian).

Rumyantsev A. M. (1999a) Zapiska S. P. Trapeznikovu o sozdanii Tsentra izucheniya obshchestvennogo mneniya ot 26 iyunya 1970 g. [Note to S.P. Trapeznikov on the Creation of the Center for Public Opinion Research, June 26, 1970]. *Rossiyskaya sotsiologiya shestidesyatikh godov v vospominaniyakh i dokumentakh* [Russian Sociology of the Sixties in Memoirs and Documents] (ed. G. S. Batygin), St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, pp. 523–524 (in Russian).

Rumyantsev A. M. (1999b) Zapiska v TsK KPSS ob organizatsii issledovaniya aktualnykh problem dolgosrochnogo ekonomicheskogo i sotsialno-politicheskogo prognoza ot 4 maya 1971 g. [Note to the CPSU Central Committee on the Organization of Research into Current Problems of Long-Term Economic and

Socio-Political Forecasting, May 4, 1971]. *Rossiyskaya sotsiologiya shestidesyatikh godov v vospominaniyakh i dokumentakh* [Russian Sociology of the Sixties in Memoirs and Documents] (ed. G. S. Batygin), St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, pp. 540–545 (in Russian).

Rumyantsev A. M. (1999c) Zapiska M. A. Suslovu o puteshestvii v SShA ot 27 yanvarya 1969 g. [Note to M. A. Suslov on the Trip to the USA, January 27, 1969]. *Rossiyskaya sotsiologiya shestidesyatikh godov v vospominaniyakh i dokumentakh* [Russian Sociology of the Sixties in Memoirs and Documents] (ed. G. S. Batygin), St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, pp. 604–608 (in Russian).

Rumyantsev A. M. (2001) Mezhdu naukoy i politikoy [Between Science and Politics]. *Nauka i vlast': vospominaniya uchenykh-gumanitariev i obshchestvovedov* [Science and Power: Memoirs of Humanities Scholars and Social Scientists], (ed. G. B. Starushenko), Moscow: Nauka, pp. 170–186 (in Russian).

Rumyantsev A. M., Fedoseev P. N. (1999) Zapiska na pervogo sekretarya TsK KPSS N.S. Khrushchyova o mezhdunarodnom sotrudnichestve sotsiologov [Note to the First Secretary of the CPSU Central Committee N.S. Khrushchev on International Cooperation of Sociologists]. *Rossiyskaya sotsiologiya shestidesyatikh godov v vospominaniyakh i dokumentakh* [Russian Sociology of the Sixties in Memoirs and Documents], (ed. G. S. Batygin), St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, pp. 586–587 (in Russian).

Rumyantsev A. M., Kozlov G. A., Mileykovskii A. G. et al. (1982) *Politicheskaya ekonomiya: uchebnik dlya ekonomicheskikh vuzov i fakultetov* [Political Economy: Textbook for Economic Universities and Faculties], Moscow: Politizdat (in Russian).

Trevino A. J. (2021) C. Wright Mills on the Character and Role of the Soviet Intelligentsia. *The Routledge International Handbook of C. Wright Mills Studies* (ed. J. Frauley), New York: Routledge, pp. 127–140.

Voeykov M. I., Sorokin D. E. (2005) Politicheskaya ekonomiya i sotsiologiya: problemy integratsii sotsialnogo znaniya [Political Economy and Sociology: Problems of Integration of Social Knowledge]. *Sotsiologiya i ekonomika: ot miphov k realnosti: materialy kruglogo stola, posvyashchennogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika A.M. Rumyantseva* [Sociology and Economics: From Myths to Reality: Materials of the Round Table Dedicated to the 100th Anniversary of Academician A. M. Rumyantsev], Moscow: Institute of Economics RAS, pp. 7–37 (in Russian).

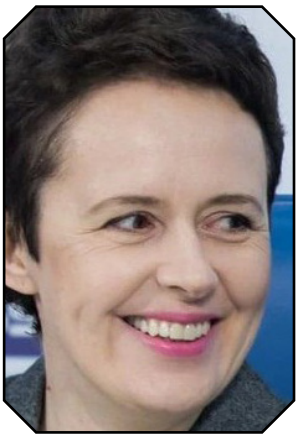
Yadov V. A. (1999) "My vsye — samouchki v sotsiologii" ["We Are All Self-Taught in Sociology"]. *Rossiyskaya sotsiologiya shestidesyatikh godov v vospominaniyakh i dokumentakh* [Russian Sociology of the Sixties in Memoirs and Documents] (ed. G. S. Batygin), St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, pp. 42–63 (in Russian).

Yadov V. A. (2005) Mogut li Rossia vyit' iz svoyei transheii? [Can Russia Exit Its Trench?] *Sotsiologiya i ekonomika: ot miphov k realnosti: materialy kruglogo stola, posvyashchennogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika A.M. Rumyantseva* [Sociology and Economics: From Myths to Reality: Materials of the Round Table Dedicated to the 100th Anniversary of Academician A. M. Rumyantsev], Moscow: Institute of Economics RAS, pp. 38–44 (in Russian).

Received: February 5, 2025
Citation: Rogozin D. (2025) Pozitsiya Alekseya Rumyantseva: neisporchennyy nauchnyy nekrolog [The Position of Alexey Rumyantsev: An Unspoiled Scientific Obituary]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicehskaya sotsiologiya*, vol. 26, no 2, pp. 102–120. doi: 10.17323/1726-3247-2025-2-102-120 (in Russian).

О. В. Синявская, С. С. Бирюкова, Е. В. Селезнёва

Технологии укрепления человека как новый фактор социального неравенства в современном обществе



СИНЯВСКАЯ Оксана Вячеславовна — кандидат экономических наук, заведующий Центром комплексных исследований социальной политики, заместитель директора Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

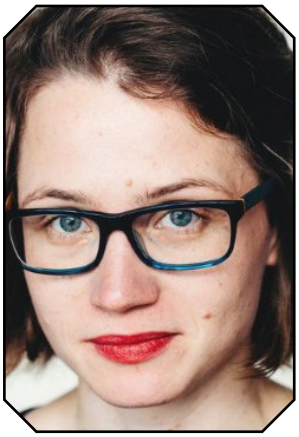
Email: osinyavskaya@hse.ru

Понятие «укрепление человека» описывает процесс, при котором врождённые способности человека временно или постоянно улучшаются с помощью различных технологий и их сочетания. К таким технологиям относятся информационно-коммуникационные (ИКТ), биомедицинские, нейрокогнитивные, нанотехнологии, а также социальные и гуманитарные технологии. В центре внимания авторов обзора находятся социальные последствия развития технологий укрепления человека. Главные рассматриваемые вопросы следующие: что имеющиеся исследования говорят о том, как появление технологий укрепления человека влияет на социальное неравенство? Способствует ли появление технологий укрепления расширению возможностей нижних социальных групп или, напротив, усиливает позиции верхних?

Статья открывается обсуждением концептуальных вопросов взаимосвязей между технологиями укрепления человека, неравенством и социальной исключённостью. Далее на материалах кейсов трёх групп технологий — когнитивного укрепления, вспомогательных репродуктивных технологий и технологий продления жизни (биогенетических и биогеронтологических) — авторы рассматривают, с одной стороны, возможности для повышения благополучия и снижения социальной исключённости, а с другой, риски, которые появляются в связи с развитием технологий укрепления человека. Это позволяет перейти к обсуждению вызовов для социальной политики, формирующихся в результате взаимосвязи развития технологий укрепления человека с социальной исключённостью и неравенством, и того, какие ответы на эти вызовы могут быть предложены.

Изучение литературы, посвящённой эффектам применения технологий укрепления человека, показало, что значительная часть эмпирических публикаций представлена в медицинских журналах; их число пока невелико, однако ещё меньше работ посвящено социально-экономическим аспектам использования технологий укрепления. Научный дискурс о социальных последствиях применения технологий укрепления человека до сих пор носит во многом теоретический, умозрительный характер, а имеющиеся разрозненные эмпирические свидетельства, упоминаемые в обзоре, чаще указывают на воспроизводство и усиление существующего социально-экономического неравенства и его трансляцию в социально-биологическое, хотя выводы ещё далеки от однозначных и устойчивых.

Ключевые слова: укрепление человека; социальное неравенство; социальная исключённость; когнитивное укрепление; вспомогательные репродуктивные технологии; биогеронтологические технологии.



БИРЮКОВА Светлана Сергеевна — кандидат экономических наук, главный научный сотрудник Центра комплексных исследований социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: sbiryukova@hse.ru

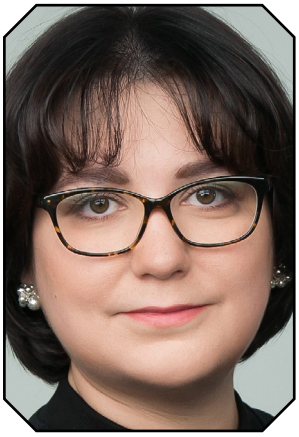
В официальном документе, подготовленном в 1607 г. для палаты лордов, проблема изменений была резюмирована в одной энергичной фразе: «Бедняк должен получить то, в чём он нуждается, — жилище, а джентльмена не должно стеснять в том, к чему он стремится, — в усовершенствованиях». Кажется, эта формула принимает как данное сущность чисто экономического прогресса — усовершенствования ценой социальных бедствий. Но в то же время она косвенно указывает на трагическую неизбежность, с которой бедняк цепляется за свою жалкую лачугу, обречённый на это стремлением богача к усовершенствованиям, полезным для общества и выгодным для него лично [Поланьи 2002: 46].

Введение

Понятие «укрепление человека» (*human enhancement*) характеризует процесс временного или постоянного улучшения врождённых способностей индивида благодаря применению разнообразных технологий и их комбинаций — информационно-коммуникационных (ИКТ), биомедицинских, нейрокогнитивных, нанотехнологий, социальных и гуманитарных технологий[1] [Roco, Bainbridge 2002; Coenen et al. 2009]. В широкой трактовке технологии укрепления охватывают все возможные способы улучшения способностей человека от так называемых низкотехнологичных (*low-tech*) социальных практик и технологий (в том числе практики здорового образа жизни, правильное питание, разнообразные упражнения, психотерапию, медитацию, образование и проч.) до высокотехнологичных (*high-tech*) решений (фармакологические препараты, разнообразные импланты и протезы, косметическая хирургия, вспомогательные репродуктивные технологии, нейростимуляторы, разработки в области генной терапии и проч.). В узкой же трактовке, которой мы в основном придерживаемся в этой статье, к ним относят только высокотехнологичные решения.

С позиции трансгуманизма появление технологий укрепления означает ещё один большой шаг человечества в преодолении ограничений, ранее считавшихся естественными, расширяющий репродуктивные возможности и удлиняющий репродуктивный период (гормональная терапия, вспомогательные репродуктивные технологии — ВРТ), позволяющий жить дольше и лучше (различные биомедицинские, биогеронтологические технологии продления жизни), преодолевать существующие когнитивные и физические ограничения [Bostrom 2020]. При этом технооптимисты предсказывали, что более широкое распространение технологий укрепления человека позволит расширить горизонты здоровой и качественной жизни для всего человечества [Coenen et al. 2009]. Критическая теория, напротив, интерпре-

[1] В последние два десятилетия обсуждаются также перспективы, условия и последствия сближения этих технологий, которые иногда именуются конвергентными (*converging*).



СЕЛЕЗНЁВА Елена Владимировна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований благополучия и бюджетов времени населения Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: evselezneva@hse.ru

тирует развитие технологий укрепления человека как движение в сторону ещё большей медикализации человеческой жизни, проблематизации всех её этапов — от зачатия до старения [Joyce, Loe 2010]. Эти технологии ещё сильнее размывают восприятие биологических ограничений и усиливают изменчивость нормы в здоровье: так, возрастные изменения в зрении, памяти, мышечной силе и др., ранее считавшиеся естественными, теперь описываются как болезни, требующие превенции и коррекции [Fletcher 2020]. В рамках концепции биополитики укрепление человека представляет собой ещё одну форму биовласти, подталкивающую человека пересматривать свои биологические возможности [Fletcher 2020; Le Dévédec 2020]. При этом расширение физических или психических границ не обязательно приводит к увеличению свободы человека, поскольку может быть продиктовано растущей интенсификацией труда и конкуренцией за рабочие места [Pustovrh, Mali, Arnaldi 2018; Le Dévédec 2020] либо модой на молодое тело и внешность [Joyce, Loe 2010] или, например, стигматизацией бездетности [Mahjouri 2004]. Иными словами, стимулами к применению новых технологий могут оказываться не дополнительные возможности, а необходимость избегать возможной социальной исключённости или даже стигмы.

Вследствие относительной новизны высокотехнологичных решений в сфере укрепления человека большинство работ по этой тематике написаны философами, и их авторы обсуждают этические вопросы применения подобных технологий, возможные макросоциальные последствия. Исследований, фокусирующихся на социально-экономических различиях в использовании технологий укрепления человека или на возможном влиянии укрепления человека на социальное неравенство и стратификацию, очень немного. В социально-философской литературе встречаются сюжеты, связанные с взаимосвязью укрепления человека с социальной справедливостью и неравенством (в доступе к технологиям — меж- и внутристрановом), потенциальным расширением или сокращением разрыва между привилегированными и уязвимыми группами [Garcia, Sandler 2008; Veit 2018]. В немногочисленных эмпирических публикациях технологии укрепления человека зачастую обсуждаются в контексте «элитарного, технологичного, инновационного» — как инструмент удовлетворения (иногда базовых, основных) потребностей «продвинутых», обеспеченных людей [Zhang et al. 2018; Lamb 2019; Kim, Kang 2024]. Соответственно, возможности влиять на продолжительность и качество жизни, заложенные в этих технологиях, скорее всего, усиливают уже наблюдаемые «немонетарные» разрывы между социальными группами в здоровье и смертности [House et al. 1994] и закрепляют расхождение «антропологических типов» [Куракин 2020: 186].

При этом социальные последствия развития технологий на протяжении последних десятилетий рассматриваются прежде всего в связи с цифровизацией различных областей жизни, с возникающим при этом цифровым разрывом и исключённостью из цифровой жизни (см., например: [Lythreatis, Singh, El-Kassar 2022]). Однако, на наш взгляд, социальные эффекты от использования технологий укрепления человека не могут быть сведены к тем, что наблюдаются при использовании ИКТ. Во всяком случае, ИКТ— до появления искусственного интеллекта (ИИ) — позволяют преодолевать

ограничения среды (обмен электронными сообщениями вместо обычной почты, мессенджеры вместо телеграфа, видеозвонки как альтернатива личной встрече, онлайн-доступ к огромным объёмам информации вместо необходимости запоминать, посещать библиотеки и архивы и т. п.) и, через это полнее реализовывать имеющийся человеческий потенциал. Тогда как технологии укрепления в целом призваны увеличить этот потенциал благодаря расширению психических и биологических границ человека, восстановлению их до нормы при наличии ограничений или «улучшению» нормы, то есть открытию доступа к некоторым сверхспособностям. ИИ, будучи ИКТ, по своим возможностям, вероятно, оказывается ближе к высоким технологиям укрепления человека и, возможно, будет иметь близкие социальные последствия, однако анализ ИИ выходит за рамки настоящей работы.

В центре внимания представленного ниже обзора находятся социальные последствия развития технологии укрепления человека. Главный интересующий нас вопрос: что имеющиеся исследования позволяют сказать о том, как появление технологий укрепления человека влияет на социальное неравенство, то есть способствует ли оно расширению возможностей нижних социальных групп или, напротив, усиливает позиции верхних?

Обзор состоит из нескольких разделов. В первом мы остановимся на концептуальных вопросах взаимосвязей между технологиями укрепления человека, неравенством и социальной исключённостью. Второй раздел построен вокруг возможностей для повышения благополучия (*well-being*) и снижения социальной исключённости, которые появляются в связи с развитием технологий укрепления человека. Описанные кейсы связаны с применением когнитивного укрепления, репродуктивных технологий, развитием биогенетических методов, биогеронтологических технологий, направленных на замедление или полное блокирование старения. Третий раздел рассматривает обсуждаемые в литературе риски, связанные с применением технологий укрепления человека. При этом мы практически не касаемся этических вопросов применения этих технологий, в том числе вопросов социальной справедливости, однако фокусируемся на негативных (прямых и косвенных) эффектах появления и конструирования этих технологий для создания новых или усиления существующих социальных разрывов, на медикализации и исключённости людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), а также на возникающих угрозах для социальной солидарности, поскольку названные сюжеты также сопряжены с вопросами социального неравенства. Четвёртый раздел посвящён обсуждению тех вызовов, которые формирует взаимосвязь развития технологий укрепления человека с социальной исключённостью и неравенством для социальной политики, тому, как меняется роль государства и какие могут быть предложены ответы на эти вызовы. В заключении обозначены возможные направления будущих исследований.

Взаимосвязь технологий укрепления человека с социальным неравенством и социальной исключённостью: концептуальная рамка

Дискуссия о социальных последствиях применения технологий укрепления человека в существующей литературе в основном представлена двумя нормативными позициями. В рамках первой из них — трансгуманистической — утверждается, что общество в конечном счёте выиграет от развития таких технологий, поскольку в нём будет больше здоровых, умных, генетически усовершенствованных «постлюдей» (*post-humans*), которые будут жить и работать дольше, что, возможно, даже приведёт к сокращению избыточного неравенства и бедности [Bostrom 2005; 2009; 2020; Bostrom, Roache 2008; Rueda 2024]. В этой же логике некоторые исследователи предлагают рассматривать укрепление человека в контексте улучшения его благополучия (*welfarist concept of enhancement*), определяемого как расширение возможностей жить хорошо [Savulescu, Sandberg, Kahane 2011]. И, напротив, инвалидность описывается как «любое состояние биологии или психологии человека, которое снижает шансы на хорошую жизнь в соответствующем стечении обстоятельств» [Savulescu, Sandberg, Kahane 2011: 12].

Вопрос о том, что такое «хорошая жизнь» и «благополучие», допускает множество различных ответов, которые ведут к разным оценкам социальных эффектов применения технологий укрепления человека. Это может быть и узко трактуемая продуктивистская концепция укрепления ради повышения производительности и тех способностей, которые увеличивают возможности работать и получать доход. И более широкая рамка расширения возможностей удовлетворять потребности или получать удовольствие от жизни. Одни исследователи полагают, что развитие технологий укрепления приведёт к усилению различий между людьми (каждый будет укреплять себя по-своему), и это не позволит использовать единое для всех представление о благополучии, что практикуется сейчас в исследованиях социальной политики [Allhof et al. 2010]. Либо укрепление может по-разному изменять различные эквиваленты благополучия: исключительные когнитивные способности позволяют улучшить продуктивность на рынке труда и увеличить доходы, но одновременно с этим могут снизить удовлетворённость жизнью.

Сторонники второй позиции утверждают, что трансгуманизм не учитывает роль структурных факторов неравенств, действие которых приводит к тому, что в отсутствие государственного регулирования высока вероятность усиления разрыва как между бедными и богатыми внутри стран, так и между странами [Nordmann 2004; Milleson 2013; Rodriguez Valdes 2014]. Ряд авторов обращают внимание на то, что использование биотехнологий является формой классового потребления [Barfield, Blodgett-Ford 2021]. До тех пор, пока технологии укрепления человека будут оставаться относительно редким ресурсом, доступным немногим, открывая дополнительные возможности своим пользователям, разработки для укрепления человека могут способствовать возникновению или расширению разрыва между теми, кто получил к ним доступ, и теми, кому этот доступ по каким-то причинам закрыт. И это поднимает вопрос о принципах социальной справедливости в доступе к таким технологиям и о возможных с точки зрения социального неравенства последствиях различной доступности технологий [Sandberg, Savulescu 2011; Swindells 2014].

Поскольку укрепление человека отдельными авторами противопоставляется терапии и оказанию медицинской помощи и, в отличие от этого последнего, ориентировано не на восстановление вполне определённой и жизненно необходимой нормы, а на совершенствование, не имеющее границ, часто практически здоровых людей, едва ли можно рассчитывать, что подобные вмешательства будут оплачиваться из общественных фондов. Даже существующие сейчас в рамках системы здравоохранения манипуляции, которые не являются жизненно необходимыми (пластическая хирургия, протезирование зубов), обычно оплачиваются из частных средств — доходов домохозяйства или фондов работодателя. Подобные источники не позволяют мобилизовать значительные объёмы средств на оплату услуг, а значит, велики риски возникновения социально исключённых групп населения, которые не смогут позволить себе пользоваться благами подобных технологий [Juengst at al. 2003].

Австралийский профессор и исследователь инвалидности Грегори Уолбринг утверждает, что укрепление человека приведёт к пересмотру понятий «полное здоровье», «биологическая норма», что сместит черту между так называемыми нормальными людьми и лицами с ограниченными возможностями: к категории социально уязвимых будут отнесены как люди с ограничениями в здоровье (инвалиды), так и здоровые индивиды без ограничений, но не воспользовавшиеся современными технологиями укрепления [Wolbring 2006]. Уолбринг использует для людей, находящихся в такой ситуации, термин *techno poor impaired or disabled*, охватывающий группу людей, «которые не хотят или не могут позволить себе укрепление тела сверх заложенного природой и которые, в соответствии с трансгуманизированной формой эйблизма, воспринимаются как люди в ослабленном состоянии и испытывают негативное отношение как “инвалиды” соответственно» [Wolbring 2008]. Это единственное встречающееся в литературе по укреплению человека определение технобедности (*techno-poverty*), которое, как показали прошедшие с его появления почти два десятилетия, не получило широкого признания и продвигается в дискуссии об укреплении человека только самим Г. Уолбрингом.

На наш взгляд, у этой концепции есть два слабых момента. Первый: она исходит из предположения о том, что возможно установление новой, более высокой, нормы в биологических возможностях и здоровье, относительно которой будут оцениваться все люди. Между тем процессы, наблюдаемые в последние несколько десятилетий, свидетельствуют о том, что наши представления о здоровье и нездоровье, «физической подготовленности» и физическом благополучии, а также о факторах, которые позволяют поддерживать себя в хорошей форме, меняются со всё возрастающей скоростью, и нет оснований считать, что в будущем ситуация изменится. Об этой неустойчивости, хрупкости понятия «физическая подготовленность» и нашего отношения к телу писал еще в конце 1990-х гг. Зигмунд Бауман: «Что вчера считалось нормальным и, таким образом, удовлетворительным, сегодня может вызывать беспокойство или даже считаться патологией, требующей лечения» [Бауман 2008: 87].

Большое разнообразие технологий укрепления человека также ставит под сомнение возможность укрепить себя везде и позволяет предположить, что в будущем может возникнуть некий перечень (несколько перечней) ключевых направлений укрепления человека, которые будут ассоциироваться с различными жизненными шансами и возможностями, однако внутри этих перечней и технологии, и обещаемые ими возможности будут меняться. Быстрое изменение технологий, постоянное появление новых приводят к тому, что низшие социальные слои постоянно находятся в состоянии «догоняющих», и хотя их доступ к технологиям расширяется, относительные неравенства в этой «погоне» не исчезают [Fitzpatrick 2017].

Второй слабый момент концепции Уолбринга состоит в том, что в приведённом выше определении технобедности смешиваются несколько понятий, а именно понятие «депривационная бедность», разработанное П. Таунсендом [Townsend 1979], «бедность в обществе потребления», описанная З. Бауманом[2], и «социальная исключённость». Технобедные не только являются таковыми, потому что не соответствуют определённым общественным стандартам в области здоровья или не могут вести предписываемый образ жизни и укреплять себя с помощью технологий, но также и испытывают негативное отношение к себе со стороны других людей.

Если уйти от нечёткого понятия «технобедность», то можно сказать, что Г. Уолбринг и некоторые другие авторы интерпретируют технологии укрепления человека как ещё один фактор формирования социальной исключённости (*social exclusion*) людей без «укрепления», приводящий к усилению разрыва между теми, кто может (*able*), и теми, кто не может (*not able*) улучшать себя с помощью этих технологий. Это может быть справедливо, по меньшей мере, когда под социальной исключённостью в соответствии с британской традицией понимают невозможность придерживаться «определённого стандарта жизни, экономического, политического, культурного или социального» [Hick 2012: 297] либо «процесс, в результате которого определённые социальные группы и отдельные лица маргинализируются и отделяются от “основного” общества» [Blakemore, Warwick-Booth 2013], или «процессы, в результате которых люди становятся оторванными от общества в целом и сообществ, в которых они живут, из-за присущих им характеристик или из-за того, как они подвергаются дискриминации со стороны других людей или институтов» [Baldock, Vickerstaff, Mitton 2011].

При этом риски социальной исключённости, по мнению Г. Уолбринга, возникают из-за самого факта отсутствия ставших нормой укреплений тела сверх заложенных природой возможностей, независимо от того, является ли такая ситуация следствием существующих ограничений (то есть вынужденной) или отказа применять эти технологии (то есть добровольной). Такова достаточно расширительная трактовка социальной исключённости, включающая «добровольную социальную изоляцию» [Barry 1998],

[2] З. Бауман, описывая бедных людей в современном (1980-е гг.) обществе, подчёркивает их неспособность «включиться в социальное поведение, признанное надлежащим для “нормального” члена общества» [Бауман 2021: 161], характеризует их как «дефектных потребителей» [Бауман 2021: 159].

которая подразумевает, что отсутствие укрепления тела вредит не только самому человеку, но и обществу [Hick 2012]. Более распространённым является определение социальной исключённости только как ситуации вынужденного несоответствия стандартам общества при желании человека следовать им [Laderchi, Saith, Stewart 2003; Hick 2012].

Стоит подчеркнуть, что технологии укрепления важны не сами по себе, а лишь в той степени, в которой они приводят к расширению базовых возможностей человека [Coeckelbergh 2011]. Например, антивозрастная косметическая хирургия может улучшить самооценку и настроение человека, повлиять на его социальные и сексуальные контакты, оказаться важной для сохранения работы в каких-то узких, предъявляющих высокие требования к внешности профессиональных сферах (кино, шоу-бизнес и т. п.), но для огромного количества людей она никак не затронет их возможности работать, участвовать в общественной и политической жизни, вести здоровую жизнь. Иными словами, влияние антивозрастной косметической хирургии на многомерное благополучие или качество жизни людей будет неоднозначным. Одним из перспективных теоретических направлений для изучения влияния укрепления на благополучие является возможностный подход (*capability approach*) и многомерная концепция «бедности возможностей» (*capability poverty*), предложенная Амартией Сеном и Мартой Нуссбаум [Сен 2004; Nussbaum 2006; Sen 2006]. В рамках этого подхода благополучие рассматривается через призму свободы людей делать выбор, жить в соответствии с собственными ценностями, реализуя свой человеческий потенциал [Laderchi, Saith, Stewart 2003; Сен 2004]. Тогда как не только экономические ресурсы, но и технологии укрепления человека выступают в качестве средств для достижения цели, расширения возможностей жить с достоинством [Coeckelbergh 2011]. Отсутствие доступа к технологиям укрепления человека может в этой парадигме рассматриваться как одна из форм депривации, препятствующая достижению цели и способствующая социальной исключённости.

Не менее важно, что последствия применения технологий укрепления человека не всегда очевидны и однозначны, а возможные побочные эффекты их применения для организма человека ещё недостаточно изучены [Outram, Racine 2011]. Это, наряду с другими факторами, может влиять на готовность людей использовать такие технологии для увеличения своих способностей: ряд исследований подтверждают, что понимание рисков потенциальных вмешательств может значимо снижать поддержку технологий [Schuijff, Brom 2013; Weisberg, Badgio, Chatterjee 2017; Delhove et al. 2020]. Кроме того, отношение к укреплению здоровых людей, подразумевающее выход за рамки человеческих возможностей, пока еще довольно скептичное [Castelo, Schmitt, Sarvary 2019]. Всё это ставит под сомнение предположение о том, что какие-то направления укрепления человека до уровня развития сверхспособностей станут массовыми и приведут к стигматизации тех, кто ими не воспользовался. На наш взгляд, для превращения практик укрепления в универсальные требуется достаточно большое количество условий, в том числе очевидное снижение качества жизни в отсутствие соответствующего укрепления (как это происходит, например, при потере зубов, проблемах с суставами, катаракте или развитии деменции и т. п.), изученность опыта применения технологии, позволяющая говорить о ее относительной безопасности, финансовая доступность, которая зачастую невозможна без государственной поддержки производителей или потребителей.

Учитывая изложенные выше аргументы, представляется, что в контексте развития технологий укрепления человека важные направления социальных исследований могут быть связаны с изучением, во-первых, того, в какой мере эти технологии и результаты их применения способствуют расширению индивидуальной свободы и возможностей самореализации, какой вклад они вносят в благополучие человека. И во-вторых, того, какие неравенства возникают при их применении, насколько эти неравенства в укреплении себя воспроизводят другие существующие неравенства, и приводит ли распространение технологий и практик укрепления себя к социальному исключению неукреплённых, а если да, то где проходит (скорее всего, постоянно меняющаяся) граница исключённости, каков состав социально исключаемых групп.

Технологии укрепления человека как источник расширения возможностей и роста благополучия

Одна из серьёзных проблем в дискуссии о социальных последствиях применения технологий укрепления человека связана с тем, что до сих пор отсутствует достаточное количество убедительных эмпирических исследований их использования, позволяющих получить оценки влияния этих технологий как на отдельных людей, так и на население в целом, в том числе в различных временных перспективах [Racine, Sattler, Boehlen 2021]. В результате большинство аргументов как за применение технологий, так и против основаны на умозрительных заключениях и предположениях о возможных эффектах на основе отдельных эмпирических фактов. Общий аргумент сторонников применения технологий состоит в том, что укрепление человека позволяет справиться с отдельными проблемами людей, например, через укрепление когнитивных функций, восстановление репродуктивных функций, продление здоровой жизни. И, соответственно, массовое применение может привести к улучшению здоровья населения в целом, то есть дать положительный социетальный эффект [Bostrom, Roache 2011; Outram, Racine 2011].

Когнитивное укрепление (когнитивное совершенствование, расширение возможностей мозга) может быть определено как целенаправленное «усиление или расширение базовых когнитивных способностей за счёт улучшения или расширения внутренних или внешних систем обработки информации» [Bostrom, Roache 2011: 138], охватывающее широкий спектр методов и технологий «улучшения памяти, концентрации и мотивации» [Саритас 2013: 8]. В литературе встречаются различные трактовки того, что можно включать в технологии когнитивного совершенствования, — от социальных технологий в формате традиционного образования, функционального питания до ноотропных — умных — препаратов[3] и технологий генной инженерии, нейрохирургии, применения нейростимуляторов, нейропротезов, нейроимплантов, прямых интерфейсов мозг—компьютер [Дежина et al. 2020]. Многие авторы отмечают огромный вклад цифровых технологий в когнитивное укрепление человека. При этом в литературе обозначается парадокс, когда «обычные», или традиционные (*low-tech*), средства улучшения когнитивных функций (образование, психотерапия, различные ментальные техники, ИКТ, функциональное питание и т. п.) не вызывают споров, в то время как нетрадиционные (*high-tech*), такие как лекарства, имплантаты, генная инженерия, прямые интерфейсы мозг—компьютер и т. п., вызывают критику, поскольку могут ограничивать автономию и самостоятельность человека [Bostrom, Roache 2011; Lewis 2021].

Применение инструментов когнитивного совершенствования, включая такие традиционные, как непрерывное образование, когнитивные тренировки (тренировка памяти, внимания), может иметь важные социетальные эффекты в стареющих обществах, поскольку позволяет отложить наступление деменции, снизить распространённость когнитивных нарушений в старческом возрасте [Frisoni et al. 2023]. Распространённость деменции резко увеличивается в самых старших возрастах и представляет серьёзный вызов системам здравоохранения и долговременного ухода, поэтому укрепление когнитивных функций способно принести как финансовый выигрыш (в виде меньшего прироста расходов на медицинское обслуживание и уход), так и снижение нагрузки на членов расширенной семьи, которые в настоящее время включены в неформальный родственный уход за человеком с когнитивными нарушениями [Ienca, Shaw, Elger 2019]. При этом исследования показывают значимые положительные эффекты от применения различных обычных технологий, в том числе, например, ежедневных аэробных тренировок, когнитивного тренинга, включённости в социальные контакты и общественную деятельность, ИКТ и проч., для укрепления когнитивных функций в старшем возрасте [Ienca, Shaw, Elger 2019]. Выявлены также положительные эффекты применения ноотропов [Chiroma et al. 2019], компьютеризированного когнитивного обучения, в том числе с использованием роботов [Alnajjar et

[3] На сегодняшний день эффективность ноотропных препаратов не подтверждена в терминах доказательной медицины.

al. 2019], для уменьшения когнитивных проблем у людей старшего возраста, например с диагностированной болезнью Альцгеймера. С точки зрения тематики данного обзора когнитивное укрепление в старшем возрасте снижает риски утраты автономии и самостоятельности пожилыми людьми и их исключённости.

Возможные позитивные эффекты применения технологий когнитивного совершенствования касаются укрепления когнитивных способностей людей из менее привилегированных социальных слоёв, обладающих более низким уровнем образования и, вероятно, сниженными когнитивными функциями — более низкими показателями интеллекта, внимания, памяти, способности к концентрации и т. п. [Dunlop, Savulescu 2014]. Так, в отношении применения ноотропов исследования показывают, что наибольшее улучшение наблюдается у людей менее образованных людей, с меньшим IQ или более выраженными когнитивными ограничениями [Turner, Sahakian 2008: 111; Sandberg, Savulescu 2011: 95]. В описаниях разработок нейро- и зрительных протезов указывается на вклад этих методик в преодоление пока считающихся неизлечимыми ограничений в здоровье у лиц с инвалидностью [Черникова, Черникова 2012][4]. Можно предположить, что применение технологий когнитивного укрепления способно в большей степени улучшить положение социально уязвимых слоёв населения, привести к росту их благосостояния (поскольку более высокие когнитивные способности и уровень образования положительно связаны с возможностями занятости и уровнем доходов) и, по меньшей мере, не усилить, а то и ослабить существующие социально-экономические неравенства.

Вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) направлены на преодоление бесплодия (инфертильности), то есть преодоление лишений, связанных с объективными ограничениями здоровья, на осуществление права на родительство, повышение благополучия населения и расширение возможностей личной реализации во всех сферах жизни, в том числе в семейной. Европейское общество репродукции человека и эмбриологии (European Society of Human reproduction and Embryology, ESHRE) рассматривает бесплодие как серьёзное ограничение или даже увечье в связи с тем, что для многих людей, особенно в некоторых странах и регионах, прокреация — это фундаментальная потребность и одна из важнейших жизненных целей [ESHRE Task Force… 2008]. В то же время есть и другой взгляд на ВРТ: некоторые эксперты рассматривают их не как технологии, предоставляющие возможности, а как дополнительный инструмент давления на женщин и подчёркивание их репродуктивной функции, усиливающий гендерное неравенство в распределении социальных ролей (рождение ребёнка «любой ценой», даже при диагностированном бесплодии, с очень значительными финансовыми и временными затратами). Такая точка зрения встречается в литературе феминистской направленности [Mahjouri 2004].

Биогеронтология объединяет в себе исследования и разработки, направленные на борьбу со старением и позволяющие полностью заблокировать действие этого биологического механизма, замедлить его или научиться излечивать людей от возраст-ассоциированных заболеваний (ВАЗ), продлевая период здоровой и активной жизни. Хотя, как отмечают учёные, старение и смерть при достижении определённого возраста не являются неотъемлемыми свойствами всего живого (существует ряд видов животных — омары, отдельные рыбы, черепахи, — у которых признаки старения не наблюдаются), для человека существует некий предел продолжительности жизни, поэтому попытки радикально его отодвинуть относятся к технологиям по укреплению человека.

[4] Ряд авторов предлагают различать укрепление и терапию, которая направлена на предупреждение или лечение заболеваний [Juengst 1997; Buchanan 2011]. При таком подходе нейротехнологии для инвалидов не будут относиться к технологиям укрепления человека. Вместе с тем есть и другая позиция, считающая различия между укреплением и терапией иллюзорными и не имеющими практической значимости [Ienca, Shaw, Elger 2019; Bostrom, Sandberg 2009]. Мы придерживаемся второй позиции.

Радикальное продление жизни, как ожидается, должно сопровождаться различными позитивными эффектами для индивида и общества, то есть сохранением жизни родственников (в том числе тех, кто вносил существенный вклад в доходы домохозяйства), увеличением активного периода жизни (и периода отдачи от образования на рынке труда) [Grossman 1972; Becker 2007], снижением или сдерживанием роста расходов на медицинскую помощь. Оценивая возможную экономическую отдачу от радикального продления жизни, которого удастся добиться в будущем, авторы (см.: [Sethe, Magalhães 2013]) ссылаются на оценки, согласно которым экономическая отдача от увеличения ожидаемой продолжительности жизни в США в 1970–2000 гг. составила около 3,2 триллиона долларов ежегодно за счёт роста продуктивности и сокращения стоимости лечения [Murphy, Topel 2006].

Возможная экономия на медицинской помощи является одним из самых сильных аргументов, к которым прибегают сторонники биогеронтологии и оппоненты позиции о том, что подобные исследования могут оказаться непозволительно дорогими. Рост затрат на оказание медицинской помощи, одна из причин которого — старение населения, является достаточно тревожной тенденцией в развитых странах [Keehan et al. 2015], поскольку в условиях ограниченности ресурсов государство может постепенно начать перекладывать на население всё большую долю затрат на оказание медицинской помощи. Одним из способов решения данной проблемы может быть инвестирование в биогеронтологические исследования, которые должны способствовать более позднему возникновению возраст-ассоциированных заболеваний или даже их исчезновению и, как следствие, снижению расходов на оказание медицинской помощи пожилому населению [Micans 2005; Olshansky et al. 2006; Capitaine, Pennings 2013].

Радикальное продление жизни может способствовать и изменению принципов распределения ресурсов внутри системы здравоохранения между пациентами различных возрастов. Хотя сейчас закрепление приоритетности какой-либо возрастной группы недопустимо, в исключительных случаях, когда возможности по оказанию помощи крайне ограничены (что, например, наблюдалось в пандемию коронавируса в отделениях интенсивной терапии), не исключено применение принципа естественной продолжительности жизни (*notion of a "natural lifespan*"). Его сторонники исходят из допущения, что существует некоторая средняя продолжительность жизни (около 80 лет), когда человек успевает реализовать все свои основные жизненные планы. По достижении этого возраста жизнь человека представляет уже не столь высокую ценность, как у более молодых пациентов [Wicclair 1993; Callahan 1995; Schinkel 2013]. Согласно этому принципу, «ресурсы здравоохранения должны использоваться, чтобы помочь людям достичь естественной продолжительности жизни и облегчить страдания в пределах этого возраста, но не для продления жизни тех, кто уже достиг естественной продолжительности жизни» (цит. по: [Schinkel 2013: 156]). Увеличивая среднюю продолжительность жизни человека, разработки в области биогеронтологии могут способствовать пересмотру границы естественной продолжительности в сторону ее повышения или отказу от неё.

Риски для благополучия и неравенства, связанные с использованием технологий укрепления человека

Риски, рассматриваемые в этом разделе, достаточно разноплановые. Одна группа рисков связана с рисками безопасности вследствие недостаточной изученности эффектов от применения разнообразных технологий укрепления человека, а также последствий одновременного применения нескольких технологий для здоровья людей. Так, например, исследователи пишут о достаточно скромных эффектах применения биомедицинских технологий для улучшения работы мозга, в том числе по сравнению как с традиционными, так и с современными нетехнологическими и нефармацевтическими средствами улучшения или поддержания когнитивных функций [Coenen et al. 2009; Bostrom, Roache 2011]; неоднородности, недостаточной предсказуемости и ограниченности эффектов применения ноотропных препаратов [Niyadurupola 2008; Turner, Sahakian 2008; Fond et al. 2015; Schifano

et al. 2022]. Это последнее обстоятельство провоцирует одновременный приём нескольких различных ноотропов, чтобы воздействовать на все когнитивные функции, и, соответственно, формирует риск лекарственного взаимодействия и усиления побочных эффектов [Turner, Sahakian 2008: 111]. Долгосрочные риски употребления этих препаратов ещё мало изучены [Niyadurupola 2008; Outram, Racine 2011]. Систематические обзоры применения ноотропов либо не выявляют долгосрочных эффектов улучшения когнитивных способностей и результатов обучения [Fond et al. 2015], либо даже приводят результаты парадоксального ухудшения способностей в кратко- и долгосрочной перспективе [Schifano et al. 2022]. Существуют риски формирования зависимости от приема ноотропов или других препаратов, укрепляющих различные функции человека [Dunlop, Savulescu 2014; Fond et al. 2015; Sharif et al. 2021]. Ряд исследований выявляют побочные эффекты от приема синтетических ноотропов в виде сердечно-сосудистых и неврологических нарушений [Fond et al. 2015; Sharif et al. 2021]. В более широкой перспективе риски возникновения неизученных побочных эффектов совместного использования нескольких технологий укрепления человека вытекают из самой логики биомедицинского подхода, в котором нет целостной картины человека, а есть воздействие на его тело и отдельные части тела или органы. И если при лечении заболеваний риски и побочные эффекты лечения балансируются весомыми рисками ухудшения состояния, возникновения инвалидности или даже смерти, то в отношении технологий укрепления человека, особенно применяемых по отношению к здоровым людям, такая альтернатива отсутствует.

Отчасти связанный сюжет, хотя и не обязательно создающий риски безопасности, касается последствий неэффективного контроля за качеством продуктов для укрепления, предоставляемых населению. Хотя биогеронтология ещё не готова предоставить потребителю готовые средства против старения, по мнению Эрика Юнгста и его соавторов [Juengst et al. 2003], ещё к началу 2000-х гг. в США сформировались рынки товаров «против старения» с недоказанной эффективностью (косметические средства, биологически активные добавки, комплексы питания), которые фактически не дают никаких преимуществ тем, кто смог приобрести эти товары, а иногда несут дополнительные риски для потребителей. Эксперты считают, что такая ситуация сложилась потому, что укрепление не является лечением, терапией, поэтому не подпадает под регулирование органов, контролирующих эффективность и безопасность медицинских протоколов, лекарственных препаратов и медицинских изделий (в США — под регулирование Управления по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов — Food and Drug Administration, FDA).

Среди рассматриваемых в этом обзоре технологий укрепления человека дольше всего и под строгим медицинским контролем применяются вспомогательные репродуктивные технологии. Это позволило накопить почти полувековой опыт наблюдения за последствиями их применения для здоровья матери и, что не менее важно, детей. В работах, оценивающих эти последствия, подтверждается важный тезис о сложности разделения эффектов процедуры от влияния других факторов, что может быть распространено на любые технологии укрепления человека [Berntsen et al. 2019]. И хотя общий, основанный на солидной доказательной базе, вывод свидетельствует о в целом высокой степени безопасности и эффективности ВРТ как метода преодоления бесплодия [Graham et al. 2023], нельзя не отметить более высокие риски процедуры ЭКО для здоровья рождаемых с помощью этой технологии детей как в краткосрочной [Hansen et al. 2005; Berntsen et al. 2019], так и долгосрочной перспективе: долгосрочные последствия состоят в более высоких рисках ожирения, диабета 2-го типа и сердечно-сосудистых заболеваний [Chen, Heilbronn 2017; Berntsen et al. 2019].

Вторая группа рисков связана с неопределённостью и изменчивостью понятия «норма» в здоровье под влиянием не только появления новых научных знаний, но и развития технологий укрепления человека и лоббистских усилий их производителей и медицинского сообщества. Размывается грань между вариациями нормы и патологиями, требующими медицинского вмешательства [Juengst et al. 2003; Бауман 2008].

Это, в частности, создаёт риски избыточного назначения лекарств даже при отсутствии серьёзных проблем; возникает риск медикализации психологических состояний и нарушений настроения. В качестве примеров приводят значительное увеличение числа и доли детей и подростков с синдромом дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ), лиц с диагностированной депрессией, которым назначается медикаментозное лечение без достаточно серьёзных оснований [Niyadurupola 2008: 81; Coenen et al. 2009: 11]. Ещё один риск связан с тем, как применение технологий укрепления человека может изменить понятие «норма» в отношении производительности труда, его интенсивности и условий [Outram, Racine 2011].

Третья группа рисков обусловлена гиперагентностью, лежащей в основе технологий укрепления человека и особенно концепции трансгуманизма. Трансгуманистическая парадигма отрицает и патологизирует не только старение как процесс угасания возможностей (на компенсацию которых и направлено укрепление), но и в целом вариацию в спобоностях и возможностях людей, а также существующие структурные ограничения.

С одной стороны, неолиберальная идея личной ответственности человека за своё здоровье подменяет идею агентности (самостоятельность, субъектность) как расширения прав и возможностей людей выбирать, улучшать ли себя. Индивиды, которые не могут или не хотят улучшать своё здоровье или внешний вид, стигматизируются и дискриминируются [Coenen et al. 2009]. Сочетаться могут две формы дискриминации — эйблизм и эйджизм, и ярким примером этого является концепция успешного старения [Fletcher 2020].

С другой стороны, дискурс вокруг технологий укрепления человека во многом игнорирует или занижает роль ограничений, в которых действует индивид. Создаётся иллюзия, что постчеловек, то есть тот, кто воспользовался технологиями и укрепил себя, живёт вне этих ограничений (физических и когнитивных), находясь в состоянии гиперагентности, или «состоянии агентности, при котором практически все конституирующие агентность аспекты (восприятие, обработка информации и действие) подчинены воле и манипуляциям агента» [Danaher 2016: 360]. По мнению американского философа Майкла Сэндела и его последователей, такая ситуация является источником рисков снижения солидарности в общества [Sandel 2007]. Агент утрачивает ощущение благодарности за дар (те преимущества, которые он имеет в восприятии, обработке информации и действиях независимо от его усилий) или смиряется с тем, что он не имеет таких преимуществ, что, в свою очередь, уменьшает его готовность бескорыстно (не получая моментальной ответной выгоды) действовать в интересах других людей, которые его преимуществами не обладают. Укрепление человека, инициированное самим человеком, расширяя его возможности, подводит к тому, что каждый индивид в обществе чувствует всё большую ответственность за свои успехи и неудачи, утрачивает стимул проявлять эмпатию к другим и действовать в их интересах без ожидания моментальной отдачи в виде дополнительных благ для себя: «[Получив возможность укрепления себя], мы — и только мы — несём ответственность за наши индивидуальные неудачи, и никто другой не заслуживает нашей доброты и благодарности только потому, что не смог исправить свои недостатки [с помощью укрепления]» [Danaher 2016: 367].

Биомедицинский подход к укреплению человека и формируемое им состояние гиперагентности приводит к медикализации инвалидности и различий в физическом и психическом здоровье. Принижается значение социальных факторов и доступности среды как источника социального неравенства и фактора формировании инвалидности и социальной исключённости. Между тем имеются многочисленные и непротиворечивые эмпирические свидетельства того, что дети из низкодоходных семей, особенно в случае длительного пребывания в бедности, демонстрируют более низкие когнитивные навыки, у них впоследствии ниже уровень формального образования, чаще возникают проблемы в поведении [Bradshaw 2002; Thévenon et al. 2018; National Academies… 2019; Cooper, Stewart 2021]. Отдельные исследования показывают также негативное влияние длительной бедности в детстве на состояние здоро-

вья и характеристики материального благополучия во взрослом возрасте [Thévenon et al. 2018; National Academies… 2019]. Увлечение возможностями технологий укрепления человека смещает фокус внимания с проблем социального неравенства и социального конструирования инвалидности. В случае с детьми из бедных семей их дефициты в здоровье или когнитивных функциях проще было бы восполнить вполне традиционными инструментами, обеспечив полноценное сбалансированное питание, доступ к медицинским и образовательным услугам, нежели применяя сложные технологии укрепления человека или фармакологическое укрепление.

Четвёртая группа рисков, сопутствующих укреплению, во многом вытекает из предыдущей и связана с противопоставлением преобразования человека преобразованию среды. Выбирая преобразование человека, мы фактически отказываемся от преобразования среды или снижаем приоритетность подобных проектов при распределении ограниченных ресурсов. Для обозначения этой проблемы М. Сэндел использует греческое понятие *hybris,* обозначающее чувство ложного превосходства человека над высшими силами (над властью богов в легенде о Прометее, который решил открыть людям секрет огня), над законами природы, которое должно неизбежно привести к ошибке. Для общества концентрация на укреплении человека может вылиться в ошибку недоиспользования для достижения благополучия потенциала развития среды, социального и политического развития [Meulen 2019].

С этими идеями перекликаются и предложения Мелинды Холл, которая считает, что для человека с ограниченными возможностями лучшим вариантом является создание инклюзивной среды, а не его укрепление. По мнению исследователя, укрепление, подаваемое апологетами трансгуманизма как освобождение от ограничений тела, расширение выбора, условие для наиболее полной реализации потребностей, фактически является способом контроля над человеком, поскольку позволяет стигматизировать «неулучшенных», подталкивать их к улучшению. Также преобразование среды видится этому автору лучшей альтернативой укреплению, поскольку манипуляции со средой приводят к созданию коллективных рисков (с которыми, видимо, проще справиться отдельному индивиду, в том числе за счёт социальных институтов и поддержки государства), в то время как укрепление сопряжено с возникновением индивидуальных рисков [Hall 2018]. Эмпирические исследования показывают, что стратегии обогащения среды, то есть адаптация и преобразование окружающего пространства с учётом потребностей людей с ограниченными возможностями в здоровье, в том числе когнитивными нарушениями, очень важна и может, в частности, оказывать сильное влияние на улучшение когнитивных функций [Ienca, Shaw, Elger 2019].

Наконец, пятая группа рисков, последняя в этом обзоре по порядку, но отнюдь не по значимости, связана с вкладом использования технологий укрепления человека в углубление существующих социальных разрывов, возникающих за счёт активного использования передовых технологий представителями верхних страт и их недоступности либо отсутствия интереса к ним у нижних. Усиление неравенства происходит и за счёт различных жизненных шансов, и за счёт различий в жизненных стилях. Это неравенство поддерживается и самими разработчиками технологий укрепления человека: «Такие приземлённые проблемы, как лечение болезней бедности, часто кажутся энтузиастам улучшения человека незначительными, и [они считают, что] их можно решить с помощью довольно тривиальных технологических решений» [Coenen et al. 2009: 46]. Неравенство может усугубляться институтами образования и рынка труда; например, в ситуации, когда бедные по доходам люди не могут позволить себе оплатить технологии когнитивного укрепления и получить тот уровень образования, который необходим для выполнения хорошо оплачиваемой работы, социально-экономическое неравенство дополняется когнитивным [Outram, Racine 2011].

В отношении рисков, связанных с увеличением неравенства в результате развития технологий укрепления человека, к настоящему моменту сформировался наиболее цельный корпус эмпирических ис-

следований. К примеру, достаточно большой объём свидетельств по различиям в охвате вакцинацией, которую также можно отнести к технологиям укрепления человека, подтверждает обозначенные выше опасения. Так, социально значимый градиент в детской и подростковой вакцинации проявляется как в низко- и среднедоходных странах [Hajizadeh 2018; Bettampadi et al. 2021], так и в наиболее развитых [Roberts et al. 2011; Doherty, Walsh, O'Neill 2014; Bocquier et al. 2017]. Иначе говоря, более низкий охват вакцинами наблюдается в группах детей из бедных по доходу семей, нижних социально-экономических слоёв, этнических меньшинств, слаборазвитых, депривированных территорий. Исключения касаются отдельных вакцин (например, от кори, паротита, краснухи) и отдельных стран (Киргизия, Германия, Великобритания и некоторые другие), в которых более распространены добровольные отказы от вакцинации среди наиболее обеспеченных родителей. Аналогично исследователи фиксировали меньший охват вакцинацией от коронавируса (COVID-19) жителей социально неблагополучных районов [Hughes 2021], представителей этнических и религиозных меньшинств, нижних социальных слоёв, инвалидов, стариков [Nafilyan et al. 2021].

Вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) относятся к старейшим технологиям укрепления человека, поэтому в отношении их применения уже накоплен достаточно большой эмпирический материал. ВРТ характеризуются крайне высоким межстрановым неравенством с точки зрения их доступности: серьёзные различия наблюдаются даже в группах стран со схожим уровнем экономического развития [Lass, Lass 2021]. Самая низкая доступность ВРТ фиксируется именно в тех странах, где бесплодие распространено максимально (развивающиеся и беднейшие страны, в том числе африканские страны южнее Сахары; см., например: [Daar, Merali 2002; Araoye 2003]). Сложившаяся фактически ситуация рационализируется или даже оправдывается необходимостью контролировать рождаемость в этих регионах, низким уровнем здравоохранения в целом и дефицитом ресурсов в системе здравоохранения и социальной поддержки (необходимость в первую очередь финансировать базовые технологии), приводящими к высокой материнской смертности, распространённости других заболеваний и т. д. Несмотря на то что часть аргументов носят рациональный характер, по факту такая ситуация становится драйвером роста межстранового неравенства в доступе к технологиям и порождает проблемы этического характера. При этом бездетность как лишение в беднейших странах, где до настоящего времени приняты высокие нормы детности, может восприниматься значительно острее, чем в развитых странах: отсутствие детей в семейной паре может становиться серьёзной депривацией и даже стигмой [Boivin, Griffiths, Venetis 2011]. В отдельных сообществах рождение ребёнка требуется для утверждения, признания заключённого брака (*consummation*; см. кейс Уганды в работе: [Araoye 2003]).

Аналогичные закономерности действуют и на индивидуальном уровне: по имеющимся статистическим данным, бесплодие сильнее распространено в группах с низким социально-экономическим статусом; такие различия наблюдаются как в развивающихся, так и в развитых странах [Araoye 2003; Elster 2005; Birenbaum-Carmeli, Inhorn 2009; Bauer 2014]. Это связано с тем, что одной из причин бесплодия являются хронические заболевания и инфекции, не выявленные своевременно и не пролеченные адекватным образом, сильнее распространённые именно в низших социальных слоях, имеющих ограниченный доступ к высококачественной медицине и реже включённых в профилактические медицинские осмотры по месту работы или по личной инициативе. При этом доступ к ВРТ не является универсальным. Существующие оценки по отдельным странам показывают, что он очень ограничен и распределяется неравномерно по группам населения. Основной барьер — высокая цена и необходимость софинансирования или полной оплаты за счёт собственных средств потребителей. Стоимость этих технологий до настоящего времени настолько высока, что может быть запретительной для существенной части населения, не только низкодоходных групп. К примеру, в Южной Африке, по имеющимся оценкам на основе выборочных данных, каждая пятая пара, прибегающая к ВРТ, тратит на них более 40% совокупного объёма средств на непродуктовое потребление, а в нижнем доходном терциле доля таких пар достигает 51%; авторы исследования называют это катастрофическим бременем расходов [Dyer et al. 2013].

Ключевой фактор неравенства в доступе к ВРТ — высокая степень коммерциализации этой сферы, сложившаяся ещё на этапе возникновения технологий. Эта область медицинских технологий ни на общественном, ни на государственном уровне пока не воспринимается как стандарт. Более того, существует точка зрения, что развитие ВРТ, публичный акцент на них отвлекают внимание и ресурсы государств от других медицинских программ и мероприятий, направленных на профилактику и лечение бесплодия, более дешёвых и эффективных.

Высокая стоимость ВРТ, значимые межстрановые различия по этому параметру, как и различия в регулировании доступности различных ВРТ, провоцируют развитие так называемых репродуктивного туризма, или ВРТ-путешествий (см., например: [Moll et al. 2022]). Это может создавать новые риски для здоровья и благополучия низкообеспеченных слоёв населения в принимающих странах: включаясь в программы ВРТ в качестве доноров или суррогатных матерей с целью получения дохода, порой существенного, люди не всегда оказываются полностью информированы о существующих для их здоровья рисках, могут не получать адекватного медицинского сопровождения или помощи по завершении их участия в программе, а также недооценивать эти риски [Smith-Cavros 2010]. Также повышение спроса на ВРТ со стороны иностранных граждан становится причиной роста цен на национальных рынках и снижает доступность этих технологий для местного населения [Smith-Cavros 2010].

Направленные на повышение качества жизни в старших возрастах продукты биогеронтологии могут способствовать увеличению разрыва в жизненных шансах между пожилым населением и населением средних возрастов. Такова позиция критика трансгуманизма Г. Уолбринга, который ставит под сомнение способность технологий против старения полностью победить эйджизм [Wolbring 2006]. Опираясь на суждение экспертов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) о том, что ограниченные ресурсы целесообразнее распределять в пользу более здоровых пациентов, чем более больных, поскольку в первом случае результаты применения этих продуктов будут более значимыми (в том числе экономически), чем во втором [Murray, Acharya 1997], Г. Уолбринг полагает, что от внедрения продуктов биогеронтологии выиграют скорее молодые и активные люди, чем пожилые. Именно молодая и активная часть населения станет приоритетной группой для обеспечения средствами против старения, а не пожилые люди [Murray, Acharya 1997; Wolbring 2006]. Исследования доступности существующих технологий терапии ассоциированных с возрастом проблем подтверждают эти предположения: например, наблюдаются значимые социально-экономические различия в доступности операций по замене или эндопротезированию коленных и тазобедренных суставов [Dixon et al. 2004; Alvarez et al. 2022].

Необходимо отметить, что в литературе встречаются аргументы, оспаривающие тезис об усилении неравенства вследствие применения технологий укрепления человека. Один из них связан с тем, что продукты для укрепления могут оказаться не столь эффективными в изменении качеств человека и его успешности, как ожидается. Так, например, могут быть переоценены разработки в области генной инженерии, поскольку до сих пор остаётся открытым вопрос о соотношении вкладов генотипа человека и условий, в которых он развивался, в формирование его личных и профессиональных качеств и даже в продолжительность жизни. Также не вполне понятно, насколько сообразительность (качество, необходимое для достижения успеха) определяется уровнем IQ, на который могут повлиять разработки для укрепления человека, по крайней мере те, что создаются на текущем этапе развития науки [Savulescu, Sandberg, Kahane 2011]. Наконец, из эмпирических исследований влияния ноотропов известно, что они более эффективны для людей с уже имеющимися когнитивными нарушениями [Chiroma et al. 2019] и более низким IQ, чем для укрепления более образованных и здоровых [Niyadurupola 2008; Turner, Sahakian 2008; Sandberg, Savulescu 2011], что может способствовать сокращению существующих разрывов в когнитивных функциях.

Кроме того, даже если различные социальные группы будут иметь неравный доступ к технологиям укрепления человека, и группы с наибольшими экономическими и властными ресурсами будут всегда

потреблять более совершенные и эффективные технологии, их развитие всё равно может привести к улучшению здоровья и расширению возможностей (*capabilities*) более низших социальных страт. В монографии «Великий побег. Здоровье, богатство и истоки неравенства» Ангус Дитон показывает, как в экономически развитых странах, для которых охрана здоровья населения является значимым приоритетом, блага, позволившие увеличить продолжительность жизни и доступные в разные периоды истории сначала привилегированным социальным группам, затем становились доступны всему населению [Дитон 2016]. Такими благами стали качественное питание (на рубеже Средневековья и Нового времени), антибиотики, канализация, первые лекарства и вакцины (в конце XIX — начале XX века), антигипертензивные препараты, снижающие риски смерти от сердечно-сосудистых заболеваний (во второй половине XX века). Более того, экономический рост и сопутствующий ему рост доходов населения, расходы на охрану здоровья, обеспечивающие всеобщий доступ к лекарству или методике лечения, способны, хотя бы отчасти, нейтрализовать негативное влияние укрепления человека на социальное неравенство. Это влияние будет поддаваться контролю тем значительнее, чем более низкую цену (например, за счёт экономии на масштабе) удастся установить на разработки для укрепления человека.

Вызовы для социальной политики, создаваемые технологиями укрепления человека

Укрепление человека способно не только существенно расширить возможности человечества и решить многие его фундаментальные проблемы, но и стать источником значительных и несущих угрозы изменений в жизни человека и общества. Не все из этих пессимистичных прогнозов выдерживают критику, поскольку зачастую основаны на мысленных экспериментах, а не на реальных результатах внедрения технологий укрепления, но можно предположить, что хотя бы какие-то из рассматриваемых технологий, если будут действительно созданы, потребуют радикального пересмотра существующих социальных норм и институтов, поскольку ориентированы на коренные преобразования в той или иной сфере нашей жизни.

Взаимодействие государства с людьми в сфере технологий укрепления человека может быть описано следующими функциями: (a) сбор доказательной базы, обеспечение безопасности; (b) информирование и просвещение; (c) поощрение и облегчение доступа, в том числе за счёт технологических решений; (d) принуждение и наказание.

Рассмотренные выше риски безопасности, вытекающие из недостаточной изученности последствий применения технологий укрепления человека на здоровых людях и на протяжении длительного периода времени, а также риски низкой (или недостаточной) результативности применения этих технологий требуют усиления государственного регулирования технологий на всех этапах — от разработки и внедрения до массового применения. Для создания эффективных продуктов укрепления человека и для эффективного контроля проблем безопасности и возникающих социальных разрывов необходимы (1) большая эмпирическая работа по выявлению технологий укрепления, которые действительно влияют на возможности и успешность человека и доступ к которым имеет смысл контролировать [Savulescu, Sandberg, Kahane 2011]; (2) формирование системы контроля качества и безопасности продуктов, которые создаются на основе данных технологий [Juengst et al. 2003].

Развитие технологий укрепления человека поднимает ряд важных вопросов в отношении будущего частного страхования. Как изменится добровольное частное страхование с учётом развития технологий укрепления человека, например генетических исследований? Могут ли частные страховые компании требовать генетическую информацию о человеке для определения вероятностей наступления определённых рисков? Как обеспечить сохранность такой информации? Тони Фитцпатрик пишет о том, что, скорее всего, попытки принудить людей передавать генетические сведения о себе частным страховым компаниям будут наталкиваться на уклонение от прохождения тестирования, что может иметь неблагоприятные по-

следствия для здоровья человека [Fitzpatrick 2017: 128]. Он также обращает внимание, что естественное для страховых компаний желание защитить себя, получив генетическую карту застрахованного, чтобы лучше оценивать риски, содержит множество опасностей, включая попадание информации к третьим лицам, риски медикализации и генетической детерминированности здоровья. Государство должно будет ответить на запросы страховщиков, предложив какое-то регулирование этого вопроса. Возможны несколько альтернативных решений, среди которых игнорирование давления страховых компаний, опирающееся на точку зрения, что они преувеличивают риски, связанные с отсутствием генетической информации; разрешения раскрывать такую информацию только в исключительных случаях, когда страховое событие требует значительных выплат; решения о социализации рынка частного страхования (расширение страхуемых рисков, принуждение страховых компаний отдавать приоритет социально уязвимым группам в обмен на раскрытие генетической информации) и др. [Fitzpatrick 2017: 129].

Вопросы, возникающие в связи с развитием генетического тестирования и скринингов, также касаются возможности использования их результатов работодателями или рекрутинговыми агентствами при принятии решений о найме; обязанности делиться результатами генетического тестирования с близкими родственниками (или их права узнавать такие результаты от врача).

Проблема недостаточной информированности населения о появлении новых решений в сфере укрепления человека стоит достаточно остро, учитывая быстрые изменения, происходящие в этой области. На недостаток образования и информированности как фактор исключённости из потребления указывают исследователи ИКТ [Barrantes 2007; Fitzpatrick 2017]. Недостаток знаний о положительных и потенциальных отрицательных (побочных) эффектах применения технологий может приводить к формированию предубеждения против их использования. Соответственно, одной из задач государства, вероятно, становится разработка программ информирования, в том числе фокусирующихся на определённых целевых группах — лицах с более низким уровнем образования, с ограничениями в здоровье, родителях детей-инвалидов, пожилых людях и т. п.

В случаях, когда государство видит несомненные общественные выигрыши от массового распространения технологий укрепления, оно может стимулировать людей к их использованию. В какой-то мере так уже происходит с генетическими скринингами эмбрионов, если существуют повышенные риски генетических отклонений[5], или с тестированием на онкомаркеры.

Стратегии обеспечения универсального доступа к технологиям укрепления человека могут включать решения, снижающие себестоимость таких технологий. Например, Марчело Йенка с соавторами предлагают развивать мобильные инструменты когнитивного укрепления, работающие на открытых платформах, чтобы сделать их доступными для людей старшего возраста [Ienca, Shaw, Elger 2019]. При этом, по мнению ряда исследователей, чтобы сфокусировать технологии укрепления человека на снижении неравенства, государственное финансирование исследований и разработок должно быть направлено прежде всего на разработку технологий восстановления ограниченных функций для не вполне здоровых людей, а не технологий укрепления здоровых [Coenen et al. 2009].

Учитывая обозначенные выше риски усиления неравенства, вытекающего из неравного доступа к технологиям укрепления человека, одновременно с технологическими решениями государство может применять стратегии инклюзивного здравоохранения или инклюзивной социальной политики, направленные на обеспечение доступности технологий укрепления всем социальным слоям. Один

[5] Стоит отметить, что генетическое тестирование эмбрионов создаёт этическую проблему прерывания беременности по медицинским показаниям и стигматизации тех, кто отказывается делать это в случае выявления патологий [Fitzpatrick 2017].

из наиболее ярких примеров такой инклюзивности — бесплатное вакцинирование от коронавируса, общественные выгоды от которого были очевидны. Инклюзивная политика в области здравоохранения может включать государственные субсидии и схемы возмещения затрат на укрепляющие здоровье решения, интеграцию отдельных инструментов укрепления в базовые планы медицинского страхования и финансовые стимулы (например, налоговые льготы и кредиты) для разработчиков технологий укрепления [Ienca, Shaw, Elger 2019].

Юлиан Савулеску и его соавторы, принадлежащие к лагерю технооптимистов, считают, что проблему технологического разрыва и социального неравенства, возникающую в результате укрепления человека, можно свести к проблеме доступности образования, которое также направлено на развитие человека и способно существенно увеличить жизненные шансы людей [Savulescu, Sandberg, Kahane 2011]. Решения, направленные на повышение равенства в образовании, достаточно хорошо проработаны в развитых странах мира, где существуют институты, выравнивающие возможности для получения образования представителями разных социальных групп: образовательные кредиты, образовательные квоты и проч. По их примеру предлагается выстраивать механизмы для смягчения неравенства в доступе к технологиям укрепления, субсидируя укрепление для бедных, подобно тому, как сейчас государство субсидирует образование [Bostrom, Roache 2011].

В то же время имеются свидетельства, что в странах, где реализуется такой подход (например, если ВРТ предоставляются на условиях полного или частичного государственного финансирования), возникают очереди претендующих на них потребителей [Smith-Cavros 2010; Makuch, Bahamondes 2012]. В случае с ВРТ длительное ожидание может быть критическим фактором, снижающим эффективность применения самих технологий и дополнительно увеличивающих их стоимость как для потребителей (в коммерческом секторе), так и для государственной системы социальной поддержки и медицинского обслуживания.

В развивающихся странах и регионах с относительно низким качеством базового медицинского обслуживания внедрение таких технологий, как ВРТ, может быть затруднено или низкоэффективно, поскольку они требуют доступа к широкому спектру сопровождающих медицинских процедур (диагностика репродуктивного здоровья мужчин и женщин, пре- и неонатальный скрининги, диагностика и терапия различных инфекций и проч.) [Dyer, Pennings 2010]. Таким образом, обеспечение равенства в доступе к высокотехнологичным решениям (в частности ВРТ) предполагает развитие системы медицинского обслуживания в целом; в противном случае государственные инвестиции в такие технологии могут оказаться неэффективными.

В целом, несмотря на признание многими исследователями важности инклюзивного развития технологий укрепления человека и обеспечения приоритетного доступа к ним уязвимых социальных групп [Bostrom, Roache 2011; Ienca, Shaw, Elger 2019], очевидно, что простых решений здесь не существует, и политика государства, по-видимому, будет меняться по мере развития этих технологий и определяться общим уровнем социально-экономического развития страны и сложившейся моделью социального государства, то есть степенью его инклюзивности, ориентированности на перераспределение и т. п. [Fitzpatrick 2017]. На этапе появления, как правило, технологии укрепления человека очень дороги, поскольку в их стоимость закладываются расходы на длительную разработку, инвестиции в научно-технические работы, исследования, а также расходы на запуск и отладку производства (если оно требуется), подготовку специалистов. В связи с этим, во-первых, предоставление универсального доступа к технологии в период ее возникновения затруднительно, требует пересмотра структуры государственных расходов либо крупных национальных программ, а также времени. В результате на этапе появления такие технологии, по-видимому, становятся драйвером роста (немонетарных) неравенств. Вопрос в том, решается ли эта проблема со временем, находится ли она в фокусе внимания социальной политики.

Во-вторых, развитие и масштабное внедрение технологий будет требовать большого объёма государственного финансирования. И здесь возникает вопрос конкуренции за различные направления государственных расходов. В условиях ограниченных ресурсов выделение средств на укрепление человека приводит к уменьшению средств на другие нужды (например, на общественное здравоохранение) и приводит к несправедливости в распределении ресурсов; частное финансирование укрепления человека также усиливает неравенство, хотя не обязательно является несправедливым [Sandberg, Savulescu 2011]. Насколько оправданны значительные государственные инвестиции в технологии укрепления человека и субсидирование доступа к ним, если в повестке страны есть более насущные, простые, понятные с точки зрения метода их решения проблемы в социальной сфере (в случае России — монетарная бедность, высокая смертность по отдельным причинам, неравномерный доступ населения к базовому медицинскому обслуживанию и т. д.)? Могут ли государственные инвестиции в инновационные технологии укрепления человека в таком случае рассматриваться как оптимальные, эффективные, социально оправданные? На эти вопросы необходимо отвечать в каждом конкретном случае, поскольку отсутствие вложений может привести к серьезному отставанию в качестве и уровне социальной поддержки в будущем, а излишне сильный акцент на них — к усугублению базовых проблем и низкому итоговому эффекту с точки зрения качества и уровня жизни населения в текущий момент.

Если технологии дорогостоящие и возможности обеспечить универсальный доступ к ним нет, необходима выработка прозрачных и понятных — чётких — критериев отбора адресатов. Такие критерии должны основываться на принципах нуждаемости, справедливости, рациональности. И это ещё один серьёзный вызов для системы социальной поддержки.

Кроме того, важный для социальной политики аспект связан с рисками снижения солидарности из-за гиперагентности, порождаемой дискурсом о технологиях укрепления человека. Солидарность лежит в основе социальной политики, поскольку определяет устойчивость общества, отношение к социально уязвимым группам и толерантность к ним, а также готовность уплачивать налоги и страховые взносы в различные социальные фонды [Lukes 2014]. Гиперагентность ведёт к отказу от обмена на основе солидарности, в то время как принцип этого обмена лежит в основе солидарных схем финансирования социальных программ, а также волонтёрства. Уход от него усиливает социальную дистанцию в обществе: «Успешные станут считать себя добродетельными и ответственными за собственный успех, в то время как наименее обеспеченные превратятся в “низший класс” непригодных людей, которые не смогут рассчитывать на нашу солидарность или любую финансовую компенсацию» [Meulen 2019: 399].

Хотя предсказание М. Сэндела о снижении солидарности в обществе, где появляются люди, подвергнутые укреплению, критикуется[6], последователи учёного всё же настаивают на том, что внедрение технологий по совершенствованию человека должно сопровождаться целенаправленной интеграцией членов общества, пропагандой ценности быть частью группы. Предложение трансгуманистов поддерживать солидарность с помощью техник морального укрепления (например, с помощью назальных инъекций окситоцина) [Savulescu, Persson 2012] противникам укрепления не видится хорошей идеей, поскольку, по их мнению, эмпатия, вызванная медикаментозно, будет иметь значительно меньшую ценность, чем естественная [Danaher 2016].

[6] Едва ли гиперагентность автоматически приводит к снижению солидарности, поскольку (1) агент способен повлиять на уровень благодарности с помощью специальных психологических практик — например, дневника благодарности, поэтому гиперагентность не обязательно будет сопровождаться ослаблением чувства благодарности; (2) солидарность может быть достигнута не только за счет благодарности [Danaher 2016].

Наконец, ещё один важный вопрос реакции государства на технологии укрепления человека связан с допустимостью и формами принуждения к их применению, если для государства положительные общественные выигрыши очевидны. Различные форматы такого принуждения можно было наблюдать на примере вакцинации от COVID-19, которая могла получать статус обязательной для лиц определённого возраста или профессии. За уклонение от неё предусматривалось наказание — отстранение от работы, запрет на (льготное) перемещение в общественном транспорте, на въезд в некоторые страны или требование регулярно проходить тестирование на COVID-19.

Если говорить о более широком спектре технологий укрепления человека, возникает вопрос: должно ли государство обязывать людей минимально укреплять свои функциональные возможности и тело, подобно тому, как оно обязывает получать некоторый минимальный уровень образования, соблюдать санитарные нормы, вакцинироваться от наиболее опасных болезней? В сфере социального страхования важный вопрос состоит в том, должно ли государство включать требования по укреплению в программы социального страхования: например, по когнитивному укреплению — в программы страхования от безработицы и программы страхования ухода, а по биогеронтологическому укреплению — в программы страхования ухода.

Радикальное увеличение ожидаемой продолжительности жизни за счёт успехов биогеронтологии несёт одновременно несколько вызовов для социальной политики. Продление жизни человека может сделать ещё более острыми проблемы, которые наблюдаются сейчас в стареющем обществе: (1) замещение трудовых доходов достойными пенсионными выплатами, требующее реформирования пенсионной системы[7]; (2) адаптация рынка труда к увеличению среднего возраста работника, создающая потребность в эффективной системе профессиональной подготовки для занятых с устаревшими и уже не востребованными навыками, а также запрос на противодействие снижению сроков обновления рабочей силы (предполагается, что оно может оказывать негативный эффект на креативность персонала в результате стагнации [Sethe, Magalhães 2013]); (3) финансирование возрастающих потребностей в медицинском и социальном обслуживании; (4) проблема смысла жизни в старшем возрасте, которая отчасти может быть решена с помощью политики активного долголетия [Allhof et al. 2010].

Проблему стагнации общества, в котором за счёт увеличения продолжительности жизни реже обновляется население, учёные считают вероятной, так как полагают, что взгляд человека на мир и привычки, которые он использует на протяжении всей жизни и не всегда охотно меняет, формируется в ограниченный период времени в детстве. Результатом стагнации могут стать трудности с изменением мировоззрения, переходом на новые технологические стандарты и социальные нормы на протяжении длительной жизни, ограничения в креативности [Sethe, Magalhães 2013].

Отдельные исследователи считают, что радикальное продление жизни может создать риски снижения качества жизни в связи с перенаселенностью. Хотя человечество успешно пережило взрыв численности населения в XX веке без существенных пересмотров стандартов жизни в худшую сторону [Trewavas 2002], разработки биогеронтологии, по-видимому, могут привести к никогда не наблюдавшемуся ранее и катастрофически быстрому увеличению численности населения отдельных стран, где данные разработки будут особенно востребованы. Результатом таких изменений могут стать дефицит ресурсов и инфраструктуры, вынужденный пересмотр используемых принципов организации пространства (например, переход к застройке большой этажности или строительству жилья на ранее не пригодных для этого территориях), проблема отсутствия приватности [Sethe, Magalhães 2013].

[7] Исследователи считают неизбежным спутником увеличения продолжительности жизни рост финансового бремени, создаваемого взносами на пенсионное страхование, как для работодателей, так и для домохозяйств [Allhof et al. 2010]. На наш взгляд, результатом такой ситуации могут стать риски снижения доходов (в том числе трудовых, за счёт повышения нагрузки по оплате взносов на работодателя) у населения средних возрастов.

Наконец, ряд исследователей полагают, что вместо того, чтобы менять человека, создавая «постчеловека», о котором пишут трансгуманисты, необходимо менять окружающий мир — активно планировать его так, чтобы он соответствовал потребностям, в том числе особенностям проживающих в нём индивидов [Hall 2018], мог адаптироваться под меняющиеся потребности и возможности [Nordmann 2004]. Для уменьшения негативного влияния развивающихся технологий на социальное неравенство и благополучие людей исследователи рекомендуют государству инвестировать средства в развитие технологий, «которые создают возможности для трудоустройства», особенно хорошие рабочие места [Acemoglu 2022: 23].

Заключение

Проведённый обзор современной литературы, посвящённой возможностям и рискам, которые создаёт развитие технологий укрепления человека, показывает, что восторженные ожидания трансгуманистов и страхи биоконсерваторов по поводу развития высокотехнологичных подходов к укреплению человека оказались преувеличены. Многие разработки до сих пор, спустя 10–20 лет после наиболее активного их обсуждения в научных публикациях, остаются экспериментальными; эффекты укрепления здоровых людей — там, где технологии применяются — пока не очень значительны и противоречивы.

При этом можно заметить, что научный дискурс о преимуществах и рисках применения технологий укрепления человека до сих пор носит во многом теоретический, умозрительный характер в силу новизны многих из этих технологий и недостатка эмпирических наблюдений за их использованием. Значительная часть публикаций представлена в медицинских журналах и посвящена оценке эффективности применения той или иной технологии. Число таких публикаций пока невелико, однако ещё меньше работ посвящено социально-экономическим аспектам использования технологий укрепления. Относительно лучше исследован опыт применения ВРТ и вакцинации, которую можно условно отнести к ранним технологиям укрепления человека. В последние годы появляются публикации по применению ноотропов, развенчивающие ожидания относительно их результативности, особенно в долгосрочном плане, и показывающие побочные негативные эффекты от их употребления.

Некоторые общественные выгоды от укрепления человека очевидны: расширение возможностей когнитивного укрепления (особенно в старшем возрасте), возможность реализации репродуктивных намерений за счёт преодоления ограничений в репродуктивном здоровье, снижение смертности — прежде всего, за счёт смещения на более поздние возраста дебюта возраст-ассоциированных заболеваний, их профилактики и своевременного лечения. Вместе с тем открытым остаётся вопрос о том, в какой мере хотя бы часть этих общественных выгод достижима и без применения новейших технологий укрепления человека, за счёт снижения различных форм — монетарных и немонетарных — социально-экономического неравенства и увеличения доступности качественных образовательных и медицинских услуг.

Кроме того, не все эффекты очевидны. Как изменится жизнь человека и общества от укрепления слуха, зрения, памяти вполне здоровых людей? Насколько важны для улучшения перспектив трудоустройства и повышения производительности труда в условиях развития ИКТ и ИИ технологии когнитивного или физического укрепления молодых и здоровых людей, или же важнее способности, которые не поддаются усовершенствованию, — эмоциональный интеллект, способность создавать идеи, творить? Представляется, что применение концепции возможностей Амартии Сена и Марты Нуссбаум, сфокусированной на расширении свободы людей и праве жить достойно, может быть подходящей концептуальной рамкой для оценки того вклада, который вносят технологии усовершенствования человека в увеличение его возможностей, повышение качества жизни и благополучия.

Наиболее жёсткие критики технологий укрепления человека рисуют мрачную картину усиления контроля и снижения самостоятельности вследствие распространения этих технологий и формирования нового основания для поляризации общества — биосоциальных классов, чьи отличия будут программироваться ещё до рождения, подобно тому, как описано в романе О. Хаксли «О дивный новый мир». На наш взгляд, пока для такой алармистской интерпретации рисков укрепления человека нет оснований, однако важным является вопрос о том, в какой степени неравенство в потреблении технологий укрепления человека будет транслироваться в социальное неравенство, будут ли созданы механизмы для его смягчения и обеспечения социальной мобильности. Имеющиеся разрозненные эмпирические свидетельства, которые мы рассматривали в настоящем обзоре, пока не позволяют ответить на этот вопрос однозначно, хотя чаще указывают на воспроизводство и усиление существующего социально-экономического неравенства и его трансляцию в социально-биологическое. Дальнейшие исследования в этом направлении, особенно применительно к технологиям продления жизни, требуют использования рамки жизненного пути и концепции накопленных неравенств.

Большинство применяемых высокотехнологичных решений в сфере укрепления до сих пор имеют дело прежде всего с компенсацией имеющихся дефицитов, будь то ВРТ, применение нейротехнологий в лечении болезни Альцгеймера или различные импланты и протезы. Вряд ли можно ожидать, что в ближайшей перспективе укрепление сверх нормы станет массовым, поэтому рассуждения о «технобедности» и даже социальной исключённости как невозможности укрепить себя пока остаются, скорее, умозрительными. Вместе с тем важно исследовать вопросы социальной исключённости лиц с функциональными ограничениями, которым недоступны технологии укрепления.

Развитие технологий укрепления человека требует проведения медико-социальных исследований, позволяющих оценивать эффективность технологий и социально-экономические эффекты от их применения; описывать побочные эффекты технологий и оценивать их безопасность; выявлять технологии укрепления, которые действительно влияют на возможности и успешность человека и доступ к которым имеет смысл контролировать. Наряду с этим необходимы социологические и социально-экономические исследования в следующих направлениях:

— потребности населения в укреплении: где ощущается дефицит возможностей, ограничения (телесные, когнитивные, психоэмоциональные), которые могут быть преодолены с помощью укрепления; оценки субъективной востребованности основных перспективных технологий укрепления человека;

— информированность населения о различных технологиях укрепления человека, её связь с восприятием этих технологий. Распространённость неприятия или отторжения различных технологий. Граница принятия: в каких сферах вмешательство воспринимается как благо, в каких — как возможность, а в каких встречает непонимание и (или) неприятие. Роль различных факторов в формировании таких позиций (объективных социоэкономических: образование, возраст, СЭС; социальных и (или) социологических: религиозность, суеверность, отношение к науке, уровень доверия);

— восприятие ограниченного доступа к технологиям в качестве депривации со стороны населения: воспринимают ли люди это как ограничение, считают ли, что, хотя бы в перспективе, все будут и (или) должны иметь доступ к современным технологиям укрепления человека, и к каким? Отсутствие доступа к каким видам укрепления и к каким технологиям рассматривается как депривация? Это важный показатель, контекст, от которого нужно отталкиваться в том числе при разработке политики;

— фактическое использование доступных технологий укрепления человека (ВРТ, биохакинг и т. п.) представителями различных социальных страт; выявление связи между неравенством в потреблении технологий с другими формами неравенства; связь между монетарной бедностью и исключённостью из потребления технологий; субъективно оцениваемые барьеры в доступе к технологиям.

Хотелось бы отметить, что даты выхода публикаций о социальных последствиях укрепления человека указывают на некоторое снижение интереса к данной проблеме в последние несколько лет[8]. Основная часть работ, вошедших в представленный обзор, датирована серединой или второй половиной 2010-х гг. Более свежие работы практически не включены в обзор, поскольку, на наш взгляд, либо сфокусированы на индивидуальных проблемах человека (человеческая целостность, приватность [Bublitz 2024]), а не на проблемах социальной группы и общества, либо воспроизводят идеи о влиянии технологии на социальные отношения, высказанные в более ранних публикациях [Lee 2024]. Наблюдаемое снижение интереса к проблемам внедрения укрепления человека может быть результатом развития конкурирующих сфер, связанных с информационными технологиями и искусственным интеллектом, которые отличаются, с одной стороны, более высокой готовностью к использованию на потребительских рынках, а с другой — в равной степени пока неисчерпанным потенциалом по повышению производительности и качества жизни людей. Однако проблема социальных последствий внедрения технологий укрепления человека и корректировки этих эффектов механизмами социальной политики остаётся актуальной, развитие технологий продолжается, и спустя какое-то время они станут доступны, вероятно, не всем, но более широким социальным слоям. А значит, разработчикам и государствам необходимо будет вернуться к обозначенным в этом обзоре вопросам.

Литература

Бауман З. 2008. *Текучая современность*. Перев. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер.

Бауман З. 2021. *Свобода*. Перев. с англ. Г. Дашевского. М.: Новое издательство.

Дежина И. Г. et al. 2020. *Технологии восстановления и расширения ресурсов мозга человека*. Публичный аналитический доклад. М.: ООО «Лайм».

Дитон А. 2016. *Великий побег: здоровье, богатство и истоки неравенства*. Перев. с англ. А. Гуськова. М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия».

Куракин Д. Ю. 2020. Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека». *Социологическое обозрение*. 19 (3): 167–231.

Поланьи К. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени.* СПб.: Алетейя.

Саритас О. 2013. Технологии совершенствования человека: перспективы и вызовы. *Форсайт*. 7 (1): 6–13.

Сен А. 2004. *Развитие как свобода*. Перев. с англ. под ред. и с послеслов. Р. М. Нуреева. М.: Новое издательство.

[8] Пик числа опубликованных научных работ по проблемам укрепления человека, индексируемых в поисковой системе по биомедицинскими исследованиям PubMed, пришёлся на 2021 г., после чего заметен спад.

Черникова Д. В., Черникова И. В. 2012. Расширение человеческих возможностей: когнитивные технологии и их риски. *Известия Томского политехнического университета*. 321 (6): 114–119.

Acemoglu D. 2022. Confronting the Challenges of the Post-Covid World. In: Beck Th., Park Y. Ch. (eds) *Prospects of the Global Economy after COVID 19.* London: CEPR Press; 7–32. URL: https://cepr.org/system/files/publication-files/147607-prospects_of_the_global_economy_after_covid_19.pdf#page=16

Allhoff F. et al. 2010. Ethics of Human Enhancement: 25 Questions & Answers. *Studies in Ethics, Law, and Technology*. 4 (1): 20121004. URL: https://doi.org/10.2202/1941-6008.1110

Alnajjar F. et al. 2019. Emerging Cognitive Intervention Technologies to Meet the Needs of an Aging Population: A Systematic Review. *Frontiers in Aging Neuroscience*. 11: 291. URL: https://doi.org/10.3389/fnagi.2019.00291

Alvarez P. M. et al. 2022. Socioeconomic Factors Affecting Outcomes in Total Knee and Hip Arthroplasty: A Systematic Review on Healthcare Disparities. *Arthroplasty*. 4 (1): 36.

Araoye M. O. 2003. Epidemiology of Infertility: Social Problems of the Infertile Couples. *West African Journal of Medicine*. 22 (2): 190–196.

Baldock J., Vickerstaff S., Mitton L. 2011. *Social Policy*. Oxford: Oxford University Press.

Barfield W., Blodgett-Ford S. 2021. Introduction to Special Issue “Human Enhancement Technologies and Our Merger with Machines.” *Philosophies*. 6 (1): 9.

Barrantes R. 2007. Analysis of ICT Demand: What is Digital Poverty and How to Measure It? In: Galperin H., Mariscal J. (eds) *Digital Poverty: Latin American and Caribbean Perspectives*. Rugby, Warwickshire, UK: Practical Action Publishing Ltd; 29–53.

Barry B. 1998. *Social Exclusion, Social Isolation and the Distribution of Income*. LSE STICERD Research Paper. No. CASE012. URL: https://ssrn.com/abstract=1158903

Bauer Z. 2014. Systematic Inequalities in Medically Assisted Reproduction in Hungary — The Patients’ Perspective. *STS Conference, Critical Issues in Science and Technology Studies, Graz, Austris, May* 5–6. URL: https://www.academia.edu/7672381/Systematic_inequalities_in_medically_assisted_reproduction_in_Hungary_the_patients_perspective

Becker G. S. 2007. Health as Human Capital: Synthesis and Extensions. *Oxford Economic Papers*. 59 (3): 379–410.

Berntsen S. et al. 2019. The Health of Children Conceived by ART: ‘The Chicken or the Egg?’. *Human Reproduction Update*. 25 (2): 137–158.

Bettampadi D. et al. 2021. Vaccination Inequality in India, 2002–2013. *American Journal of Preventive Medicine*. 60 (1): S65–S76.

Birenbaum-Carmeli D. B., Inhorn M. C. (eds). 2009. *Assisting Reproduction, Testing Genes: Global Encounters with the New Biotechnologies.* New York: Berghahn Books.

Blakemore K., Warwick-Booth L. 2013. *Social Policy: An Introduction: An Introduction*. New York: Mcgraw-Hill Education.

Bocquier A. et al. 2017. Socioeconomic Differences in Childhood Vaccination in Developed Countries: A Systematic Review of Quantitative Studies. *Expert Review of Vaccines.* 16 (11): 1107–1118.

Boivin J., Griffiths E., Venetis C. A. 2011. Emotional Distress in Infertile Women and Failure of Assisted Reproductive Technologies: Meta-Analysis of Prospective Psychosocial Studies. *BMJ*. 342: d223. URL: https://www.bmj.com/content/bmj/342/bmj.d223.full.pdf

Bostrom N. 2005. Defense of Posthuman Dignity. *Bioethics.* 19 (3): 202–214.

Bostrom N. 2009. Dignity and Enhancement. *Contemporary Readings in Law and Social Justice.* 1 (2): 84–115.

Bostrom N. 2020. Human Genetic Enhancements: A Transhumanist Perspective. *Journal of Value Inquiry.* 37 (4): 493–506.

Bostrom N., Roache R. 2008. Ethical Issues in Human Enhancement. In: Ryberg J., Petersen Th., Wolf C. (eds) *New Waves in Applied Ethics*. London, UK: Palgrave Macmillan; 120–152.

Bostrom N., Roache R. 2011. Smart Policy: Cognitive Enhancement and the Public Interest. In: Savulescu J., Meulen R. ter, Kahane G. (eds) *Enhancing Human Capacities.* Hoboken, NJ: Blackwell Publishing Ltd; 138–149.

Bostrom N., Sandberg A. 2009. Cognitive Enhancement: Methods, Ethics, Regulatory Challenges. *Science and Engineering Ethics.* 15 (3): 311–341.

Bradshaw J. 2002. Child Poverty and Child Outcomes. *Children & Society.* 16 (2): 131–140.

Bublitz C. 2024. Neurotechnologies and Human Rights: Restating and Reaffirming the Multi-Layered Protection of the Person. *The International Journal of Human Rights*. 28 (5): 1–26. URL: https://doi.org/10.1080/13642987.2024.2310830

Buchanan A. 2011. Cognitive Enhancement and Education. *Theory and Research in Education*. 9 (2): 145–162.

Callahan D. 1995. *Setting Limits: Medical Goals in an Aging Society, with 'A Response to My Critics'*. Washington, DC: Georgetown University Press.

Capitaine L., Pennings G. 2013. Biogerontology: A Promising Route to Cost Containment in Healthcare? In: Schermer M., Pinxten M. (eds) *Ethics, Health Policy and (Anti-) Aging: Mixed Blessings*. Berlin: Springer; 251–265.

Castelo N., Schmitt B., Sarvary M. 2019. Human or Robot? Consumer Responses to Radical Cognitive Enhancement Products. *Journal of the Association for Consumer Research*. 4 (3): 217–230.

Chen M., Heilbronn L. K. 2017. The Health Outcomes of Human Offspring Conceived by Assisted Reproductive Technologies (ART). *Journal of Developmental Origins of Health and Disease*. 8 (4): 388–402.

Chiroma S. M. et al. 2019. The Use of Nootropics in Alzheimer's Disease: Is There Light at the End of the Tunnel? *Biomedical Research and Therapy*. 6 (1): 2937–2944.

Coeckelbergh M. 2011. Human Development or Human Enhancement? A Methodological Reflection on Capabilities and the Evaluation of Information Technologies. *Ethics and Information Technology*. 13 (2): 81–92.

Coenen C. et al. 2009. Human Enhancement. Study. *Directorate General for Internal Policies, Policy Dept. A: Economic and Scientific Policy Science and Technology Options Assessments, European Parliament.* URL: https://www.europarl.europa.eu/stoa/en/document/IPOL-JOIN_ET(2009)417483

Cooper K., Stewart K. 2021. Does Household Income Affect Children's Outcomes? A Systematic Review of the Evidence. *Child Indicators Research*. 14 (3): 981–1005.

Daar A. S., Merali Z. 2002. Infertility and Social Suffering: The Case of ART in Developing Countries. In: Vayena E., Rowe P. J., Griffin P. D. (eds) *Current Practices and Controversies in Assisted Reproduction*. Geneva: World Health Organization; 15–21.

Danaher J. 2016. Human Enhancement, Social Solidarity and the Distribution of Responsibility. *Ethic Theory Moral Practice*. 19: 359–378.

Delhove J. et al. 2020. Public Acceptability of Gene Therapy and Gene Editing for Human Use: A Systematic Review. *Human Gene Therapy*. 1 (2): 20–46.

Dixon T. et al. 2004. Trends in Hip and Knee Joint Replacement: Socioeconomic Inequalities and Projections of Need. *Annals of the Rheumatic Diseases*. 63 (7): 825–830.

Doherty E., Walsh B., O'Neill C. 2014. Decomposing Socioeconomic Inequality in Child Vaccination: Results from Ireland. *Vaccine*. 32 (27): 3438–3444.

Dunlop M., Savulescu J. 2014. Distributive Justice and Cognitive Enhancement in Lower, Normal Intelligence. *Monash Bioethics Review*. 32 (3): 189–204.

Dyer S. J., Pennings G. 2010. Considerations Regarding Government Funding of Assisted Reproductive Techniques in Low-Resource Settings. *Facts, Views & Vision in ObGyn Monographs*. Sint-Niklaas, Belgium: Vlaamse Vereniging voor Obstetrie en Gynaecologie (VVOG); 17–21.

Dyer S. J. et al. 2013. Catastrophic Payment for Assisted Reproduction Techniques with Conventional Ovarian Stimulation in the Public Health Sector of South Africa: Frequency and Coping Strategies. *Human Reproduction*. 28 (10): 2755–2764.

Elster N. R. 2005. ART for the Masses? Racial and Ethnic Inequality in Assisted Reproductive Technologies. *DePaul Journal of Health Care Law*. 9 (1): 719–734.

ESHRE Task Force on Ethics and Law et al. 2008. ESHRE Task Force on Ethics and Law 14: Equity of Access to Assisted Reproductive Technology. *Human Reproduction*. 23 (4): 772–774.

Fitzpatrick T. 2017. *New Theories of Welfare*. London: Bloomsbury Publishing.

Fletcher J. R. 2020. Anti-Aging Technoscience & The Biologization of Cumulative Inequality: Affinities in the Biopolitics of Successful Aging. *Journal of Aging Studies*. 55: 100899. URL: https://doi.org/10.1016/j.jaging.2020.100899

Fond G. et al. 2015. Neuroenhancement in Healthy Adults. Part I: Pharmaceutical Cognitive Enhancement. A Systematic Review. *Journal of Clinical Research & Bioethics*. 6 (2): 1000213. URL: http://dx.doi.org/10.4172/2155-9627.1000213

Frisoni G. B. et al. 2023. Dementia Prevention in Memory Clinics: Recommendations from the European Task Force for Brain Health Services. *The Lancet Regional Health–Europe*. 26: 100576. URL: https://doi.org/10.1016/j.lanepe.2022.100576

Garcia T., Sandler R. 2008. Enhancing Justice? *NanoEthics*. 2 (3): 277–287.

Graham M. E. et al. 2023. Assisted Reproductive Technology: Short- and Long-Term Outcomes. *Developmental Medicine & Child Neurology*. 65 (1): 38–49.

Grossman M. 1972. On the Concept of Health Capital and the Demand for Health. *Journal of Political Economy*. 80 (2): 223–255.

Hajizadeh M. 2018. Socioeconomic Inequalities in Child Vaccination in Low/Middle-Income Countries: What Accounts for the Differences? *Journal of Epidemiology and Community Health*. 72 (8): 719–725.

Hall M. C. 2018. Second Thoughts on Enhancement and Disability. In: Cureton A., Wasserman D. T. (eds) *The Oxford Handbook of Philosophy and Disability*. New York: Oxford University Press; 633–650.

Hansen M. et al. 2005. Assisted Reproductive Technologies and the Risk of Birth Defects — A Systematic Review. *Human Reproduction*. 20 (2): 328–338.

Hick R. 2012. The Capability Approach: Insights for a New Poverty Focus. *Journal of Social Policy*. 41 (2): 291–308.

House J. S. et al. 1994. The Social Stratification of Aging and Health. *Journal of Health and Social Behavior*. 35 (3): 213–234.

Hughes M. M. 2021. County-Level COVID-19 Vaccination Coverage and Social Vulnerability — United States, December 14, 2020 — March 1, 2021. *Morbidity and Mortality Weekly Report*. 70 (12): 431–436.

Ienca M., Shaw D. M., Elger B. 2019. Cognitive Enhancement for the Ageing World: Opportunities and Challenges. *Ageing & Society*. 39 (10): 2308–2321.

Joyce K., Loe M. 2010. A Sociological Approach to Ageing, Technology and Health. *Sociology of Health & Illness*. 32 (2): 171–180.

Juengst E. T. 1997. Can Enhancement Be Distinguished from Prevention in Genetic Medicine? *The Journal of Medicine and Philosophy*. 22 (2): 125–142.

Juengst E. T. et al. 2003. Biogerontology, "Anti-Ageing Medicine" and the Challenges of Human Enhancement. *Hastings Center Report*. 33 (4): 21–30.

Keehan S. P. et al. 2015. National Health Expenditure Projections, 2014–2024: Spending Growth Faster than Recent Trends. *Health Affairs*. 34 (8): 1407–1417.

Kim J., Kang D. 2024. Beyond Dollars and Scars: The Influence of Wealth Inequality on Total Expenditure on Cosmetic Procedures in the United States. *Journal of Craniofacial Surgery*. 35 (3): 899–902.

Laderchi C. R., Saith R., Stewart F. 2003. Does it Matter that We do not Agree on the Definition of Poverty? A Comparison of Four Approaches. *Oxford Development Studies*. 31 (3): 243–274.

Lamb S. 2019. On Being (Not) Old: Agency, Self-Care, and Life-Course Aspirations in the United States. *Medical Anthropology Quarterly*. 33 (2): 263–281.

Lass A., Lass G. 2021. Inequalities in Assisted Reproduction Technology Utilisation between the G20 Countries. *Human Fertility*. 26 (5): 1374–1379.

Le Dévédec N. 2020. The Biopolitical Embodiment of Work in the Era of Human Enhancement. *Body & Society*. 26 (1): 55–81.

Lee J. Y. 2024. Unfreedom or Mere Inability? The Case of Biomedical Enhancement. *The Journal of Medicine and Philosophy: A Forum for Bioethics and Philosophy of Medicine*. 49 (2): 195–206.

Lewis J. 2021. Autonomy and the Limits of Cognitive Enhancement. *Bioethics*. 35 (1): 15–22.

Lukes S. 2014. Introduction to This Edition. In: Durkheim E. *The Division of Labor in Society*. New York: Free Press; vii–x.

Lythreatis S., Singh S. K., El-Kassar A. N. 2022. The Digital Divide: A Review and Future Research Agenda. *Technological Forecasting and Social Change*. 175: 121359. URL: https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.121359

Mahjouri N. 2004. Techno-Maternity: Rethinking the Possibilities of Reproductive Technologies. *Journal of Feminist Theory & Culture*. 4 (1). URL: https://bclabrowser.ca/index.php/thirdspace/article/view/mahjouri/3155

Makuch M. Y., Bahamondes L. 2012. Barriers to Access to Infertility Care and Assisted Reproductive Technology within the Public Health Sector in Brazil. *Facts, Views & Vision in ObGyn*. 4 (4): 221–226. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC3987475/

Meulen R. ter. 2019. Enhancement, Hybris, and Solidarity: A Critical Analysis of Sandel's "The Case Against Perfection". *Medicine, Health Care and Philosophy*. 22 (3): 397–405.

Micans P. 2005. The Need for Anti-Aging Medicine: The Challenges Faced to Incorporate Preventative Medicine into the Clinic and into Society. *Annals of the NewYork Academy of Sciences*. 1057 (1): 545–562.

Milleson V. 2013. Nanotechnology, the Brain, and the Future: Ethical Considerations. In: Hays S. et al. (eds) *Nanotechnology, the Brain, and the Future. Yearbook of Nanotechnology in Society*, vol 3. Dordrecht, Netherlands: Springer Netherlands; 79–96. URL: https://doi.org/10.1007/978-94-007-1787-9_5

Moll T. et al. 2022. Reproductive Travel to, from and within Sub-Saharan Africa: A Scoping Review. *Reproductive Biomedicine & Society Online*. 5 (14): 271–288.

Murphy K. M., Topel R. H. 2006. The Value of Health and Longevity. *Journal of Political Economy*. 114 (5): 871–904.

Murray C. J., Acharya A. K. 1997. Understanding DALYs (Disability-Adjusted Life Years). *Journal of Health Economics*. 16 (6): 703–730.

Nafilyan V. et al. 2021. Sociodemographic Inequality in COVID-19 Vaccination Coverage among Elderly Adults in England: A National Linked Data Study. *BMJ Open*. 11 (7): e053402. URL: http://dx.doi.org/10.1136/bmjopen-2021-053402

National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. 2019. *A Roadmap to Reducing Child Poverty*. Washington, DC: National Academies Press.

Niyadurupola G. 2008. Better Brains. In: Zonneveld L., Dijstelbloem H., Ringoir D. (eds) *Reshaping the Human Condition: Exploring Human Enhancement*. The Hague, Netherlands: Rathenau Institute; 77–87.

Nordmann A. 2004. *Converging Technologies: Shaping the Future of European Societies*. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities.

Nussbaum M. C. 2006. Poverty and Human Functioning: Capabilities as fundamental entitlements. In: Grusky D. B., Kanbur R. (eds) *Poverty and Inequality*. Stanford, CA: Stanford University Press; 47–75.

Olshansky S. J. et al. 2006. In Pursuit of the Longevity Dividend: What Should We Be Doing to Prepare for the Unprecedented aging of Humanity? *The Scientist*. 20 (3): 28–33.

Outram S. M., Racine E. 2011. Developing Public Health Approaches to Cognitive Enhancement: An Analysis of Current Reports. *Public Health Ethics*. 4 (1): 93–105.

Pustovrh T., Mali F., Arnaldi S. 2018. Are Better Workers Also Better Humans? On Pharmacological Cognitive Enhancement in the Workplace and Conflicting Societal Domains. *NanoEthics*. 12 (3): 301–313.

Racine E., Sattler S., Boehlen W. 2021. Cognitive Enhancement: Unanswered Questions about Human Psychology and Social Behavior. *Science and Engineering Ethics*. 27 (19): 1–25. URL: https://doi.org/10.1007/s11948-021-00294-w

Roberts S. A. et al. 2011. Human Papillomavirus Vaccination and Social Inequality: Results from a Prospective Cohort Study. *Epidemiology & Infection*. 139 (3): 400–405.

Roco M. C., Bainbridge W. S. 2002. Converging Technologies for Improving Human Performance: Integrating from the Nanoscale. *Journal of Nanoparticle Research*. 4 (4): 281–295.

Rodriguez Valdes H. 2014. *Transhumanism, Our Pluralist Moral Duties to the Poor and How to Effectively Address Global Poverty*. Canberra, ACT: The Australian National University.

Rueda J. 2024. Genetic Enhancement, Human Extinction, and the Best Interests of Posthumanity. *Bioethics*. 38 (6): 529–538.

Sandberg A., Savulescu J. 2011. The Social and Economic Impacts of Cognitive Enhancement. In: Savulescu J., Meulen R. ter, Kahane G. (eds) *Enhancing Human Capacities*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd; 92–112.

Sandel M. 2007. *The Case Against Perfection. Ethics in the Age of Genetic Engineering*. Cambridge, MA: Belknap Press.

Savulescu J., Persson I. 2012. Moral Enhancement, Freedom and the God Machine. *The Monist*. 95 (3): 399–421.

Savulescu J., Sandberg A., Kahane G. 2011. Well-Being and Enhancement. In: Savulescu J., Meulen R. ter, Kahane G. (eds) *Enhancing Human Capacities*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd; 3–18.

Schifano F. et al. 2022. Benefits and Harms of 'Smart Drugs'(Nootropics) in Healthy Individuals. *Drugs*. 82 (6): 633–647.

Schinkel A. 2013. Justice and the Elderly. In: Schermer M., Pinxten M. (eds) *Ethics, Health Policy and (Anti-) Aging: Mixed Blessings*. Berlin: Springer; 147–169.

Schuijff M., Brom F. W. 2013. The Dynamics of Citizen Deliberation Regarding Human Enhancement in the Netherlands. In: Vedder A, Lucivero F (eds) *Beyond Therapy v. Enhancement? Multidisciplinary Analyses of a Heated Debate.* Robolaw Series. 2. Pisa: Pisa University Press; 143–161.

Sen A. 2006. Conceptualizing and Measuring Poverty. In: Grusky D. B., Kanbur R. (eds) *Poverty and Inequality*. Stanford, CA: Stanford University Press; 30–46.

Sethe S., Magalhães J. P. de. 2013. Ethical Perspectives in Biogerontology. In: Schermer M., Pinxten M. (eds) *Ethics, Health Policy and (Anti-) Aging: Mixed Blessings*. Berlin: Springer; 173–188.

Sharif S. et al. 2021. The Use and Impact of Cognitive Enhancers among University Students: A Systematic Review. *Brain Sciences*. 11 (3): art. 355. URL: https://doi.org/10.3390/brainsci11030355

Smith-Cavros E. 2010. Fertility and Inequality across Borders: Assisted Reproductive Technology and Globalization. *Sociology Compass*. 4 (7): 466–475.

Swindells F. 2014. Economic Inequality and Human Enhancement Technology. *HUMANA. MENTE Journal of Philosophical Studies*. 7 (26): 213–222.

Thévenon O. et al. 2018. Child Poverty in the OECD: Trends, Determinants and Policies to Tackle It. *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*. 218. Paris: OECD Publishing. URL: http://dx.doi.org/10.1787/c69de229-en

Townsend P. 1979. *Poverty in the United Kingdom: A Survey of Household Resources and Standards of Living*. Harmondsworth: Penguin Books.

Trewavas A. 2002. Malthus Foiled Again and Again. *Nature*. 418 (6898): 668–670.

Turner D. C., Sahakian B. J. 2008. The Cognition-Enhanced Classroom. In: Zonneveld L., Dijstelbloem H., Ringoir D. (eds) *Reshaping the Human Condition: Exploring Human Enhancement*. The Hague, Netherlands: Rathenau Institute; 107–114.

Veit W. 2018. Cognitive Enhancement and the Threat of Inequality. *Journal of Cognitive Enhancement*. 2 (4): 404–410.

Weisberg S. M., Badgio D., Chatterjee A. 2017. A CRISPR New World: Attitudes in the Public toward Innovations in Human Genetic Modification. *Frontiers in Public Health*. 5 : art. 117. URL: https://doi.org/10.3389/fpubh.2017.00117

Wicclair M. R. 1993. *Ethics and the Elderly*. Oxford: Oxford University Press.

Wolbring G. 2006. The Unenhanced Underclass. In: Miller P., Wildson J. (eds) *Better Humans? The Politics of Human Enhancement and Life Extension*. London: Demos; 122–128.

Wolbring G. 2008. Is there an End to Out-Able? Is there an End to the Rat Race for Abilities? *M/C Journal* (*A Journal of Media and Culture*). 11 (3). URL: https://doi.org/10.5204/mcj.57

Zhang Y. et al. 2018. Socioeconomic Inequalities in the Kidney Transplantation Process: A Registry-Based Study in Sweden. *Transplantation Direct*. 4 (2): e346. URL: https://doi.org/10.1097/TXD.0000000000000764

Oxana Sinyavskaya, Svetlana Biryukova, Elena Selezneva

Human Enhancement Technologies as a New Factor of Social Inequality in Modern Society

SINYAVSKAYA, Oxana — Candidate of Sciences (PhD) in Economics, Director of the Centre for Comprehensive Social Policy Studies, Deputy Director of the Institute for Social Policy, HSE University. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: osinyavskaya@hse.ru

BIRYUKOVA, Svetlana — Candidate of Sciences (PhD) in Economics, Chief Research Fellow at the Centre for Comprehensive Social Policy Studies, Institute for Social Policy, HSE University. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: sbiryukova@hse.ru

SELEZNEVA, Elena — Candidate of Sciences (PhD) in Economics, Leading Research Fellow at the Centre for Well-being and Time Use Research, Institute for Social Policy, HSE University. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: evselezneva@hse.ru

Abstract

The concept of "human enhancement" describes the process by which innate human abilities are temporarily or permanently enhanced using various technologies and their combinations. Such technologies include information and communication technologies (ICT), biomedical, neurocognitive, nanotechnology, as well as social and humanitarian technologies. This review focuses on the social consequences of the development of human enhancement technologies. Its main questions are: what does the available research say about how the emergence of human enhancement technologies affects social inequality? Does it expand opportunities for lower social groups or, on the contrary, strengthen the positions of the upper ones?

The article opens with a discussion on conceptual issues of the relationship between human enhancement technologies, inequality, and social exclusion. Then, using case studies of three groups of technologies, namely cognitive enhancement, assisted reproductive technologies, and life extension technologies (biogenetic and biogerontological), the authors consider, on the one hand, the opportunities for increasing well-being and reducing social exclusion, and, on the other, the risks that arise in connection with the development of human enhancement technologies. This leads to a discussion on the challenges for social policy that arise from the relationship between the development of human enhancement technologies, social exclusion, and inequality, and on possible responses to these challenges.

A review of the literature devoted to the effects of human enhancement technologies showed that a significant portion of empirical publications are presented in medical journals. Their number is still small, but even fewer studies are devoted to the socio-economic aspects of the use of enhancement technologies. Scientific discourse on the social consequences of the use of human enhancement technologies is still largely theoretical and speculative, and the available scattered empirical evidence more often points to the reproduction and strengthening of existing socio-economic inequality and its translation into socio-biological inequality, although the conclusions are still far from unambiguous and sustainable.

Keywords: human enhancement; social inequality; social exclusion; cognitive enhancement; assistive reproduction technologies; biogerontology.

References

Acemoglu D. (2022) Confronting the Challenges of the Post-Covid World. *Prospects of the Global Economy after COVID 19 (eds. Th. Beck, Y. Ch. Park)*, London: CEPR Press, pp. 7–32. Available at: https://cepr.org/system/files/publication-files/147607-prospects_of_the_global_economy_after_covid_19.pdf (accessed 14 March 2025).

Allhoff F., Lin P., Moor J., Weckert J. (2010) Ethics of Human Enhancement: 25 Questions & Answers. *Studies in Ethics, Law, and Technology*, vol. 4, no 1, art. 20121004. Available at: https://doi.org/10.2202/1941-6008.1110 (accessed 14 March 2025).

Alnajjar F., Khalid S., Vogan A. A., Shimoda S., Nouchi R., Kawashima R. (2019) Emerging Cognitive Intervention Technologies to Meet the Needs of an Aging Population: A Systematic Review. *Frontiers in Aging Neuroscience*, vol. 11: art. 291. Available at: https://doi.org/10.3389/fnagi.2019.00291 https://doi.org/10.3389/fnagi.2019.00291 (accessed 14 March 2025).

Alvarez P. M., McKeon J. F., Spitzer A. I., Krueger C. A., Pigott M., Li M., Vajapey S. P. (2022) Socioeconomic Factors Affecting Outcomes in Total Knee and Hip Arthroplasty: A Systematic Review on Healthcare Disparities. *Arthroplasty*, vol. 4, no 1, pp. 1–36.

Araoye M. O. (2003) Epidemiology of Infertility: Social Problems of the Infertile Couples. *West African Journal of Medicine*, vol. 22, no 2, pp. 190–196.

Baldock J., Vickerstaff S., Mitton L. (2011) *Social Policy*, Oxford: Oxford University Press.

Barfield W., Blodgett-Ford S. (2021) Introduction to Special Issue "Human Enhancement Technologies and Our Merger with Machines." *Philosophies*, vol. 6, no 1, pp. 1–9.

Barrantes R. (2007) Analysis of ICT Demand: What is Digital Poverty and How to Measure It? *Digital Poverty: Latin American and Caribbean Perspectives* (eds. H. Galperin, J. Mariscal), Rugby, Warwickshire, UK: Intermediate Technology Publications Ltd; pp. 29–53.

Barry B. (2002) *Social Exclusion, Social Isolation, and the Distribution of Income* (August 1998). LSE STICERD Research Paper No. CASE012, Available at: https://ssrn.com/abstract=1158903 (accessed 14 March 2025).

Bauer Z. (2014) Systematic Inequalities in Medically Assisted Reproduction in Hungary — The Patients' Perspective. *STS Conference, Critical Issues in Science and Technology Studies, Graz*, Austria, May 5–6. Available at: https://www.academia.edu/7672381/Systematic_inequalities_in_medically_assisted_reproduction_in_Hungary_the_patients_perspective (accessed 14 March 2025).

Bauman Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity], St. Petersburg: Piter (in Russian).

Bauman Z. (2021) *Svoboda* [Freedom], Moscow: Novoe izdatel'stvo (in Russian).

Becker G. S. (2007) Health as Human Capital: Synthesis and Extensions. *Oxford Economic Papers*, vol. 59, no 3, pp. 379–410.

Berntsen S., Söderström-Anttila V., Wennerholm U. B., Laivuori H. Loft A., Oldereid N. B., Romundstad L. B., Bergh Ch., Pinborg A. (2019) The Health of Children Conceived by ART: 'The Chicken or the Egg?'. *Human Reproduction Update*, vol. 25, no 2, pp. 137–158.

Bettampadi D., Lepkowski J. M., Sen A., Power L. E., Boulton M. L. (2021) Vaccination Inequality in India, 2002–2013. *American Journal of Preventive Medicine*, vol. 60, no 1, pp. 65–76.

Birenbaum-Carmeli D. B., Inhorn M. C. (eds). (2009) *Assisting Reproduction, Testing Genes: Global Encounters with the New Biotechnologies*, New York: Berghahn Books.

Blakemore K., Warwick-Booth L. (2013) *Social Policy: An Introduction: An Introduction*, New York: Mcgraw-Hill Education.

Bocquier A., Ward J., Raude J., Peretti-Watel P., Verger P. (2017) Socioeconomic Differences in Childhood Vaccination in Developed Countries: A Systematic Review of Quantitative Studies. *Expert Review of Vaccines*, vol. 16, no 11, pp. 1107–1118.

Boivin J., Griffiths E., Venetis C. A. (2011) Emotional Distress in Infertile Women and Failure of Assisted Reproductive Technologies: Meta-Analysis of Prospective Psychosocial Studies. *BMJ*, no 342: art. d223. Available at: https://www.bmj.com/content/bmj/342/bmj.d223.full.pdf (accessed 11 March 2025).

Bostrom N. (2005) Defense of Posthuman Dignity. *Bioethics*, vol. 19, no 3, pp. 202–214.

Bostrom N. (2009) Dignity and Enhancement. *Contemporary Readings in Law and Social Justice*, vol. 1, no 2, pp. 84–115.

Bostrom N. (2020) Human Genetic Enhancements: A Transhumanist Perspective. *Journal of Value Inquiry*, vol. 37, no 4, pp. 493–506.

Bostrom N., Roache R. (2008) Ethical Issues in Human Enhancement. *New Waves in Applied Ethics* (eds. J. Ryberg, Th. Petersen, C. Wolf), Palgrave Macmillan London, pp. 120–152.

Bostrom N., Roache R. (2011) Smart Policy: Cognitive Enhancement and the public Interest. *Enhancing Human Capacities* (eds. J. Savulescu, R. ter Meuln, G. Kahane), Blackwell Publishing, pp. 138–149.

Bostrom N., Sandberg A. (2009) Cognitive Enhancement: Methods, Ethics, Regulatory Challenges. *Science and Engineering Ethics*, vol. 15, no 3, pp. 311–341.

Bradshaw J. (2002) Child Poverty and Child Outcomes. *Children & Society*, vol. 16, no 2, pp. 131–140.

Bublitz C. (2024) Neurotechnologies and Human Rights: Restating and Reaffirming the Multi-Layered Protection of the Person. *The International Journal of Human Rights*, vol. 28, no 5, pp. 1–26. Available at: https://doi.org/10.1080/13642987.2024.2310830 (accessed 15 March 2025).

Buchanan A. (2011) Cognitive Enhancement and Education. *Theory and Research in Education*, vol. 9, no 2, pp. 145–162.

Callahan D. (1995) *Setting Limits: Medical Goals in an Aging Society, with 'A Response to My Critics'*, Washington, DC: Georgetown University Press.

Capitaine L., Pennings G. (2013) Biogerontology: A Promising Route to Cost Containment in Healthcare? *Ethics, Health Policy and (Anti-) Aging: Mixed Blessings* (eds. M. Schermer, M. Pinxten), Berlin: Springer, pp. 251–265.

Castelo N., Schmitt B., Sarvary M. (2019) Human or Robot? Consumer Responses to Radical Cognitive Enhancement Products. *Journal of the Association for Consumer Research*, vol. 4, no 3, pp. 217–230.

Chen M., Heilbronn L. K. (2017) The Health Outcomes of Human Offspring Conceived by Assisted Reproductive Technologies (ART). *Journal of Developmental Origins of Health and Disease*, vol. 8, no 4, pp. 388–402.

Chernikova D. V., Chernikova I. V. (2012) Rasshirenie chelovecheskih vozmozhnostej: kognitivnye tekhnologii i ih riski [Human Empowerment: Cognitive Technologies and Their Risks]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University = Izvestiya Tomskogo Politekhnicheskogo Universiteta*, vol. 321, no 6, pp. 114–119 (in Russian).

Chiroma S. M., Taib C. N., Moklas M. A., Baharuldin M. T. (2019) The Use of Nootropics in Alzheimer's Disease: Is There Light at the End of the Tunnel? *Biomedical Research and Therapy*, vol. 6, no 1, pp. 2937–2944.

Coeckelbergh M. (2011) Human Development or Human Enhancement? A Methodological Reflection on Capabilities and the Evaluation of Information Technologies. *Ethics and Information Technology*, vol. 13, no 2, pp. 81–92.

Coenen C., Schuijff M., Smits M., Klaassen P., Hennen L., Rader M., Wolbring G. (2009) Human Enhancement. Study. *Directorate General for Internal Policies, Policy Dept. A: Economic and Scientific Policy Science and Technology Options Assessments, European Parliament.* Available at: https://www.europarl.europa.eu/stoa/en/document/IPOL-JOIN_ET(2009)417483 (accessed 14 March 2025).

Cooper K., Stewart K. (2021) Does Household Income Affect Children's Outcomes? A Systematic Review of the Evidence. *Child Indicators Research*, vol. 14, no 3, pp. 981–1005.

Daar A. S., Merali Z. (2002) Infertility and Social Suffering: The Case of ART in Developing Countries. *Current Practices and Controversies in Assisted Reproduction* (eds. E. Vayena, P. J. Rowe, P. D. Griffin), Geneva: World Health Organization, pp. 15–21.

Danaher J. (2016) Human Enhancement, Social Solidarity and the Distribution of Responsibility. *Ethic Theory Moral Prac*, vol. 19, pp. 359–378.

Delhove J., Osenk I., Prichard I., Donnelley M. (2020) Public Acceptability of Gene Therapy and Gene Editing for Human Use: A Systematic Review. *Human Gene Therapy*, vol. 1, no 2, pp. 20–46.

Dezhina I. G., Kotelevcev Yu. V., Ponomarev A. K., Nafikova T. N., Lysenko A. A., Khaitovich Ph. Ye., Gareev T. R., Kaplan A. Ya., Ugryumov M. V., Gavrilova S. I. (2020) *Tekhnologii vosstanovleniya i rasshireniya resursov mozga cheloveka.* Publichnyy analiticheskiy doklad [Technologies for Restoring and Expanding the Resources of the Human Brain. Public Analytical Report], Moscow: Laym (in Russian).

Deaton A. (2016) *Velikiy pobeg: Zdorov'e, bogatstvo i istoki neravenstva* [The Great Escape: Health, Wealth, and the Origins of Inequality], Moscow: The Gaidar Institute Press; Liberal Mission Foundation (in Russian).

Dixon T., Shaw M., Ebrahim S., Dieppe P. (2004) Trends in Hip and Knee Joint Replacement: Socioeconomic Inequalities and Projections of Need. *Annals of the Rheumatic Diseases*, vol. 63, no 7, pp. 825–830.

Doherty E., Walsh B., O'Neill C. (2014) Decomposing Socioeconomic Inequality in Child Vaccination: Results from Ireland. *Vaccine*, vol. 32, no 27, pp. 3438–3444.

Dunlop M., Savulescu J. (2014) Distributive Justice and Cognitive Enhancement in Lower, Normal Intelligence. *Monash Bioethics Review*, vol. 32, no 3, pp. 189–204.

Dyer S. J., Pennings G. (2010) Considerations Regarding Government Funding of Assisted Reproductive Techniques in Low-Resource Settings. *Facts, Views & Vision in ObGyn Monographs*, Sint-Niklaas, Belgium: Vlaamse Vereniging voor Obstetrie en Gynaecologie (VVOG), pp. 17–21.

Dyer S. J., Sherwood K., McIntyre D., Ataguba J. E. (2013) Catastrophic Payment for Assisted Reproduction Techniques with Conventional Ovarian Stimulation in the Public Health Sector of South Africa: Frequency and Coping Strategies. *Human Reproduction*, vol. 28, no 10, pp. 2755–2764.

Elster N. R. (2005) ART for the Masses? Racial and Ethnic Inequality in Assisted Reproductive Technologies. *DePaul Journal of Health Care Law*, vol. 9, no 1, pp. 719–734.

ESHRE Task Force on Ethics and Law, Pennings G., Wert G. de, Shenfield F., Cohen J., Tarlatzis B., Devroey P. (2008) ESHRE Task Force on Ethics and Law 14: Equity of Access to Assisted Reproductive Technology. *Human Reproduction*, vol. 23, no 4, pp. 772–774.

Fitzpatrick T. (2017) *New Theories of Welfare*, London: Bloomsbury Publishing.

Fletcher J. R. (2020) Anti-Aging Technoscience & The Biologization of Cumulative Inequality: Affinities in the Biopolitics of Successful Aging. *Journal of Aging Studies*, vol. 55, art. 100899. Available at: https://doi.org/10.1016/j.jaging.2020.100899 (accessed 15 March 2025).

Fond G., Micoulaud-Franchi J. A., Macgregor A., Richieri R., Miot S., Lopez R., Abbar M., Lancon C., Repantis D. (2015) Neuroenhancement in Healthy Adults, Part I: Pharmaceutical Cognitive Enhancement: A Systematic Review. *Journal of Clinical Research & Bioethics*, vol. 6, no 2, art. 1000213. Available at: http://dx.doi.org/10.4172/2155-9627.1000213 (accessed 15 March 2025).

Frisoni G. B., Altomare D., Ribaldi F., Villain N., Brayne C., Mukadam N., Abramowicz M., Barkhof F., Berthier M., Bieler-Aeschlimann M., Blennow K., Brioschi Guevara A., Carrera E., Chételat G., Csajka Ch., Demonet J.-F., Dodich A., Garibotto V., Georges J., Hurst S., Jessen F., Kivipelto M.,·Llewellyn D. J., McWhirter L., Milne R., Minguillón C., Miniussi C., Molinuevo J. L., Nilsson P. M., Noyce A., Ranson J. M., Grau-Rivera O., Schott J. M., Solomon A., Stephen R., Flier W. van der, Duijn C. van, Vellas B., Visser L. N. C., Cummings J.L., Scheltens F., Ritchie C., Dubois B. (2023) Dementia Prevention in Memory Clinics: Recommendations from the European Task Force for Brain Health Services. *The Lancet Regional Health–Europe*, vol. 26, art. 100576. Available at: https://doi.org/10.1016/j.lanepe.2022.100576 (accessed 15 March 2025).

Garcia T., Sandler R. (2008) Enhancing Justice? *NanoEthics*, vol. 2, no 3, pp. 277–287.

Graham M. E., Jelin A., Hoon A. H., Jr., Wilms Floet A. M., Levey E., Graham E. M. (2023) Assisted Reproductive Technology: Short- and Long-Term Outcomes. *Developmental Medicine & Child Neurology*, vol. 65, no 1, pp. 38–49.

Grossman M. (1972) On the Concept of Health Capital and the Demand for Health. *Journal of Political Economy*, vol. 80, no 2, pp. 223–255.

Hajizadeh M. (2018) Socioeconomic Inequalities in Child Vaccination in Low/Middle-Income Countries: What Accounts for the Differences? *Journal of Epidemiology and Community Health*, vol. 72, no 8, pp. 719–725.

Hall M. C. (2018) Second Thoughts on Enhancement and Disability. *The Oxford Handbook of Philosophy and Disability* (eds. A. Cureton, D. T. Wasserman), New York: Oxford University Press, pp. 633–650.

Hansen M., Milne E., Klerk N. de, Kurinczuk J. J. (2005) Assisted Reproductive Technologies and the risk of Birth Defects — A Systematic Review. *Human Reproduction*, vol. 20, no 2, pp. 328–338.

Hick R. (2012) The Capability Approach: Insights for a New Poverty Focus. *Journal of Social Policy*, vol. 41, no 2, pp. 291–308.

House J. S., Lepkowski J. M., Kinney A. M., Mero R. P., Kessler R. C., Herzog A. R. (1994) The Social Stratification of Aging and Health. *Journal of Health and Social Behavior*, vol. 35, no 3, pp. 213–234.

Hughes M. M. (2021) County-Level COVID-19 Vaccination Coverage and Social Vulnerability — United States, December 14, 2020 — March 1, 2021. *Morbidity and Mortality Weekly Report*, vol. 70, no 12, pp. 431–436.

Ienca M., Shaw D. M., Elger B. (2019) Cognitive Enhancement for The Ageing World: Opportunities and Challenges. *Ageing & Society*, vol. 39, no 10, pp. 2308–2321.

Joyce K., Loe M. (2010) A Sociological Approach to Ageing, Technology and Health. *Sociology of Health & Illness*, vol. 32, no 2, pp. 171–180.

Juengst E. T. (1997) Can Enhancement Be Distinguished from Prevention in Genetic Medicine? *The Journal of Medicine and Philosophy*, vol. 22, no 2, pp. 125–142.

Juengst E. T., Binstock R. H., Mehlman M., Post S. G., Whitehouse P. (2003) Biogerontology, "Anti-Ageing Medicine" and the Challenges of Human Enhancement. *Hastings Center Report*, vol. 33, no 4, pp. 21–30.

Keehan S. P., Cuckler G. A., Sisko A. M., Madison A. J., Smith S. D., Stone D. A., Poisal J. A., Wolfe C. J., Lizonitz J. M. (2015) National Health Expenditure Projections, 2014–2024: Spending Growth Faster than Recent Trends. *Health Affairs*, vol. 34, no 8, pp. 1407–1417.

Kim J., Kang D. (2024) Beyond Dollars and Scars: The Influence of Wealth Inequality on Total Expenditure on Cosmetic Procedures in the United States. *Journal of Craniofacial Surgery*, vol. 35, no 3, pp. 899–902.

Kurakin D. Yu. (2020) Tragediya neravenstva: raschelovechivaya "total'nogo cheloveka" [Tragedy of Inequality: Dehumanizing "L'Homme Total"]. *Russian Sociological Review = Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 19, no 3, pp. 167–231 (in Russian).

Laderchi C. R., Saith R., Stewart F. (2003) Does it Matter That We Do Not Agree on the Definition of Poverty? A Comparison of Four Approaches. *Oxford Development Studies*, vol. 31, no 3, pp. 243–274.

Lamb S. (2019) On Being (Not) Old: Agency, Self-Care, and Life-Course Aspirations in the United States. *Medical Anthropology Quarterly*, vol. 33, no 2, pp. 263–281.

Lass A., Lass G. (2021) Inequalities in Assisted Reproduction Technology Utilisation between the G20 Countries. *Human Fertility*, vol. 26, no 5, pp. 1374–1379.

Le Dévédec N. (2020) The Biopolitical Embodiment of Work in the Era of Human Enhancement. *Body & Society*, vol. 26, no 1, pp. 55–81.

Lee J. Y. (2024) Unfreedom or Mere Inability? The Case of Biomedical Enhancement. *The Journal of Medicine and Philosophy: A Forum for Bioethics and Philosophy of Medicine*, vol. 49, no 2, pp. 195–206.

Lewis J. (2021) Autonomy and the Limits of Cognitive Enhancement. *Bioethics*, vol. 35, no 1, pp. 15–22.

Lukes S. (2014) Introduction to This Edition. *The Division of Labor in Society* (E. Durkheim), New York, NY: Free Press, pp. vii–x.

Lythreatis S., Singh S. K., El-Kassar A. N. (2022) The Digital Divide: A Review and Future Research Agenda. *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 175, art. 121359. Available at: https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.121359 (accessed 15 March 2025).

Mahjouri N. (2004) Techno-Maternity: Rethinking the Possibilities of Reproductive Technologies. *Journal of Feminist Theory & Culture*, vol. 4, no 1. Available at: https://bclabrowser.ca/index.php/thirdspace/article/view/mahjouri/3155 (accessed 15 March 2025).

Makuch M. Y., Bahamondes L. (2012) Barriers to Access to Infertility Care and Assisted Reproductive Technology within the Public Health Sector in Brazil. *Facts, Views & Vision in ObGyn*, vol. 4, art. 221. Available at: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC3987475/ (accessed 15 March 2025).

Meulen R. ter (2019) Enhancement, Hybris, and Solidarity: A Critical Analysis of Sandel's 'The Case Against Perfection'. *Medicine, Health Care and Philosophy*, vol. 22, no 3, pp. 397–405.

Micans P. (2005) The Need for Anti-Aging Medicine: The Challenges Faced to Incorporate Preventative Medicine into the Clinic and into Society. *Annals of the NewYork Academy of Sciences*, vol. 1057, no 1, pp. 545–562.

Milleson V. (2013) Nanotechnology, the Brain, and the Future: Ethical Considerations. *Nanotechnology, the Brain, and the Future. Yearbook of Nanotechnology in Society* (eds. S. Hays, J. Robert, C. Miller, I. Bennett), vol. 3, Dordrecht: Springer Netherlands, pp 79–96. Available at: https://doi.org/10.1007/978-94-007-1787-9_5 (accessed 14 March 2025).

Moll T., Gerrits T., Hammarberg K., Manderson L., Whittaker A. (2022) Reproductive Travel to, from and within Sub-Saharan Africa: A Scoping Review. *Reproductive Biomedicine & Society Online*, vol. 5, no 14, pp. 271–288.

Murphy K. M., Topel R. H. (2006) The Value of Health and Longevity. *Journal of Political Economy*, vol. 114, no 5, pp. 871–904.

Murray C. J., Acharya A. K. (1997) Understanding DALYs (Disability-Adjusted Life Years). *Journal of Health Economics*, vol. 16, no 6, pp. 703–730.

Nafilyan V., Dolby T., Razieh C., Gaughan C. H., Morgan J., Ayoubkhani D., Walker S., Khunti K., Glickman M., Yates Th. (2021) Sociodemographic Inequality in COVID-19 Vaccination Coverage among Elderly Adults in England: A National Linked Data Study. *BMJ Open*, vol. 11, no 7, art. e053402. Available at: http://dx.doi.org/10.1136/bmjopen-2021-053402 (accessed 15 March 2025).

National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. (2019) *A Roadmap to Reducing Child Poverty*, Washington, DC: National Academies Press.

Niyadurupola G. (2008) Better Brains. *Reshaping the Human Condition: Exploring Human Enhancement* (eds. L. Zonneveld, H. Dijstelbloem, D. Ringoir), The Hague, Netherlands: Rathenau Institute, pp. 77–87.

Nordmann A. (2004) *Converging Technologies: Shaping the Future of European Societies*, Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities.

Nussbaum M. C. (2006) Poverty and Human Functioning: Capabilities as fundamental entitlements. *Poverty and Inequality* (eds. D. B. Grusky, R. Kanbur), Stanford, CA: Stanford University Press, pp. 47–75.

Olshansky S. J., Perry D., Miller R. A., Butler R. N. (2006) In Pursuit of the Longevity Dividend: What Should We Be Doing to Prepare for the Unprecedented aging of Humanity? *The Scientist*, vol. 20, no 3, pp. 28–33.

Outram S. M., Racine E. (2011) Developing Public Health Approaches to Cognitive Enhancement: An Analysis of Current Reports. *Public Health Ethics*, vol. 4, no 1, pp. 93–105.

Polányi K. (2002) *Velikaya transphormatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time], St. Petersburg: Aletejya (in Russian).

Pustovrh T., Mali F., Arnaldi S. (2018) Are Better Workers Also Better Humans? On Pharmacological Cognitive Enhancement in the Workplace and Conflicting Societal Domains. *NanoEthics*, vol. 12, no 3, pp. 301–313.

Racine E., Sattler S., Boehlen W. (2021) Cognitive Enhancement: Unanswered Questions about Human Psychology and Social Behavior. *Science and Engineering Ethics*, vol. 27, no 19, pp. 1–25. Available at: https://doi.org/10.1007/s11948-021-00294-w (accessed 14 March 2025).

Roberts S. A., Brabin L., Stretch R., Baxter D. Elton P., Kitchener H., McCann R. (2011) Human Papillomavirus Vaccination and Social Inequality: Results from a Prospective Cohort Study. *Epidemiology & Infection*, vol. 139, no 3, pp. 400–405.

Roco M. C., Bainbridge W. S. (2002) Converging Technologies for Improving Human Performance: Integrating from the Nanoscale. *Journal of Nanoparticle Research*, vol. 4, no 4, pp. 281–295.

Rodriguez Valdes H. (2014) *Transhumanism, Our Pluralist Moral Duties to the Poor and How to Effectively Address Global Poverty*, Canberra, ACT: The Australian National University.

Rueda J. (2024) Genetic Enhancement, Human Extinction, and the Best Interests of Posthumanity. *Bioethics*, vol. 38 no 6, pp. 529–538.

Sandberg A., Savulescu J. (2011) The Social and Economic Impacts of Cognitive Enhancement. *Enhancing Human Capacities* (eds. J. Savulescu, R. ter Meulen, G. Kahane), Oxford: Blackwell Publishing Ltd, pp. 92–112.

Sandel M. (2007) *The Case Against Perfection. Ethics in the Age of Genetic Engineering*, Cambridge, MA: Belknap Press.

Saritas O. (2013) Tekhnologii sovershenstvovaniya cheloveka: perspektivy i vyzovy [Human Enhancement Technologies: Future Outlook and Challenges]. *Foresight and STI Governance = Forsajt*, vol. 7, no 1, pp. 6–13 (in Russian).

Savulescu J., Persson I. (2012) Moral Enhancement, Freedom and the God Machine. *The Monist*, vol. 95, no 3, pp. 399–421.

Savulescu J., Sandberg A., Kahane G. (2011) Well-Being and Enhancement. *Enhancing Human Capacities* (eds. J. Savulescu, R. ter Meulen, G. Kahane), Oxford: Blackwell Publishing Ltd, pp. 3–18.

Schifano F., Catalani V., Sharif S., Napoletano F., Corkery J. M., Arillotta D., Fergus S., Vento A., Guirguis A. (2022) Benefits and Harms of 'Smart Drugs'(Nootropics) in Healthy Individuals. *Drugs*, vol. 82, no 6, pp. 633–647.

Schinkel A. (2013) Justice and the Elderly. *Ethics, Health Policy and (Anti-) Aging: Mixed Blessings* (eds. M. Schermer, M. Pinxten), Berlin: Springer, pp. 147–169.

Schuijff M., Brom F. W. (2013) The Dynamics of Citizen Deliberation Regarding Human Enhancement in the Netherlands. *Beyond Therapy v. Enhancement? Multidisciplinary Analyses of a Heated Debate.* Robolaw Series, vol. 2 (eds. A. Vedder, F. Lucivero), Pisa: Pisa University Press, pp. 143–161.

Sen A. (2004) *Razvitie kak svoboda* [Development as Freedom], Moscow: Novoe Izdatel'stvo (in Russian).

Sen A. (2006) Conceptualizing and Measuring Poverty. *Poverty and Inequality* (eds. D. B. Grusky, R. Kanbur), Stanford, CA: Stanford University Press, pp. 30–46.

Sethe S., Magalhães J. P. de (2013) Ethical Perspectives in Biogerontology. *Ethics, Health Policy and (Anti-) Aging: Mixed Blessings* (eds. M. Schermer, M. Pinxten) Berlin: Springer, pp. 173–188.

Sharif S., Guirguis A., Fergus S., Schifano F. (2021) The Use and Impact of Cognitive Enhancers among University Students: A Systematic Review. *Brain Sciences*, vol. 11, no 3. Available at: https://doi.org/10.3390/brainsci11030355 (accessed 14 March 2025).

Smith-Cavros E. (2010) Fertility and Inequality Across Borders: Assisted Reproductive Technology and Globalization. *Sociology Compass*, vol. 4, no 7, pp. 466–475.

Swindells F. (2014) Economic Inequality and Human Enhancement Technology. *HUMANA. MENTE Journal of Philosophical Studies*, vol. 7, no 26, pp. 213–222.

Thévenon O., Manfredi T., Govind Y,, Klauzner I. (2018) Child Poverty in the OECD: Trends, Determinants and Policies to Tackle It. *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*, no 218, Paris: OECD Publishing. Available at: http://dx.doi.org/10.1787/c69de229-en (accessed 12 March 2025).

Townsend P. (1979) *Poverty in the United Kingdom: A Survey of Household Resources and Standards of Living*, Harmondsworth: Penguin Books.

Trewavas A. (2002) Malthus Foiled Again and Again. *Nature*, vol. 418, no 6898, pp. 668–670.

Turner D. C., Sahakian B. J. (2008) The Cognition-Enhanced Classroom. *Reshaping the Human Condition: Exploring Human Enhancement* (eds. L. Zonneveld, H. Dijstelbloem, D. Ringoir), The Hague, Netherlands: Rathenau Institute, pp. 107–114.

Veit W. (2018) Cognitive Enhancement and the Threat of Inequality. *Journal of Cognitive Enhancement*, vol. 2, no 4, pp. 404–410.

Weisberg S. M., Badgio D., Chatterjee A. (2017) A CRISPR New World: Attitudes in the Public toward Innovations in Human Genetic Modification. *Frontiers in Public Health*, vol. 5, art. 117. Available at: https://doi.org/10.3389/fpubh.2017.00117 (accessed 15 March 2025).

Wicclair M. R. (1993) *Ethics and the Elderly*, Oxford: Oxford University Press.

Wolbring G. (2006) The Unenhanced Underclass. *Better Humans? The Politics of Human Enhancement and Life Extension* (eds. P. Miller, J. Wildson), London: Demos, pp. 122–128.

Wolbring G. (2008) Is There an End to Out-Able? Is There an End to the Rat Race for Abilities? *M/C Journal* (A Journal of Media and Culture), vol. 11, no 3. Available at: https://doi.org/10.5204/mcj.57 (accessed 15 March 2025).

Zhang Y., Gerdtham U. G., Rydell H., Jarl J. (2018) Socioeconomic Inequalities in the Kidney Transplantation Process: A Registry-Based Study in Sweden. *Transplantation Direct*, vol. 4, no 2, art. 346. Available at: https://doi.org/10.1097/TXD.0000000000000764 (accessed 15 March 2025).

Received: September 1, 2023
Citation: Sinyavskaya O., Biryukova S., Selezneva E. (2025) Tekhnologii ukrepleniya cheloveka kak novyy phaktor sotsialnogo neravenstva v sovremennom obshhestve [Human Enhancement Technologies as a New Factor of Social Inequality in Modern Society]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 26, no 3, pp. 121–161. doi: 10.17323/1726-3247-2025-2-121-161 (in Russian).

НОВЫЕ КНИГИ

А. Д. Казун

Почему люди избегают новостей и как (не) надо с этим бороться?[1]

Рецензия на книгу: Toff B., Palmer R., Nielsen R. K. 2023. *Avoiding the News: Reluctant Audiences for Journalism*. New York: Columbia University Press. 288 p.

КАЗУН Анастасия Дмитриевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), доцент факультета социальных наук НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: adkazun@hse.ru

Информационная перегрузка, фрагментация медиасреды, кризис доверия новостям, негативный уклон при освещении событий повестки дня — все эти характеристики современного информационного потока способствовали возникновению массового избегания новостей. Авторы рецензируемой монографии, опираясь на большой объём эмпирических данных, описывают данный феномен. Книга преимущественно сфокусирована на мотивах и факторах избегания новостей. Отмечается, что женщины, молодые люди и представители низших социальных слоёв общества более склонны избегать новостей. Избегание новостей также может объясняться убеждениями относительно них, политическими взглядами, особенностями новостной социализации и нормами в социальном окружении. Сами люди, избегающие новостей, объясняют свою медиадиету недостатками контента (избыточная негативность, недостоверность, сложность и удалённость от повседневной жизни) и собственными индивидуальными чертами. Рецензия критически оценивает предлагаемые авторами рекомендации для журналистов по борьбе с избеганием новостей, отмечая спорный характер и ограниченную реализуемость таких мер. С одной стороны, необходимость вовлечения аудитории в более активное потребление новостей требует дополнительного обоснования. С другой стороны, отмечается, что некоторые рекомендации авторов могут привести к последствиям, обратным желаемым. Впрочем, монография в любом случае вносит заметный вклад в дискуссию об избегании новостей в современном мире.

Ключевые слова: избегание новостей; вовлечённость в новости; медиапотребление; доверие медиа; новости-находят-меня; массовые коммуникации.

Введение

Избегание новостей — феномен, который в настоящее время активно изучается и проблематизируется. Плавный рост доли людей, ограничивающих потребление информационного контента, наблюдался в течение дли-

[1] Исследование поддержано Российским научным фондом (РНФ), грант № 23-78-01206 (https://rscf.ru/project/23-78-01206/).

тельного времени [Strömbäck, Djerf-Pierre, Shehata 2013; Karlsen, Beyer, Steen-Johnsen 2020]. Однако в последнее десятилетие темпы распространения избегания ускорились: в 2024 г. доля избегающих увеличилась на 10 п. п. по сравнению с 2017 г. [Newman et al. 2024]. Наиболее заметные изменения произошли после начала пандемии COVID-19, которая стала катализатором данного процесса. Кризисная ситуация повысила эмоциональные (увеличение негативности новостей), когнитивные и временны́е (информационная перегрузка, большое количество взаимопротиворечащих медиасообщений) издержки потребления новостей, сделав отказ от такого контента более привлекательным. Именно в этот период избегание новостей начали изучать особенно активно.

Хотя про уклонение от информационного контента уже было написано немало статей, существует только одна монография по данной теме — «Avoiding the News: Reluctant Audiences for Journalism» («Избегание новостей: нежелающая журналистики аудитория») [Toff, Palmer, Nielsen 2023], — которой и посвящена данная рецензия. Рассматриваемая книга основывается на нескольких масштабных эмпирических исследованиях. Количественная часть работы опирается на опросы общественного мнения, один из которых был проведён в 2022 г. в 46 странах мира и охватывает 93 тыс. человек, другой проходил в США в августе 2020 г. ($N = 1200$). Качественная часть книги базируется на 108 интервью с избегающими новостейлюдьми, проведённых в Великобритании (2016–2017 гг., после голосования по выходу Великобритании из Европейского союза — *Brexit*), Испании (2017–2018 гг., после референдума об отделении Каталонии) и США (2019–2020 гг., во время президентской предвыборной кампании). При рекрутинге информантов Б. Тофф, Р. Палмер и Р. Нильсен не разделяли избегание новостей на преднамеренное и непреднамеренное, как это предлагают делать некоторые авторы [Skovsgaard, Andersen 2020], поскольку данная классификация оказалась слабо применима в эмпирическом исследовании. В частности, избегание могло начинаться как преднамеренное, а в дальнейшем рутинизировалось. В целом активное сопротивление информационному контенту и его пассивное непотребление способны переплетаться, и разделить их нередко сложно. По этой причине к избегающим новостей было решено относить людей, которые указывали, что они потребляют такой контент не чаще одного раза в месяц[2]. Кроме того, в качестве контрастного кейса были рассмотрены «любители новостей» (*news lovers*), то есть люди, утверждающие, что они просматривают новости чаще 10 раз в день; с представителями данной группы было проведено 25 интервью.

Монография обобщает результаты многолетних исследований авторов, более детально изложенные в их статьях, которые посвящены избеганию новостей или основаны на данных об этой категории населения — о неточностях в концептуализации термина [Palmer, Toff, Nielsen 2023], народных теориях распределённого знания [Toff, Nielsen 2018], случайном потреблении новостей [Palmer, Toff 2024], эмоциональном опыте потребления новостей и роли связанной с ними тревоги [Toff, Nielsen 2022], факторах избегания [Toff, Kalogeropoulos 2020; Kalogeropoulos, Toff, Fletcher 2024], гендерном разрыве в вовлечённости в новости [Toff, Palmer 2019], представлениях о выгодах и издержках потребления новостей, разделяемых теми, кто уклоняется от потребления такого контента [Palmer, Toff 2020]. Книга структурирует полученные ранее результаты, позволяя более оперативно ознакомиться с рассматриваемым вопросом. Однако если какой-то аспект исследования вызовет особый интерес читателя, было бы полезно обратиться также к статьям авторов.

[2] Это решение является спорным. Проведённый нами анализ избегания новостей (полное или частичное согласие с тезисом «В последние три месяца я намеренно пытался(ась) избегать новостей») и новостного минимализма (потребление деловых, политически, международных новостей и новостей про преступления и происшествия не чаще одного раза в месяц) показал, что названные группы пересекаются только на 25%. Соответственно, вопреки названию, в рецензируемой книге речь во многом идёт именно о новостном минимализме, а не об избегании новостей. Тем не менее в рецензии я буду оперировать теми же терминами, что и авторы рецензируемой монографии.

Кто и почему избегает новостей?

Б. Тофф, Р. Палмер и К. Нильсен выделяют широкий спектр причин избегания новостей. Прежде всего, акцентируется внимание на роли социально-демографических факторов. Авторы отмечают, что уклонение от информационного контента более свойственно женщинам, молодёжи и представителям низших социально-экономических слоёв общества.

Роль этих факторов связывается с характеристиками медиасреды, представлениями о новостях, образом жизни, возможностями для потребления новостей и социальным окружением индивида. Так, меньшая вовлечённость молодёжи в потребление новостей приписывается расширению предложения разнообразного медиаконтента в Интернете. Предшествующие исследования подтверждают, что, выбирая из большего числа альтернатив, люди скорее предпочтут развлекательный контент [Panek 2016]. Поскольку молодёжь наиболее активно использует онлайн-ресурсы, предлагающие широкий диапазон неновостных медиапродуктов, именно они делают выбор не в пользу информационного контента. Влияние пола и социального класса на избегание новостей приписывается, с одной стороны, приобретаемым в ходе социализации представлениям о том, для кого предназначены новости, с другой — наличию возможностей для потребления такого контента. Так, женщины могут уделять меньшее внимание новостям, считая, что подобная информация ориентирована на мужчин, или же в силу загруженности домашними делами — «второй сменой» — в дополнение к оплачиваемой занятости [Hochschild, Machung 2012]. Представители низших слоёв общества могут полагать, что новости не релевантны для них, или же не иметь возможность уделять им существенное внимание, в силу, например, специфики профессиональной деятельности.

Привычки (не)потребления новостей формируются под влиянием социума. В частности, авторы подчёркивают роль социализации, социального окружения и «новостных сообществ». Воспоминания избегающих новостей о детстве делятся на два типа: (1) отсутствие новостей дома и отказ от обсуждения политики как норма, позволяющая избегать конфликтов; (2) принудительный просмотр информационного контента, вызывающего неприятные эмоции или связанного с травмирующими событиями (похищения детей в Великобритании, теракты по всему миру, особенно 11 сентября 2001 г.). В первом случае люди не приобретали опыт взаимодействия с новостной средой и не формировали соответствующие привычки, во втором испытывали негативное отношение к новостям и ассоциировали их с неприятными переживаниями. Впрочем, медиапредпочтения могли быть скорректированы в дальнейшем под влиянием социального окружения. Избегающие новостей, по-видимому, не относятся к сообществам, где обсуждение информационного контента является нормой, поэтому не испытывают социального давления, подталкивающего к его потреблению, и не чувствуют беспокойства из-за «исключённости из разговоров» на такие темы. Наконец, «избегаторы» не рассматривают поддержание информированности как гражданский долг и способ участия в общественной жизни. Они склонны определять «хорошего гражданина» через заботу об окружающих и добрые дела (например, «помочь своему соседу полоть сорняки на его газоне» [Toff, Palmer, Nielsen 2023: 98]), а не через погружённость в повестку дня.

Кроме того, рассматриваемый феномен связывается с политическими взглядами людей. Авторы рецензируемой книги указывают, что люди, избегающие новостей, испытывают отчуждение от политики, часто не идентифицируют себя ни с одной партией, сомневаются в своей способности повлиять на текущие события и политические решения (низкая политическая эффективность — *political efficacy*) и считают новости бесполезными или даже вредными. Такие люди часто воспринимают информационные ресурсы как предвзятые. При этом критика в отношении медиаресурсов различается в рассматриваемых странах. Так, в Великобритании недовольство вызывают сенсационность и коммерциализация новостей, в Испании — коррупция и политическая ангажированность, в США — поляризация и доминирование мнений над фактами.

Люди, избегающие новостей, могут разделять убеждения, не способствующие вовлечённости в информационный поток, им свойственно восприятие «новости-находят-меня» (*news-finds-me*). Предполагается, что важная информация в любом случае достигнет человека в результате случайного столкновения с ней, например в социальных сетях, что (отчасти) обесценивает её активный поиск. Кроме того, избегающие новостей полагают, что информация легко доступна, и, следовательно, не испытывают потребности в регулярном мониторинге новостей, ведь при необходимости все интересующие сведения можно просто «погуглить». Наконец, некоторые «избегаторы» испытывали по отношению к информационному контенту генерализованный скептицизм, указывая на неготовность полагаться на какие-либо медиаресурсы. Уверенность в том, что доступная информация противоречива и ненадёжна, также способствует избеганию новостей.

Сами люди могут приписывать ответственность за избегание новостей их недостаткам либо принимать такую ответственность на себя. В первом случае подчёркиваются негативные характеристики информационного потока: новости воспринимаются как подавляющие и тревожащие; предполагается, что они отрицательно сказываются на эмоциональном состоянии потребителей. Кроме того, и качественные, и количественные данные подтверждают, что избегание связано с недоверием новостям. Невозможность полагаться на информационный контент рассматривалась информантами как нечто самоочевидное и понятное всем разумным людям. Наконец, люди, избегающие новостей, подчёркивали, что новости слишком сложны для понимания, неинтересны, абстрактны и удалены от их повседневной жизни. Во втором случае акцент делается на недостатке времени для потребления новостей[3] и индивидуальных личностных чертах (например, интроверт, не интересующийся политикой и общественной жизнью). Разумеется, все эти обоснования не являются взаимоисключающими и могут использоваться людьми одновременно. Наиболее важный вывод состоит в том, что избегание новостей — это не только про новости (и их недостатки), но и про избегающих. Даже если бы транслируемый медиаресурсами информационный контент был идеален, часть аудитории продолжила бы уклоняться от него в силу индивидуальных характеристик, предпочтений и образа жизни.

Что делать?

Завершая книгу, авторы не только формулируют выводы для исследователей, но и предлагают пять направленных на решение проблемы избегания новостей рекомендаций для журналистов.

Прежде всего, поскольку избегание новостей часто ассоциируется с их негативным воздействием и низкой релевантностью для людей, исследователи предлагают поработать с категорией издержек потребления новостей, сделав информационный контент менее депрессивным, более понятным и лучше соотносящимся с индивидуальной жизнью. Это предполагается достигать как через усиление внимания к вопросам, приближенным к личному опыту представителей аудитории, так и через более явное указание в новостных сообщениях на то, как они могут повлиять на жизнь потребителей.

Также подчёркивается необходимость «уважать группы, которые исторически плохо обслуживались новостями» [Toff, Palmer, Nielsen 2023: 166], а именно женщин, молодёжь и наименее привилегированные слои населения. Авторы книги отмечают, что образ жизни и убеждения данных групп нуждаются в дополнительном изучении, которое позволит понять, как сделать информационный контент более релевантным для них. Одновременно с этим рекомендуется подчёркивать социальные преимущества потребления новостей и формировать новостные сообщества, поскольку чувство общности повышает

[3] Это не очень сочетается с другим результатом исследования, согласно которому избегающие новостей гораздо чаще были безработными (28%) по сравнению с любителями новостей (8%). Вероятно, в данном случае правильнее говорить об относительной, а не об абсолютной нехватке времени. Избегающие новостей могут не быть более загружены, но для них приоритетны другие активности.

ценность почти любой медиапрактики. Идеалом видится ситуация, когда все люди чувствуют, что их идентичность отражается в новостях, которые позволяют им совершать значимые действия[4].

Для преодоления проблемы, связанной с тем, что просмотр новостей требует слишком больших временных затрат и плохо соотносится с другими повседневными активностями, предлагается изменить способ представления новостей, снабдив соответствующие сообщения короткими простыми резюме[5]. Кроме того, подчёркивается важность увеличения присутствия новостных ресурсов в социальных сетях, поскольку оно способствует случайному потреблению[6] информационного контента. Предполагается, что люди, избегающие новостей, могут не заходить на новостные сайты намеренно, однако если новости будут сами их находить (*news-finds-me*), они смогут поддерживать определённый уровень информированности.

Следующей задачей, которую выделяют авторы книги, является повышение информационной грамотности аудитории. Люди, избегающие новостей, могут иметь ограниченный опыт взаимодействия с информационным контентом и из-за этого испытывать трудности в различении профессиональных журналистских материалов и предвзятых или недостоверных сообщений. Исследования авторов показали, что люди, постоянно избегающие новостей, часто чувствовали, что они мало знают о производстве новостей, испытывая в их отношении неопределённость и приписывая соответствующему контенту высокий субъективизм. Ожидается, что лучшее понимание медиасферы могло бы повысить воспринимаемую информационную ценность новостей и снизить когнитивные издержки их потребления.

Наконец, авторы ассоциируют избегание новостей с антижурналистским общественным дискурсом[7] и распространением различных форм недостоверного контента, которые «портят» репутацию отрасли. Соответственно, подчёркивается, что необходимо восстанавливать социальный статус журналистики и доносить до людей информацию о её ценности для общества.

Какие недостатки и ограничения есть у предложенных рекомендаций?

Авторы стремятся к тому, чтобы их исследования внесли практический вклад в функционирование современной медиасреды. Однако раздел с рекомендациями является наиболее спорной и противоречивой частью книги.

Прежде всего, возникают сомнения относительно необходимости борьбы с избеганием информационного контента. С какой именно целью предполагается возвращать людей в лоно новостей? Если для демократических государств ответ на этот вопрос традиционно основывается на нормативном идеале информированного гражданина, то в странах с ограниченными возможностями политического участия он как будто теряет смысл. В целом непонятно, на чём именно зиждется убеждённость в том, что отслеживать новости необходимо всем людям. Более того, рассуждая о том, что информационный контент важен для каждого, мы упускаем из виду, что современная медиасреда является фрагментированной и поляризированной, содержит большое количество предвзятых и недостоверных материалов.

[4] По-видимому, авторы подразумевают гражданский активизм, так как в качестве примеров указаны феминистское движение и движение за гражданские права.

[5] Именно так и представлены новости, например, в Телеграм, что, однако, не решает проблему избегания.

[6] Под случайным потреблением новостей понимается столкновение с информационным контентом без его намеренного поиска. Обычно подобный эффект ассоциируется с использованием социальных сетей [Schäfer 2023], однако он может также быть связан с социальными контактами онлайн или офлайн [Казун 2023].

[7] В англоязычных публикациях обычно используются термины *anti-press* или *anti-me*dia, иногда в сочетании с концептом *populism* [Bhat, Chadha 2020; Shin, Kim, Joo 2020].

Соответственно, люди, которых мы вовлекаем в новости, совсем не обязательно будут получать качественную информацию.

Однако даже если предположить, что избегание новостей представляет собой проблему, требующую решения, предлагаемые меры вызывают сомнения с точки зрения реализуемости и эффективности. Одну из трудностей подчёркивают и сами авторы, описывая так называемую устричную проблему [Toff, Palmer, Nielsen 2023: 3–4]. Многие люди могут быть уверены в том, что они не любят устриц, им неприятны их вкус и текстура. Однако если попытаться детализировать их опыт в отношении данного продукта, мы узнаем, что часть из них никогда не пробовали устрицы, а часть имеет минимальный негативный опыт (возможно, просто не повезло?). Эти люди не будут потреблять устрицы и едва ли заинтересуются их повторной дегустацией. Можно принимать меры, направленные на повышение стандартов качества устриц, обеспечивать более удобную доставку до потребителя, снижать цены на продукцию, но люди, которые *знают*, что продукт им не по вкусу, его не купят. Применительно к избеганию новостей это означает, что уклонение от информационного контента не обязательно связано с его характеристиками — содержанием, форматом подачи и т. д., а повышение качества новостей может не привести к росту вовлеченности. Люди, которые *знают*, что новости не для них, продолжат уклоняться от их потребления. Соответственно, корректировка уже сформированных привычек может быть затруднена.

Сложности возникают и в отношении повышения релевантности новостей для потребителей. Сделать информационный контент более соответствующим опыту и повседневной жизни людей, вероятно, возможно. Однако кризис доверия новостям, распространение медиацинизма и медиаскептицизма существенно снижают их воспринимаемую информационную ценность. Согласно исследованию Института Reuters по изучению журналистики (Reuters Institute for the Study of Journalism), в значительной части стран доля людей, утверждающих, что они могут доверять большей части новостей большую часть времени, не достигает и 40% [Newman et al. 2024]. В России люди также декларируют недоверие информационному контенту [Петрова 2024] и выражают априорное сомнение в его качестве [Вырковский, Шамсутдинова 2024]. Распространение убеждений, что новости манипулятивны, ангажированы и неточны, делает такую информацию нерелевантной для аудитории. Кажется, что именно преодоление недоверия является более важным, чем «заземление» новостей, их приближение к повседневному опыту людей.

Кризис доверия журналистике выглядит как неизбежное следствие более общих трендов современной медиасреды, вследствие чего проблема едва ли может быть эффективно решена в обозримом будущем. Так, медиасреда в настоящее время становится всё более фрагментированной [Heiberger et al. 2022] и поляризированной, поэтому, просматривая новости, нередко можно увидеть диаметрально противоположные интерпретации одних и тех же фактов и событий. Сталкиваясь с такой высокой разнородностью и противоречивостью информационного потока, люди не чувствуют себя готовыми полагаться на него. В результате они либо отказываются от новостей как от ненадёжных, либо принимают решение об ограниченном доверии каким-либо ресурсам (*pragmatic trust*) [Schwarzenegger 2020]. Ситуация усугубляется также активной публичной дискуссией о проблеме фейковых новостей, которая приобретает характер моральной паники [Carlson 2020; Miró-Llinares, Aguerri 2023] и подрывает готовность полагаться в том числе и на корректную информацию [Meer, Hameleers, Ohme 2023]. Возникает печальная цепь связей: без существенного преобразования медиасреды невозможно повысить доверие к новостям, а без доверия к новостям бессмысленно говорить об их релевантности для аудитории.

Предложенная авторами книги идея учёта интересов аудитории и адаптации к ним новостного контента на первый взгляд выглядит логично. Однако в действительности она несёт в себе и определённые риски. Если предлагаемый учёт интересов аудитории усилит фрагментацию медиа, вместо информи-

рованных граждан мы рискуем получить по-разному информированных граждан, которые осведомлены о разных фактах и имеют принципиально различные позиции в их отношении. И хотя плюрализм и представленность различных точек зрения являются нормативным идеалом, фрагментация медиапространства и общества может начать угрожать нашей способности договариваться о тех или иных вещах. Хотя бы потому, что для диалога требуется, как минимум, согласие относительно того, какие вопросы заслуживают обсуждения. Избыточная фрагментация общества может не позволять сформировать спектр проблем для общественных дебатов [Moeller et al. 2016], тем самым угрожая социальной интеграции и демократии, для поддержания которой, по мнению авторов, и требуется потребление новостей.

Спорной является также идея расширения присутствия новостных ресурсов в социальных сетях, чтобы информация «находила» людей, не желающих отслеживать ее добровольно. Так, случайное потребление новостей повышает уверенность в своих политических знаниях [Feezell, Ortiz 2021], однако на реальные знания не влияет либо способствует их снижению [Erkel, Aelst 2021; Borah et al. 2022; Lee, Nanz, Heiss 2022]. Отчасти это может быть связано с некритичным восприятием новостей, которые сами находят своего потребителя. Столкнувшись с информационным сообщением в ленте социальной сети, «избегатор», вероятнее всего, не будет детально вникать в написанное и верифицировать информацию и в результате может оказаться не информированным, а дезинформированным[8]. Кроме того, отдельные исследования указывают, что случайное потребление новостей может негативно влиять на общий уровень их использования, поскольку люди уверяются в том, что новости их найдут сами (соответственно, нет смысла в их преднамеренном поиске) [Park, Kaye 2020], или в силу реактивного сопротивления «преследованию» информационного контента [Marcinkowski, Došenović 2021]. Таким образом, расширение присутствия в социальных сетях для обеспечения случайного потребления новостей является очень сомнительным способом возвращения людей в информационный поток хотя бы потому, что может, напротив, способствовать избеганию.

Предлагаемая авторами идея создания новостных сообществ, в которых новости будут выполнять не только информационную, но и социальную функцию, становясь сюжетами для коммуникации и средством формирования социальных связей, выиграла бы от детализации. В настоящее время едва ли не каждый хоть сколько-то заметный медиаресурс имеет аккаунты в разнообразных социальных сетях, во многих из которых открыта возможность комментирования новостей. Однако это не способствует вовлечению «избегаторов» в информационный поток. Что же принципиально нового предлагает нам данная книга? Этот вопрос нуждается в уточнении. Кроме того, само представление о новостных сообществах, в которых люди комфортно общаются, в том числе вырабатывая общие смыслы, выглядит несколько идеалистической. В действительности, обсуждение новостей в Интернете нередко имеет агрессивную тональность и содержит элементы языка ненависти (*hate speech*) [Стукал, Ахременко, Петров 2022]. Будет ли подобная негативно окрашенная дискуссия способствовать вниманию к информационному контенту тех людей, которые ограничили его потребление во многом из-за неблагоприятного влияния на эмоциональное состояние? В отношении отдельных категорий «избегаторов» данный вопрос стоит даже более остро. Из литературы мы знаем, что женщины реже комментируют новости онлайн [Peacock, Duyn 2023], и это отчасти объясняется враждебностью коммуникаций в Интернете [Abendschön, García-Albacete 2021]. Нуждаются ли они в новостных сообществах? Сомнительно… Равно как и тот факт, что можно добиться корректности и конструктивности подобных обсуждений.

[8] В целом соблюдение нормативных рекомендаций в отношении потребления новостей не обязательно приводит к результатам, которые хотели бы получить рекомендующие. Ярким примером является случай, когда человек, следуя совету просматривать несколько источников информации, использовал конспирологические ролики YouTube для проверки новостей из мейнстримных качественных медиа, поверив в результате в широкий спектр теорий заговора и антинаучных теорий [Nelson, Lewis 2021]. Не всякое потребление новостей и не любая «проверка» информации функциональны.

Заключение

Безусловно положительной чертой книги является попытка частичного отказа от нормативности, которая присуща медиаисследованиям. Значительная часть работ в данной области обосновывают свою актуальность через указание на значимость потребления новостей для демократии, нуждающейся в информированных гражданах. Авторы книги не отказываются от такого обоснования, но готовы допустить, что временное ограничение потребления новостей может иметь позитивные эффекты. Тем не менее полное избегание новостей, понимаемое как потребление новостей реже, чем раз в месяц, продолжает проблематизироваться. Впрочем, проблема выглядит существенно менее острой, поскольку в среднем в 46 рассматриваемых авторами странах данный показатель составляет только 3%, хотя и растёт. По сравнению с 39% людей, которые говорят о периодическом избегании новостей, это очень скромное значение.

Избегание новостей возникло в контексте медиасреды с большим выбором, из-за информационной перегрузки и сложности в ориентации в огромном новостном потоке. Однако катализатором распространения избегания новостей стала пандемия COVID-19. Именно коронавирус и последовавшие за ним кризисы (например, вооружённые конфликты в разных частях мира) сделали рассматриваемый феномен по-настоящему массовым, и очень жаль, что все используемые авторами эмпирические данные относятся к более раннему периоду времени. Возможно, проведение дополнительных интервью после 2020 г. позволило бы ярче подсветить отдельные аспекты избегания новостей.

Монография сфокусирована преимущественно на мотивах и факторах избегания. Это оправданно, учитывая, что одной из основных задач своего исследования авторы видели разработку рекомендаций по решению «проблемы» избегания и по вовлечению людей в новости. Для противодействия какому-либо явлению необходимо понять причины его возникновения, что и стало ключевым вопросом книги. Однако при этом за рамками рассмотрения оказываются многие другие вопросы. Как именно выглядит новостной рацион людей, избегающих новостей? Как они оценивают свой опыт? Отражается ли уклонение от информационного контента на социальных отношениях? Эти вопросы также нуждаются в ответах.

Авторы преуспели в описании феномена избегания новостей, но их рекомендации по изменению ситуации выглядят спорными и нуждаются, как минимум, в дополнительном обсуждении. Впрочем, если рассматривать ограниченное внимание населения к новостям как проблему, действительно, очень сложно предложить для неё конструктивное решение. Возможно, в перспективе свою роль сыграет искусственный интеллект, который сможет адаптировать медиасообщения к потребностям отдельных людей. Однако вопрос о необходимости и способах вовлечения населения в новости остаётся дискуссионным.

Избегание новостей в настоящее время практически не изучается в России. В последние годы разными исследователями был сделан ряд докладов на конференциях по данной теме, что, однако, не увенчалось публикацией (за исключением тезисов). Немногочисленные русскоязычные статьи, посвящённые обсуждаемому феномену, уделяют внимание таким его аспектам, как «усталость сострадать» и массовый характер избегания на фоне пандемии COVID-19 [Богомягкова, Попова 2021], случайное потребление новостей «избегаторами» [Казун 2023], тематические предпочтения избегающих новостей [Казун 2024b], взаимное восприятие людей, избегающих новостей, и думскроллеров [Казун, Петрова 2024]. Кроме того, по данной теме была опубликована обзорная статья [Казун 2024a]. Однако очень многие аспекты избегания новостей остаются неизученными на российских данных. Хочется верить, что в будущем исследования избегания новостей будут продолжены и это направление расширится.

Литература

Богомягкова Е. С., Попова Е. Е. 2021. «Усталость сострадать» в практиках медиапотребления (на примере отношения к проблематизации распространения COVID-19). *Социологические исследования*. 6: 46–56.

Вырковский А. В., Шамсутдинова Ю. Ф. 2024. Категория доверия к массмедиа в условиях информационной турбулентности: время обновлять концепции? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 6: 182–203.

Казун А. Д. 2023. «Они все равно меня находят»: медиапотребление людей, избегающих новостей. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. 3: 3–25.

Казун А. Д. 2024a. Избегание новостей: понятие, причины и факторы распространения. *Коммуникации. Медиа. Дизайн*. 9 (3): 28–55.

Казун А. Д. 2024b. Смотреть нельзя игнорировать: Какому контенту (не)готовы уделять внимание люди, избегающие новостей? *Журнал социологии и социальной антропологии*. 27 (3): 146–167.

Казун А. Д., Петрова Д. В. 2024. Понимаю, но не одобряю: как люди, избегающие новостей, и думскроллеры воспринимают друг друга? *Социология власти*. 36 (2): 78–96.

Петрова Д. В. 2024. Потребление новостей в сельской местности: (не)доверие и стратегии верификации информации. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 4: 91–114.

Стукал Д. К., Ахременко А. С., Петров А. П. 2022. Аффективная политическая поляризация и язык ненависти: созданы друг для друга? *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология.* 24 (3): 480–498.

Abendschön S., García-Albacete G. 2021. It's a Man's (Online) World. Personality Traits and the Gender Gap in Online Political Discussion. *Information, Communication & Society*. 24 (14): 2054–2074. URL: https://doi.org/10.1080/1369118X.2021.1962944

Bhat P., Chadha K. 2020. Anti-Media Populism: Expressions of Media Distrust by Right-Wing Media in India. *Journal of International and Intercultural Communication*. 13 (2): 166–182. URL: https://doi.org/10.1080/17513057.2020.1739320

Borah P. et al. 2022. Incidental News Exposure and COVID-19 Misperceptions: A Moderated-Mediation Model. *Computers in Human Behavior*. 129: 107173. URL: https://doi.org/10.1016/j.chb.2021.107173

Carlson M. 2020. Fake News as an Informational Moral Panic: The Symbolic Deviancy of Social Media During the 2016 US Presidential Election. *Information, Communication & Society*. 23 (3): 374–388. URL: https://doi.org/10.1080/1369118X.2018.1505934

Erkel P. F. A. van, Aelst P. van. 2021. Why Don't We Learn from Social Media? Studying Effects of and Mechanisms behind Social Media News Use on General Surveillance Political Knowledge. *Political Communication*. 38 (4): 407–425. URL: https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1784328

Feezell J. T., Ortiz B. 2021. 'I Saw it on Facebook': An Experimental Analysis of Political Learning Through Social Media. *Information, Communication & Society*. 24 (9): 1283–1302. URL: https://doi.org/10.1080/1369118X.2019.1697340

Heiberger R. et al. 2022. Do Not Blame the Media! The Role of Politicians and Parties in Fragmenting Online Political Debate. *The International Journal of Press/Politics*. 27 (4): 910–941. URL: https://doi.org/10.1177/19401612211015122

Hochschild A., Machung A. 2012. *The Second Shift: Working Families and the Revolution at Home*. London: Penguin Books.

Kalogeropoulos A., Toff B., Fletcher R. 2024. The Watchdog Press in the Doghouse: A Comparative Study of Attitudes about Accountability Journalism, Trust in News, and News Avoidance. *The International Journal of Press/Politics*. 29 (2): 485–506. URL: https://doi.org/10.1177/19401612221112572

Karlsen R., Beyer A., Steen-Johnsen K. 2020. Do High-Choice Media Environments Facilitate News Avoidance? A Longitudinal Study 1997–2016. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 64 (5): 794–814. URL: https://doi.org/10.1080/08838151.2020.1835428

Lee S., Nanz A., Heiss R. 2022. Platform-Dependent Effects of Incidental Exposure to Political News on Political Knowledge and Political Participation. *Computers in Human Behavior*. 127: 107048. URL: https://doi.org/10.1016/j.chb.2021.107048

Marcinkowski F., Došenović P. 2021. From Incidental Exposure to Intentional Avoidance: Psychological Reactance to Political Communication During the 2017 German National Election Campaign. *New Media & Society*. 23 (3): 457–478. URL: https://doi.org/10.1177/1461444820902104

Meer T. G. L. A. van der, Hameleers M., Ohme J. 2023. Can Fighting Misinformation Have a Negative Spillover Effect? How Warnings for the Threat of Misinformation Can Decrease General News Credibility. *Journalism Studies*. 24 (6): 803–823. URL: https://doi.org/10.1080/1461670X.2023.2187652

Miró-Llinares F., Aguerri J. C. 2023. Misinformation about Fake News: A Systematic Critical Review of Empirical Studies on the Phenomenon and its Status as a 'Threat'. *European Journal of Criminology*. 20 (1): 356–374. URL: https://doi.org/10.1177/1477370821994059

Moeller J. et al. 2016. Shrinking Core? Exploring the Differential Agenda Setting Power of Traditional and Personalized News Media. *Info*. 18 (6): 26–41. URL: https://doi.org/10.1108/info-05-2016-0020

Nelson J. L., Lewis S. C. 2021. Only "Sheep" Trust Journalists? How Citizens' Self-Perceptions Shape Their Approach to News. *New Media & Society*. 25 (7): 1522–1541. URL: https://doi.org/10.1177/14614448211018160

Newman N. et al. 2024. *Reuters Institute Digital News Report*. URL: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2024-06/RISJ_DNR_2024_Digital_v10%20lr.pdf

Palmer R., Toff B. 2020. What Does It Take to Sustain a News Habit? The Role of Civic Duty Norms and a Connection to a "News Community" Among News Avoiders in the UK and Spain. *International Journal of Communication*. 14: 1634–1653.

Palmer R., Toff B. 2024. Neither Absent nor Ambient: Incidental News Exposure from the Perspective of News Avoiders in the UK, United States, and Spain. *The International Journal of Press/Politics*. 29 (3): 755–773. URL: https://doi.org/10.1177/19401612221103144

Palmer R., Toff B., Nielsen R. K. 2023. Examining Assumptions around How News Avoidance Gets Defined: The Importance of Overall News Consumption, Intention, and Structural Inequalities. *Journalism Studies*. 24 (6): 697–714. URL: https://doi.org/10.1080/1461670X.2023.2183058

Panek E. 2016. High-Choice Revisited: An Experimental Analysis of the Dynamics of News Selection Behavior in High-Choice Media Environments. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 93 (4): 836–856. URL: https://doi.org/10.1177/1077699016630251

Park C. S., Kaye B. K. 2020. What's This? Incidental Exposure to News on Social Media, News-Finds-Me Perception, News Efficacy, and News Consumption. *Mass Communication and Society*. 23 (2): 157–180. URL: https://doi.org/10.1080/15205436.2019.1702216

Peacock C., Duyn E. van. 2023. Monitoring and Correcting: Why Women Read and Men Comment Online. *Information, Communication & Society*. 26 (6): 1106–1121. URL: https://doi.org/10.1080/1369118X.2021.1993957

Schäfer S. 2023. Incidental News Exposure in a Digital Media Environment: A Scoping Review of Recent Research. *Annals of the International Communication Association*. 47 (2): 242–260. URL: https://doi.org/10.1080/23808985.2023.2169953

Schwarzenegger C. 2020. Personal Epistemologies of the Media: Selective Criticality, Pragmatic Trust, and Competence–Confidence in Navigating Media Repertoires in the Digital Age. *New Media & Society*. 22 (2): 361–377. URL: https://doi.org/10.1177/1461444819856919

Shin W., Kim C., Joo J. 2020. Hating Journalism: Anti-Press Discourse and Negative Emotions Toward Journalism in Korea. *Journalism*. 22 (5): 1239–1255. URL: https://doi.org/10.1177/1464884920985729

Skovsgaard M., Andersen K. 2020. Conceptualizing News Avoidance: Towards a Shared Understanding of Different Causes and Potential Solutions. *Journalism Studies*. 21 (4): 459–476. URL: https://doi.org/10.1080/1461670X.2019.1686410

Strömbäck J., Djerf-Pierre M., Shehata A. 2013. The Dynamics of Political Interest and News Media Consumption: A Longitudinal Perspective. *International Journal of Public Opinion Research*. 25 (4): 414–435. URL: https://doi.org/10.1093/ijpor/eds018

Toff B., Kalogeropoulos A. 2020. All the News That's Fit to Ignore: How the Information Environment Does and Does Not Shape News Avoidance. *Public Opinion Quarterly*. 84 (S1): 366–390. URL: https://doi.org/10.1093/poq/nfaa016

Toff B., Nielsen R. K. 2018. "I Just Google It": Folk Theories of Distributed Discovery. *Journal of Communication*. 68 (3): 636–657. URL: https://doi.org/10.1093/joc/jqy009

Toff B., Nielsen R. K. 2022. How News Feels: Anticipated Anxiety as a Factor in News Avoidance and a Barrier to Political Engagement. *Political Communication*. 39 (6): 697–714. URL: https://doi.org/10.1080/10584609.2022.2123073

Toff B., Palmer R. A. 2019. Explaining the Gender Gap in News Avoidance: “News-Is-for-Men” Perceptions and the Burdens of Caretaking. *Journalism Studies*. 20 (11): 1563–1579. URL: https://doi.org/10.1080/1461670X.2018.1528882

Toff B., Palmer R., Nielsen R. K. 2023. *Avoiding the News: Reluctant Audiences for Journalism*. New York: Columbia University Press.

NEW BOOKS

Anastasia Kazun

Why People Avoid the News and How (Not) to Combat It

Book review: Toff B., Palmer R., Nielsen R. K. (2023) *Avoiding the News: Reluctant Audiences for Journalism*, New York: Columbia University Press. 288 p.

KAZUN, Anastasia — PhD, Senior Research Fellow, Laboratory for Studies in Economic Sociology; Associate Professor, Department of Economic Sociology, HSE University. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: adkazun@hse.ru

Abstract

The reviewed monograph examines the growing phenomenon of news avoidance, which arises from information overload, media fragmentation, declining trust in news sources, and the pervasive negativity of contemporary news coverage. Drawing on extensive empirical data, the authors provide a thorough analysis of the motivations and factors driving this trend. Their findings indicate a higher likelihood of news avoidance among women, younger individuals, and those from lower socioeconomic backgrounds. Additionally, the study underscores the impact of beliefs about news, political affiliations, experiences of news socialization, and social norms on patterns of news consumption. Individuals who avoid news frequently attribute their behavior to content-related issues—such as excessive negativity, perceived inaccuracy, complexity, and irrelevance to daily life—as well as personal characteristics. The review critically evaluates the authors' recommendations for journalists seeking to mitigate news avoidance, questioning their feasibility and effectiveness. The monograph's call for greater audience engagement in news consumption is deemed insufficiently justified, while certain proposed strategies are argued to potentially produce counterproductive outcomes. Despite these concerns, the monograph represents a valuable contribution to the ongoing scholarly discourse on news avoidance within the contemporary information landscape.

Keywords: news avoidance; news engagement; media consumption; news trust; news-finds-me; mass communication.

Acknowledgements

The study is supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23-78-01206 (https://rscf.ru/project/23-78-01206/).

References

Abendschön S., García-Albacete G. (2021) It's a Man's (Online) World. Personality Traits and the Gender Gap in Online Political Discussion. *Information, Communication & Society*, vol. 24, no 14, pp. 2054–2074. Available at: https://doi.org/10.1080/1369118X.2021.1962944 (accessed 21 February 2025).

Bhat P., Chadha K. (2020) Anti-Media Populism: Expressions of Media Distrust by Right-Wing Media in India. *Journal of International and Intercultural Communication*, vol. 13, no 2, pp. 166–182. Available at: https://doi.org/10.1080/17513057.2020.1739320 (accessed 21 February 2025).

Bogomyagkova E. S., Popova E. E. (2021) "Ustalost' sostradat" v praktikakh mediapotrebleniya (na primere otnosheniya k problematizatsii rasprostraneniya COVID-19) [The Effect of "Compassion Fatigue" in Practices of Media Consumption (on the Case of the Attitude to the COVID-19 Problematization)]. *Sociological Studies = Sociologicheskie issledovaniia*, no 6, pp. 46–56 (in Russian).

Borah P., Su Y., Xiao X., Lai Lee D. K. (2022) Incidental News Exposure and COVID-19 Misperceptions: A Moderated-Mediation Model. *Computers in Human Behavior*, vol. 129, art. 107173. Available at: https://doi.org/10.1016/j.chb.2021.107173 (accessed 21 February 2025).

Carlson M. (2020) Fake News as an Informational Moral Panic: The Symbolic Deviancy of Social Media During the 2016 US Presidential Election. *Information, Communication & Society*, vol. 23, no 3, pp. 374–388. Available at: https://doi.org/10.1080/1369118X.2018.1505934 (accessed 21 February 2025).

Erkel P. F. A. van, Aelst P. van. (2021) Why Don't We Learn from Social Media? Studying Effects of and Mechanisms behind Social Media News Use on General Surveillance Political Knowledge. *Political Communication*, vol. 38, no 4, pp. 407–425. Available at: https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1784328 (accessed 21 February 2025).

Feezell J. T., Ortiz B. (2021) 'I Saw it on Facebook': An Experimental Analysis of Political Learning Through Social Media. *Information, Communication & Society*, vol. 24, no 9, pp. 1283–1302. Available at: https://doi.org/10.1080/1369118X.2019.1697340 (accessed 21 February 2025).

Heiberger R., Majó-Vázquez S., Castro Herrero L., Nielsen R. K., Esser F. (2022) Do Not Blame the Media! The Role of Politicians and Parties in Fragmenting Online Political Debate. *The International Journal of Press/Politics*, vol. 27, no 4, pp. 910–941. Available at: https://doi.org/10.1177/19401612211015122 (accessed 21 February 2025).

Hochschild A., Machung A. (2012) *The Second Shift: Working Families and the Revolution at Home*, London: Penguin Books.

Kalogeropoulos A., Toff B., Fletcher R. (2024) The Watchdog Press in the Doghouse: A Comparative Study of Attitudes about Accountability Journalism, Trust in News, and News Avoidance. *The International Journal of Press/Politics*, vol. 29, no 2, pp. 485–506. URL: Available at: https://doi.org/10.1177/19401612221112572 (accessed 21 February 2025).

Karlsen R., Beyer A., Steen-Johnsen K. (2020) Do High-Choice Media Environments Facilitate News Avoidance? A Longitudinal Study 1997–2016. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, vol. 64, no 5, pp. 794–814. Available at: https://doi.org/10.1080/08838151.2020.1835428 (accessed 21 February 2025).

Kazun A. D. (2023) "Oni vse ravno menya nakhodyat": mediapotreblenie lyudey, izbegayushchikh novostey ["It Finds Me Anyway": Media Consumption of News Avoiders]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, no 3, pp. 3–25 (in Russian).

Kazun A. D. (2024a) Izbeganie novostey: ponyatie, prichiny i faktory rasprostraneniya [News Avoidance: Concept, Causes and Factors]. *Communications. Media. Design = Kommunikatsii. Media. Dizayn*, vol. 9, no 3, pp. 28–55 (in Russian).

Kazun A. D. (2024b) Smotret nelzya ignorirovat: Kakomu kontentu (ne)gotovy udelya' vnimanie lyudi, izbegayushchie novostey? [To Watch or to Ignore: What Kind of Content are News Avoiders (Un)Ready to

Consume?]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology = Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, vol. 27, no 3, pp. 146–167 (in Russian).

Kazun A. D., Petrova D. V. (2024) Ponimayu, no ne odobryayu: kak lyudi, izbegayushchie novostey, i dumskrollery vosprinmayut drug druga? [May Understand, but Cannot Relate: How Do News Avoiders and Doomscrollers Perceive Each Other?]. *Sociology of Power = Sotsiologiya vlasti*, vol. 36, no 2, pp. 78–96 (in Russian).

Lee S., Nanz A., Heiss R. (2022) Platform-Dependent Effects of Incidental Exposure to Political News on Political Knowledge and Political Participation. *Computers in Human Behavior*, vol. 127, art. 107048. Available at: https://doi.org/10.1016/j.chb.2021.107048 (accessed 21 February 2025).

Marcinkowski F., Došenović P. (2021) From Incidental Exposure to Intentional Avoidance: Psychological Reactance to Political Communication During the 2017 German National Election Campaign. *New Media & Society*, vol. 23, no 3, pp. 457–478. Available at: https://doi.org/10.1177/1461444820902104 (accessed 21 February 2025).

Meer T. G. L. A. van der, Hameleers M., Ohme J. (2023) Can Fighting Misinformation Have a Negative Spillover Effect? How Warnings for the Threat of Misinformation Can Decrease General News Credibility. *Journalism Studies*, vol. 24, no 6, pp. 803–823. Available at: https://doi.org/10.1080/1461670X.2023.2187652 (accessed 21 February 2025).

Miró-Llinares F., Aguerri J. C. (2023) Misinformation about Fake News: A Systematic Critical Review of Empirical Studies on the Phenomenon and its Status as a 'Threat'. *European Journal of Criminology*, vol. 20, no 1, pp. 356–374. Available at: https://doi.org/10.1177/1477370821994059 (accessed 21 February 2025).

Moeller J., Trilling D., Helberger N., Irion K., Vreese C. de. (2016) Shrinking Core? Exploring the Differential Agenda Setting Power of Traditional and Personalized News Media. *Info*, vol. 18, no 6, pp. 26–41. Available at: https://doi.org/10.1108/info-05-2016-0020 (accessed 21 February 2025).

Nelson J. L., Lewis S. C. (2021) Only "Sheep" Trust Journalists? How Citizens' Self-Perceptions Shape Their Approach to News. *New Media & Society*, vol. 25, no 7, pp. 1522–1541. Available at: https://doi.org/10.1177/14614448211018160 (accessed 21 February 2025).

Newman N., Fletcher R., Robertson C. T., Arguedas A. R., Nielsen R. K. (2024) *Reuters Institute Digital News Report.* Available at: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2024-06/RISJ_DNR_2024_Digital_v10%20lr.pdf (accessed 21 February 2025).

Palmer R., Toff B. (2020) What Does It Take to Sustain a News Habit? The Role of Civic Duty Norms and a Connection to a "News Community" Among News Avoiders in the UK and Spain. *International Journal of Communication*, no 14, pp. 1634–1653.

Palmer R., Toff B. (2024) Neither Absent nor Ambient: Incidental News Exposure from the Perspective of News Avoiders in the UK, United States, and Spain. *The International Journal of Press/Politics*, vol. 29, no 3, pp. 755–773. Available at: https://doi.org/10.1177/19401612221103144 (accessed 21 February 2025).

Palmer R., Toff B., Nielsen R. K. (2023) Examining Assumptions Around How News Avoidance Gets Defined: The Importance of Overall News Consumption, Intention, and Structural Inequalities. *Journalism*

Studies, vol. 24, no 6, pp. 697–714. Available at: https://doi.org/10.1080/1461670X.2023.2183058 (accessed 21 February 2025).

Panek E. (2016) High-Choice Revisited: An Experimental Analysis of the Dynamics of News Selection Behavior in High-Choice Media Environments. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, vol. 93, no 4, pp. 836–856. Available at: https://doi.org/10.1177/1077699016630251 (accessed 21 February 2025).

Park C. S., Kaye B. K. (2020) What's This? Incidental Exposure to News on Social Media, News-Finds-Me Perception, News Efficacy, and News Consumption. *Mass Communication and Society*, vol. 23, no 2, pp. 157–180. Available at: https://doi.org/10.1080/15205436.2019.1702216 (accessed 21 February 2025).

Petrova D. V. (2024) Potreblenie novostey v selskoy mestnosti: (ne)doverie i strategii veriphikatsii inphormatsii [News Consumption in Rural Area: (Dis)Trust and Verification Strategies]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, no 4, pp. 91–114 (in Russian).

Schäfer S. (2023) Incidental News Exposure in a Digital Media Environment: A Scoping Review of Recent Research. *Annals of the International Communication Association*, vol. 47, no 2, pp. 242–260. Available at: https://doi.org/10.1080/23808985.2023.2169953 (accessed 21 February 2025).

Schwarzenegger C. (2020) Personal Epistemologies of The Media: Selective Criticality, Pragmatic Trust, and Competence–Confidence in Navigating Media Repertoires in the Digital Age. *New Media & Society*, vol. 22, no 2, pp. 361–377. Available at: https://doi.org/10.1177/1461444819856919 (accessed 21 February 2025).

Shin W., Kim C., Joo J. (2020) Hating Journalism: Anti-Press Discourse and Negative Emotions Toward Journalism in Korea. *Journalism*, vol. 22, no 5, pp. 1239–1255. Available at: https://doi.org/10.1177/1464884920985729 (accessed 21 February 2025).

Skovsgaard M., Andersen K. (2020) Conceptualizing News Avoidance: Towards a Shared Understanding of Different Causes and Potential Solutions. *Journalism Studies*, vol. 21, no 4, pp. 459–476. Available at: https://doi.org/10.1080/1461670X.2019.1686410 (accessed 21 February 2025).

Strömbäck J., Djerf-Pierre M., Shehata A. (2013) The Dynamics of Political Interest and News Media Consumption: A Longitudinal Perspective. *International Journal of Public Opinion Research*, vol. 25, no 4, pp. 414–435. Available at: https://doi.org/10.1093/ijpor/eds018 (accessed 21 February 2025).

Stukal D. K., Akhremenko A. S., Petrov A. P. (2022) Affektivnaya politicheskaya polyarizatsiya i yazyk nenavisti: sozdany drug dlya druga? [Affective Political Polarization and Hate Speech: Made for Each Other?]. *RUDN Journal of Political Science = Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, vol. 24, no 3, pp. 480–498 (in Russian).

Toff B., Kalogeropoulos A. (2020) All the News That's Fit to Ignore: How the Information Environment Does and Does Not Shape News Avoidance. *Public Opinion Quarterly*, vol. 84, no S1, pp. 366–390. Available at: https://doi.org/10.1093/poq/nfaa016 (accessed 21 February 2025).

Toff B., Nielsen R. K. (2018) "I Just Google It": Folk Theories of Distributed Discovery. *Journal of Communication*, vol. 68, no 3, pp. 636–657. Available at: https://doi.org/10.1093/joc/jqy009 (accessed 21 February 2025).

Toff B., Nielsen R. K. (2022) How News Feels: Anticipated Anxiety as a Factor in News Avoidance and a Barrier to Political Engagement. *Political Communication*, vol. 39, no 6, pp. 697–714. Available at: https://doi.org/10.1080/10584609.2022.2123073 (accessed 21 February 2025).

Toff B., Palmer R. A. (2019) Explaining the Gender Gap in News Avoidance: "News-Is-for-Men" Perceptions and the Burdens of Caretaking. *Journalism Studies*, vol. 20, no 11, pp. 1563–1579. Available at: https://doi.org/10.1080/1461670X.2018.1528882 (accessed 21 February 2025).

Toff B., Palmer R., Nielsen R. K. (2023) *Avoiding the News: Reluctant Audiences for Journalism*, New York: Columbia University Press.

Vyrkovsky A. V., Shamsutdinova Y. F. (2024) Kategoriya doveriya k massmedia v usloviyakh inphormatsionnoy turbulentnosti: vremya obnovlyat' kontseptsii? [The Category of Trust in Mass Media in the Conditions of Information Turbulence: Time to Update the Concepts?]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, no 6, pp. 182–203 (in Russian).

Received: February 24, 2025
Citation: Kazun A, (2025) Pochemu lyudi izbegayut novostey i kak (ne) nado s etim borotsya? [Why People Avoid the News and How (Not) to Combat It. Book review: Toff B., Palmer R., Nielsen R. K. (2023) *Avoiding the News: Reluctant Audiences for Journalism*, New York: Columbia University Press. 288 p.]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 26, no 2, pp. 162–178. doi: 10.17323/1726-3247-2025-2-162-178 (in Russian).

Экономическая социология
Т. 26. № 2.
Март 2025

Электронный журнал
ojs.hse.ru/index.php/ecsoc
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Доступ к журналу

- Доступ ко всем номерам журнала — постоянный, свободный и бесплатный.
- Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).
- Если хотите, чтобы Вас оповещали о выходе очередного номера, пожалуйста, заполните форму подписки: https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html

Journal of Economic Sociology
Vol. 26. No 2.
March 2025

Electronic journal
ojs.hse.ru/index.php/ecsoc
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str., room 530
101000 Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Open Access Policy

- All issues of the Journal of Economic Sociology are always open and free access.
- Each entire issue is downloadable as a single PDF file.
- If you wish to receive notification when new issues are published, please fill out the following form: https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html